

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр индийских исследований

РУССКИЕ В ИНДИИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Сборник архивных документов
и материалов

Москва
2022

УДК 327(47+57)P327(540)''18/19''

ББК 63.211

P89

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Составитель,
автор введения и примечаний
Т. Н. Загородникова, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Ответственный редактор
М. Р. Рыженков, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
Т. Л. Шаумян, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
В. П. Кашин, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

P89 **Русские** в Индии в конце XIX — первой половине XX в. Сборник архивных документов и материалов [Текст] / сост., авт. введ. и примеч. Т. Н. Загородникова ; Ин-т востоковедения РАН, Центр инд. исслед. ; [отв. ред. М. Р. Рыженков]. — Москва : ФГБУН ИВ РАН. — 2022. — 338 с.

ISBN 978-5-907543-39-3 (пер.)

Сборник открывается отчетами русских врачей А. М. Левина и В. П. Кашкадова, командированных в 1897–1901 гг. в Индию на борьбу с чумной эпидемией. Другим интересным документом является опубликованный в 1905 г. секретный «Отчет о поездке в Индию» подполковника Л. Г. Корнилова, опытного разведчика, находившегося в Индии в 1903–1904 гг. для анализа состояния англо-индийских войск. Практически с той же секретной разведывательной миссией в Северо-Западной Индии в 1906–1908 гг. находился штабс-капитан П. П. Атаев; его выводы дополняют картину геополитического соперничества между Британской и Российской империями в Центральном-Азиатском регионе в XIX–XX вв. Свидетельством нового курса на сближение русско-английских союзнических отношений в Индии являются мемуары Российского императорского генерального консула в Бомбее А. А. Половцова (1906–1907). Заключают издание блок документов и мало известные специалистам очерки о странствиях и захватывающих приключениях русского офицера В. А. Хабарова, эмигрировавшего в 1920 г. в Гоа — португальские владения в Индии.

УДК 327(47+57)P327(540)''18/19''
ББК 63.211

ISBN 978-5-907543-39-3 (пер.)

© Загородникова Т. Н., 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

Содержание

Введение	5
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	
№ 1–3. 1897–28 сентября 1898 г. — Документы о работе русских врачей в Индии по лечению и изучению чумы.....	33
№ 4. 1904 г. — Отчет полковника Генерального штаба Лавра Георгиевича Корнилова о поездке по Северо-Западной Индии	110
№ 5. Не ранее 1907 г. — Отрывок из мемуаров Александра Александровича Половцова о его пребывании в Индии в должности Российского императорского генерального консула в Бомбее	225
№ 6–8. 10–29 апреля/12 мая 1908 г. — Документы о секретной командировке в Индию штабс-капитана Петра Петровича Атаева	245
№ 9–11. 9 ноября 1920 г.–1 октября 1937 г. — Документы о происхождении, службе в армии, эмиграции и жизни в Индии Владимира Александровича Хабарова.....	253
Список сокращений	327
Литература.....	328
Указатель имен.....	332
Summary	336
Об авторе.....	337

Contents

Preface.....	5
№ 1–3. 1897–28 September 1898 — Documents covering the activities of the Russian physicians commissioned to treat the disease and examine the plague epidemic in India.....	33
№ 4. 1904 — Report of Lavr Georgeovitch Kornilov, Colonel of the General Staff, on his visit to North-Western India.....	110
№ 5. Not earlier than 1907 — A Fragment from the Memoir of Alexander Alexandrovitch Polovtsov reflecting his activities in India as Russian Imperial Consul General in Bombay	225
№ 6–8. 10–29 April/12 May 1908 — Documents on the classified mission to India of Staff Captain Petr Petrovitch Atayev	245
№ 9–11. 9 November 1920 — 1 October 1937 — Records of the background, army service, emigration and life in India of Vladimir Alexandrovitch Khabarov	253
List of abbreviations	327
References.....	328
Index of names.....	332
Summary	336
About the author	337

Введение

История путешествий русских людей в Индию начинается во второй половине XV в., когда тверской купец Афанасий Никитин одним из первых европейцев, на 30 лет раньше, чем Васко да Гама, высадился на западном Малабарском побережье к югу от Бомбея. Началось его путешествие (1466–1472) в Твери, далее — по Волге до Каспийского моря, а затем «через три моря» в Индию, где он прожил около 3 лет. Никитин был внимательным наблюдателем жизни и быта народа Индии, его интересовали общественный строй, государственное управление, религии. Все это он описал в своем труде «Хождение за три моря», в настоящее время опубликованном и переведенном на несколько языков¹.

Нельзя сказать, что это первое путешествие «прорубило окно» или «положило начало» сколько-нибудь регулярным визитам русских в Индию, до этого было еще далеко, но попытки установить торговые отношения на государственном уровне предпринимались. Как первому посольству Никиты Сыроежина 1646 г.,² так и второму — Родиона Пушникова 1651 г.,³ пришлось вернуться с пол-

¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. Л., 1986.

² Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С. 48–73 (далее — Рус.-инд. в XVII).

³ Рус.-инд. в XVII. С. 99–123.

пути; третьему — Мухаммеда Юсуфа Касимова 1675 г.⁴ — удалось достичь Кабула, входившего тогда в империю Великих Моголов, но далее его не пустили. Только четвертая попытка, торговая миссия Семена Маленького 1695 г., была успешной. В 1698 г. Великий Могол Аурангзеб принял его и разрешил ему беспошлинную торговлю. Русский купец беспрепятственно путешествовал по империи Великого Могола, посетил Сурат, Бурханпур, Агру, Дели и другие города. Семен Маленький с индийскими товарами отправился на родину, но на обратном пути скончался⁵.

В самом конце XVIII в., в январе 1799 г., в Индии побывал Юрий Федорович Лисянский, который был послан Екатериной II стажироваться на британском королевском флоте. Плавая по морям и океанам, он записывал в дневник или журнал, как он сам его называл, все, что происходило вокруг: события, людей и т. д. В конце жизни Ю. Ф. Лисянский готовил свой журнал к публикации, но по неизвестным причинам он так и не увидел свет⁶.

На рубеже XVIII — XIX вв. Индию посетил Герасим Степанович Лебедев (1749–1817), которого можно назвать первым российским индологом. Он отправился туда в 1785 г. и прожил в Индии 12 лет, имея целью, как он писал, «усовершенствование моих природных склонностей, славу и пользу моего отечества, не отнимая, впрочем, справедливости у той нации, для обозрения которой руководствован я был...»⁷. Лебедев говорил на нескольких индийских языках и написал грамматику «чистых

⁴ Рус.-инд. в XVII. С. 189–236.

⁵ Рус.-инд. в XVII. С. 356–377, 393.

⁶ Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997. С. 14–27 (далее — Рус.-инд. в XIX).

⁷ Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965. С. 544 (далее — Рус.-инд. в XVIII).

и смешанных восточных диалектов», которая была издана в Лондоне в 1801 г. Он по праву считается основателем первого в Калькутте европейского театра, в котором играли бенгальские актеры (1795 г.)⁸. По возвращении Лебедев дал обстоятельное описание верованиям, нравам и обычаям индийцев, которое назвал «беспристрастным созерцанием»⁹.

Князь Алексей Дмитриевич Салтыков (1806–1859) был дипломатом и художником-любителем, служил при российских дипломатических миссиях в Константинополе, Афинах, Лондоне, Флоренции, Риме, Тегеране, но интересовался Востоком, особенно Индией. Выйдя в отставку, он решил осуществить свое заветное желание — отправиться в путешествие по Индии. В марте 1841 г. он высадился в Бомбее. А. Д. Салтыков объездил всю страну и все, что казалось ему интересным, старался зарисовать. Ему хотелось поделиться увиденным с родственниками, и он начал писать письма сестре и брату. Он писал письма по-французски, поскольку этот язык был в ходу у русской аристократии, а его зарисовки служили иллюстрациями. Собранные вместе, эти письма и составили описание двух его путешествий (1841–1843 и 1845–1846 гг.). «*Voyage dans l'Inde, composé de 36 lithographiers à deux teintes*» сначала вышли в Париже в 1848 г., второе издание 1853 г. составило 3 тома с множеством авторских рисунков. Русское издание «Писем об Индии» в пе-

⁸ Рус.-инд. в XVIII. С. 425–514, 539–562; Васильков Я. В. «Буреворственный путешественник»: жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева (1749–1817). СПб., 2017.

⁹ Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев, Всесвятейшему монарху посвященное; собрано на Российском языке и издано жившим в Калькутте Герасимом Лебедевым. СПб., 1805; Лебедев Г. С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль, 2009.

реводе Л. А. Мея без гравюр и акварелей вышло в 1850 г., было быстро раскуплено, имело большой успех у читателей и хорошие отзывы в прессе и было переиздано уже на следующий год¹⁰. Князь А. Д. Салтыков рисовал все, что видел и что казалось ему интересным: пейзажи, индусские и буддийские храмы, паломников, купцов, нищих и т. д. – все, что он считал «коренной индейщиной». Многие были опубликованы во французских изданиях его «Писем», кроме этого в 1853 г. в Париже вышел альбом с 42 его гравюрами с типами жителей Индии и Цейлона «*Les habitants de l'Inde, dessinés d'après nature par le prince Solticoff, lith. par Prayer*». Его работы хранятся в Русском музее в Петербурге, в Государственном историческом музее и Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве¹¹.

Иван Павлович Минаев (1840–1890), профессор Петербургского университета, был основателем отечественной школы индологии. В круг его интересов входили не только буддизм и Древняя Индия, но и география и положение дел в Индии второй половины XIX в. Эти же вопросы интересовали и Военное министерство. Шла Большая игра в Центральной Азии, и военное ведомство, а не МИД, собирало информацию о положении в индийском обществе, настроениях, отношении к России и Великобритании. Судя по дневникам трех путешествий Ивана Павловича по Индии (1874–1875, 1880, 1885–1886 гг.)¹², его глубоко трогала об-

¹⁰ Современное переиздание этой книги вышло в серии «Рассказы о странах Востока» Главной редакции восточной литературы издательства «Наука»: Салтыков А. Д. Письма об Индии. М., 1985; Рус.-инд. в XIX. С. 81–86.

¹¹ При посредничестве посольства РФ в Индии увидел свет красочный альбом: «Русский музей представляет: путешествие по Индии князя Алексея Салтыкова» // Альманах. Вып. 349. СПб., 2012.

¹² Минаев И. П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. СПб., 1878; Его же. Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885–1886. М., 1955.

становка в Индии, вместе со сбором фольклора и поисками рукописей по истории, философии и религиям Индии он оценивал все изменения в жизни простого народа и аристократии, и эти оценки ученого высоко котиrowались военными. Свои Отчеты о поездках по Индии, иногда с рекомендациями¹³, он посылал в Военное министерство; заметки, зарисовки и очерки печатал в открытой прессе, и они рассматривались на самом высоком государственном уровне.

Мы привели здесь далеко не полный перечень наших соотечественников, посетивших Индию до 1880-х годов и оставивших нам описания своих странствий.

Одной из первых публикаций о путешествиях русских был сборник «Глазами друзей. Русские об Индии»¹⁴, где увидели свет отрывки из описаний жизни в Индии Г. С. Лебедева¹⁵, княгини О. А. Щербатовой¹⁶, А. Г. Жирмунского¹⁷, В. Ф. Новицкого¹⁸, а также отрывки из трудов И. П. Минаева¹⁹ и А. Е. Снесарева²⁰ об Индии и другие материалы. Ценность этого сборника состоит в том, что это была первая проба издания такого рода источников, но в силу политической обстановки того времени он настолько «идеологически выдержан» в духе борьбы с колониализмом, и в подборе журнальных статей и отрывков из описаний путешествий, что читать его в настоящее время достаточно трудно.

¹³ См.: «Библиография опубликованных трудов И. П. Минаева» // Иван Павлович Минаев: сб. ст., М., 1967, С. 123–134; Рус.-инд. в XIX. С. 181–201.

¹⁴ Глазами друзей. Русские об Индии. М., 1957.

¹⁵ Там же. С. 83–104.

¹⁶ Там же. С. 230–239.

¹⁷ Там же. С. 332–334.

¹⁸ Там же. С. 349–359.

¹⁹ Там же. С. 187–222.

²⁰ Там же. С. 286–322.

Сборник документов и материалов «Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в.»²¹ значительно расширил знания о контактах между нашими странами. К разряду дипломатических отношений относятся документы о деятельности Мехти Рафаилова (подготовлены В. Г. Воловниковым) по налаживанию связей с правителями Пенджаба и Кашмира, а также торговли с этими княжествами в первой половине XIX в. Л. В. Митрохин и А. В. Райков предоставили для публикации документы Национального архива Индии (Дели) о путешествиях по Индии географа и журналиста П. И. Пашино (70-е годы XIX в.). Климатическое сходство некоторых районов Кавказа с чаепроизводящими районами Азии привело к мысли об организации специальной экспедиции для приобретения опыта культивации чайного куста и производства чая в Российской империи. Документы, связанные с этой поездкой натуралистов и агрономов, подготовила М. Т. Кожекина. Чума, разразившаяся в Индии в самом конце XIX в., и связанный с этим страх заноса этой болезни в пределы Российской империи заставили правительство озаботиться сбором информации о распространении эпидемии в расположенных недалеко от наших границ местностях Индии. Отчет о секретной миссии есаула Д. И. Ливкина с целью разобраться в реальном положении дел в Пенджабе и Кашмире подготовил для издания М. Р. Рыженков. В 1899 г. в Индии побывал военный востоковед-индолог Андрей Евгеньевич Снесарев, это была его единственная поездка в страну изучения, но как индолог-профессионал он не просто осматривал достопримечательности, А. Е. Снесарев видел, впитывал, а потом готов был открыть это все читателям. Очерк Снесарева о Бена-

²¹ Российские путешественники в Индии. XIX–начало XX в. Документы и материалы. М., 1990.

ресе предоставила его дочь — Е. А. Снесарева. А. В. Райков разыскал и откомментировал документы о контактах российских императорских генеральных консулов в Бомбее с активным националистом Б. Г. Тилаком, об изменении отношения к нему со стороны российского МИДа после заключения соглашений 1907 г. по разграничению сфер влияния в Центральной Азии. Письма академика (с 1918 г.) Ф. И. Щербатского из Индии 1910 г. своим коллегам о том, как проходит его командировка, о занятиях индусской философией и др., показали пример зарождавшихся научных контактов между нашими странами. Публикация подготовлена А. А. Вигасиным. Этот небольшой по объему сборник, около 20 печатных листов, внес большой вклад в разработку большой темы русско-индийских отношений, показал их разнообразие и интенсивность в XIX–начале XX в., однако много сюжетов, связанных с контактами между Индией и Россией, остались неосвещенными, еще далеко не все документы по этой теме в богатейших архивах России исследованы и изданы. Более того, публикации начала XX в., особенно изданные для специалистов ограниченными тиражами, в настоящее время физически обветшали и стали библиографической редкостью, практически приобрели статус исторического источника, равного архивному документу; их по праву можно приравнять к архивным материалам, и они достойны быть переизданными.

* * *

Настоящий сборник открывается блоком документов, касающихся деятельности русских врачей, командированных в Индию на борьбу с эпидемией чумы в 1897–1901 гг. Первые сведения о случаях заболевания чумой в Афганистане (январь 1897 г.) послужили поводом для организации врачебно-наблюдательных пунктов на юж-

ных и восточных границах Российской империи, а в столице вышел указ Николая II об образовании «Высочайше учрежденной комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой». В ее состав вошли государственные чиновники самого высокого ранга, во главе ее был поставлен член Государственного совета, представитель императорской семьи принц Александр Петрович Ольденбургский²², известный своим покровительством медицине²³. Эта комиссия послала в Индию несколько экспедиций русских медиков для борьбы с чумой и для изучения болезни. Отряды состояли как из именитых врачей — Василий Петрович Кашкадамов (1863–1941), Алексей Михайлович Левин (1861–1932), Владимир Константинович Высокович (1854–1912), – так и молодых медиков, только начинавших свой путь в науке: Даниил Кириллович Забо-

²² Принц Александр Петрович Ольденбургский (Alexander Konstantin Friedrich von Oldenburg, 1844–1932), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета. В 1885–1889 гг. командовал гвардейским корпусом; чувствовал себя ответственным за судьбу гвардейцев своего корпуса, поэтому, когда в ноябре 1885 г. один из офицеров был укушен взбесившейся собакой, по распоряжению и на средства Александра Петровича он был направлен в Париж для лечения в лаборатории Луи Пастера. Принц был знаком с ним лично и знал, что за несколько месяцев до этого им были проведены первые прививки против бешенства. Так в Российской империи был вылечен первый больной бешенством, или водобоязнью.

В июле 1886 г. была официально открыта «Станция предупредительного лечения водобоязни по способу Пастера», где впервые в России были приняты систематические исследования патогенных микробов и разрабатывались меры борьбы с инфекционными болезнями. После открытия в 1888 г. в Париже Пастеровского института и создании в Германии Гигиенического института народного здоровья А.П. Ольденбургский обратился к Александру III, и 2 ноября 1888 г. было получено «соизволение» на учреждение заведения, подобного существующему в Париже Институту Пастера, «без отпуска средств от казны». Так в 1890 г. был основан императорский институт экспериментальной медицины, попечителем которого стал А.П. Ольденбургский.

²³ Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2 кн. М.: Вузовская книга, 2006. URL: (royallib.com/read/supotnitskiy_mihail/ocherki_istorii_chumi_kniga_ii_chuma_bakteriologicheskogo_perioda.html#455284) (дата обращения: 16.06.21).

лотный (1866–1929), будущий автор теории о природной очаговости чумы; Николай Михайлович Берестнев (1867–1910), будущий заведующий Бактериологической лабораторией форта «Александр I» в Кронштадте и директор Московского бактериологического института. В отчетах о пребывании в Индии встречаются одиночные упоминания о врачах-практиках, внесших свой вклад в лечение больных чумой в Индии и в общее изучение этой болезни. Это Феликс Андреевич Ясенский (1854–после 1923), Александр Флорович Вигура (1856–после 1916), Сергей Андреевич Марк (1861–?), Эраст Львович Вернер (1861–?), Александр Иванович Ост (1858–?), Евгений Александрович Редров (1866–?). Возможно, были и другие, но их имена остались неизвестными. Некоторые из этих врачей печатали свои отчеты о командировке в Индию. В настоящий сборник включены документы двух авторов — А. М. Левина и В. П. Кашкадамова, — в судьбах которых поездки в Индию оставили неизгладимый след на всю жизнь.

В 1879 г. Александр Михайлович Левин поступил на медицинский факультет Университета св. Владимира в Киеве, в 1883 г. перешел в Военно-медицинскую академию, после окончания которой был оставлен при ней на три года. В 1888 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины, а в конце того же года приобрел звание приват-доцента Военно-медицинской академии по клинике внутренних болезней²⁴. Следующие два года А. М. Левин стажировался за границей, преимущественно в Германии, а по возвращении работал в столице, в Обуховской больнице. С 1892 г. он состоял членом-сотрудником Института экспериментальной медицины и в 1897 г. был командирован в Индию для

²⁴ Нувахов Б. Ш., Крылов-Толстикевич А. Н. Верность клятве Гипократа. Элита русской медицины XVIII — начала XX столетия: краткий медицинский биографический словарь. Т. 1: А — Л. М., 2007. С. 384.

изучения чумы. После, как уже имевшего опыт борьбы с чумой, его неоднократно посылали в разные местности Азиатской и Европейской России для борьбы со вспышками чумы. Так, в 1899 г. он одним из первых прибыл в село Колобовка Астраханской губернии, где была зафиксирована вспышка «чумной заразы». Но, по-видимому, его больше привлекала терапия, и с 1899 г. он работал в Женском медицинском институте на кафедре диагностики внутренних болезней. С 1916 г. он служил старшим врачом, затем главным врачом городской больницы Баку, одновременно в 1919–1926 гг. заведовал кафедрами диагностики внутренних болезней и факультетской терапии Бакинского медицинского института, созданными по его инициативе. В 1926–1929 гг. А. М. Левин заведовал кафедрой диагностики и частной патологии с терапией в 1-м Ленинградском медицинском институте²⁵. На Александра Михайловича Левина Индия, ее жители, природа, культура произвели такое большое впечатление, что он впоследствии не раз рассказывал о ней своей дочери Людмиле. Эти рассказы создали в ее воображении настолько притягательный образ, что, окончив сначала Высшие женские (Бестужевские) курсы, а затем восточный факультет императорского Санкт-Петербургского университета, она стала профессиональным индологом. Л. А. Левина-Мерварт побывала в Индии в научной командировке от Кунсткамеры, стала признанным основателем русской школы изучения Цейлона, Южной Индии и Индонезии²⁶.

Василий Петрович Кашкадамов был скорее врачом-гигиенистом, а не бактериологом или практикующим доктором, хотя по окончании медицинского факультета Харьковского

²⁵ Там же.

²⁶ См. подробнее: Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб., 2018.

университета в 1888 г. он проработал некоторое время лечащим врачом. В 1894 г. он был командирован в Уральск на эпидемию дифтерита, по возвращении работал в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины, откуда и был командирован в Индию в 1898 г., где, изучая чуму и способы борьбы с ней, перенимая опыт местных врачей, заинтересовался традиционной индийской медициной. В. П. Кашкадамов был единственным русским врачом, два раза побывавшим в Индии на эпидемии чумы. Несмотря на все тяготы пребывания в одиночестве в Лахоре, городе с тяжелым климатом, и плохое самочувствие, менее чем через год после своего возвращения (он вернулся летом 1898 г.), 20 февраля 1899 г. он был снова командирован в Индию, на сей раз на год и три месяца. По возвращении в Россию В. П. Кашкадамов прочитал доклад «Об индусской фармации» и опубликовал несколько работ по темам: «Чума в Индии» и «Индусская традиционная медицина». Он был одним из первых, кто познакомил российских медиков с основами традиционной индусской медицины аюрведы и йогой. В Больничной газете Боткина (позже был отпечатан оттиск-брошюра) печаталась его работа «Краткий очерк индусской медицины»²⁷. Он состоял из следующих глав: Обзор медицинской литературы, Классификация лекарств, Формы лекарств, Способы применения лекарств, *Materia medica animalis* (Медицинские препараты животного происхождения). В дальнейшем он работал санитарным врачом, в 1918–1922 гг. заведовал кафедрой общей и военной гигиены петроградского Клинического института, занимался гигиеной умственного труда. Интерес к восточной медицине сохранился у него до конца трудовой деятельности, в ленинградском Доме ученых В. П. Кашкадамов был пред-

²⁷ Кашкадамов В. П. Краткий очерк индусской медицины. СПб., 1902.

седателем Инициативной группы по изучению восточной медицины и физкультуры.

В отличие от других русских медиков, командированных в Индию, Василий Павлович записывал свои непосредственные впечатления от увиденного и посылал эти записи на родину в форме писем. Он приехал в Бомбей в начале марта 1898 г. и тут же, по прошествии трех дней, написал первое письмо в Россию. Все его письма, а их было 15, сначала из Бомбея, потом из Лахора, печатались в Больничной газете Боткина за 1898 г., впоследствии письма были опубликованы отдельной брошюрой²⁸. В них он привел статистические сведения по развитию эпидемии в Бомбее, Карачи, Лахоре и Калькутте; Кашкадамов писал о мерах, принимаемых властями в этих городах, деятельности Чумного комитета в Бомбее и Калькутте и реакции на эти действия населения, впечатлениях от встреч со своими коллегами; настроениях в Бомбее и Калькутте, о чем писали газеты, и слухах, бытовавших в народе, об отношении к прививкам и многое другое. Публикуемые в настоящем сборнике Отчет А. М. Левина и отрывок из Отчета самого В. П. Кашкадамова — это взвешенный анализ происходившего и обдуманно выверенные выводы; они составлялись уже по прибытии на родину. Все отчеты заслушивались на заседаниях медицинских обществ; протоколы этих заседаний тоже печатались в Больничной газете Боткина или газете «Врач». Сегодня в связи с пандемией коронавируса COVID-19 эти документы неожиданно стали актуальными и приобрели новое звучание. Они печатались сначала в специальной медицинской прессе, потом — отдельными отрисками-брошюрами, но сейчас они стали библиографической редкостью.

²⁸ Кашкадамов В. П. Письма из Индии. СПб., 1898.

Важно то, что в письмах В. П. Кашкадамов описал живую, непосредственную реакцию на окружавшую его действительность. Здесь нашлось место описанию здоровья самого автора, оказавшегося в очень тяжелых климатических условиях в Лахоре. В Письмах В. П. Кашкадамова описано отношение к русским врачам со стороны администрации и населения, и эти сведения есть только здесь, в отчетах это было бы лишним, не относящимся к медицине, к самой эпидемии и лечению болезни.

Отношение к русским врачам, приехавшим на борьбу с чумой, было совсем не дружественным. В. П. Кашкадамов писал в своем последнем письме из Лахора от 14 мая/5 июня 1898 г.: «Относительно предохранительных прививок Хавкина в народе распространился удивительный слух. Так как Хавкин русский, то он впрыскивает яд, чтобы подорвать доверие со стороны народа к английскому правительству и ослабить здоровье и численность народа и тем самым легче завоевать Индию. Удивительное невежество и непонятный страх перед Россией, действия которой местными английскими газетами всегда рисуются в ужасном виде»²⁹.

Такое отношение к русским и России было обусловлено Большой игрой в Центральной Азии — противостоянием Великобритании и Российской империи в этой части света. Конец XIX в. был периодом острых противоречий, когда Северо-Западная Индия рассматривалась как возможный театр военных действий. В этой обстановке разведка на местности и выяснение реального военного потенциала войск, расположенных в этом районе, становилось первоочередной задачей для командования Туркестанского военного округа и Главного штаба.

²⁹ Там же. С. 24.

Первым русским военным разведчиком, проехавшим в 1879–1880 гг. от Карачи до Калькутты под чужим именем, был генерал Н. Г. Столетов. Это было время интенсивного завоевания и присоединения территории Средней Азии к Российской империи, и его главная задача была военно-политической: выяснение реакции на это как англо-индийской администрации, так и местного населения³⁰. В 80-е годы XIX в. было несколько поездок военных в Индию: в 1881 г. на обратном пути из Китая Индию посетил подполковник Н. Я. Шнеур³¹, в 1885–1886 гг. полковник А. К. Тимлер и полковник князь Н. И. Одоевский-Маслов по приглашению английского правительства присутствовали на маневрах под Дели, а потом путешествовали по Северной Индии, но их первоначальные планы по посещению северной части Пенджаба, Хайберского прохода, Кветты, Боландского прохода не были осуществлены³². В конце XIX в. в связи с планами, а позднее и открытием офицерских курсов по изучению языка хиндустани в Ашхабаде и Ташкенте (с 1899 г. только в Ташкенте) в Индию для изучения или совершенствования этого языка командировались офицеры А. И. Выгорницкий³³, А. Ф. Гильфердинг³⁴, И. К. Серебренников, В. В. Лосев и др. Все они наряду с совершенствованием в языке хиндустани занимались и разведкой. Стоит особо отметить поездку в Индию в 1899 г. штабс-капитана Андрея Евгеньевича Снесарева³⁵, после которой были написаны несколько трудов, в том числе «Североиндийский театр. Военно-геогра-

³⁰ Рус.-инд. в XIX. С. 245–246.

³¹ Там же. С. 251–256.

³² Там же. С. 256–265.

³³ Там же. С. 302–311.

³⁴ Там же. С. 328–331.

³⁵ Там же. С. 331–334.

фическое описание»³⁶ и «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление»³⁷. С самого начала маршрут поездки двух русских офицеров (вторым был подполковник А. А. Полозов) был проложен через Северо-Западную Индию, но английское правительство предложило другой маршрут, пролежавший восточнее. При этом для оказания широкого гостеприимства и возможного содействия от самой границы их должны были сопровождать специально назначенные для этого офицеры³⁸. Более того, «на просьбу подполковника Полозова возвратиться через Кветту и Сеистан британское правительство ответило отказом, оно сверх того выразило желание, чтобы оба наши офицера путешествовали вместе и не останавливались на более или менее продолжительное время в каком-нибудь пункте»³⁹. Впоследствии русские путешественники имели возможность проехать по Северо-Западной Индии, например подполковник И. К. Серебренников, побывавший в Индии в 1901–1902 гг., проехал из Дели в Пенджаб, побывал в Джамруде у входа в Хайберский проход⁴⁰, но он приехал как частное лицо, и в паспорте не было указано его воинское звание. Положение штатского лица, туриста, ограничивало его возможности по сбору сведений об англо-индийской армии, тем более что основной целью его командировки было все-таки совершенствование знаний языка хиндустани. Отсутствие детальной информации о войсках, расквартированных в интересовавшем Глав-

³⁶ Снесарев А. Е. Североиндийский театр. Военно-географическое описание. Ташкент, 1903.

³⁷ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб., 1906.

³⁸ Рус.-инд. в XIX. С. 332.

³⁹ Там же. С. 333.

⁴⁰ Наиболее удобный проход в Индию, стратегически важный, особо охраняемый пункт.

ный штаб районе Индии, привело к мысли о командировании опытного разведчика, знакомого со спецификой если не индийской, то афганской и в целом — центральноазиатской. Таким разведчиком был подполковник Лавр Георгиевич Корнилов.

Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) родился в многодетной семье небогатого чиновника, потомственного казака, в прошлом — хорунжего (младшего офицера), служившего переводчиком при 7-м Сибирском казачьем полку⁴¹. В 1883 г. он поступил в Сибирский (Омский) кадетский корпус на правах «приходящего», потому что не сдал экзаме́н по французскому языку — там, где он родился и вырос, найти репетитора по этому языку было невозможно. Первый год обучения он закончил на отлично, это позволило ему продолжить обучение за казенный счет. Кадет Корнилов показал блестящие результаты в учебе, особенно в изучении математики, тогда же он начал изучать восточные языки. После окончания кадетского корпуса в 1889 г. Л. Г. Корнилов поступил в Михайловское артиллерийское училище⁴². В 1892 г. он окончил дополнительный курс, что давало преимущества при распределении. Однако Лавр Георгиевич выбрал в качестве места службы Туркестанский край⁴³. В 1895 г. он поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил с малой серебряной медалью и досрочным производством в капитаны. И снова он принял решение отправиться в Туркестан, где вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. служил в шта-

⁴¹ Огородникова Л. И., Лосунов А. М. Корнилов из рода Корниловых (по документам исторического архива Омской области) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 22.

⁴² Там же. С. 24.

⁴³ Копылов Н. А. Белые полководцы. М., 2014. С. 8. URL: <https://mognb.ru/books/1326868-belye-polkovodcy/read/page-8> (дата обращения: 01.06.22).

бе округа. Он участвовал в разведывательных экспедициях в Восточном Туркестане, Афганистане, Иране, собирал важнейшие топографические материалы, сведения о местных народах, а также занимался созданием агентурных сетей. Как разведчик он проявил большую личную храбрость, точный расчет и находчивость, показал прекрасные аналитические способности, а результаты его исследований имели не только военную, но и научную ценность. Так, в 1898 г. он лично пересек границу и под видом добровольца, который собирался идти на службу к эмиру Афганскому Абдурахману, пробрался к секретной крепости Дейдади⁴⁴, сделав ряд фотографических снимков и обследовав прилегающую местность.

Подполковник Корнилов проехал главным образом по Северо-Западной Индии, осматривал возможный театр военных действий для анализа состояния британских колониальных войск и фортификационных сооружений, расположенных в этом регионе. Стоит обратить внимание на то, что он приехал под своим именем, не скрывая воинского звания, и его пускали на все военные объекты и показывали все, что он просил. Возможно, что здесь сыграла роль корпоративная воинская солидарность — признание достойного противника: он был хорошо известен в военных кругах Индии, и его уважали как храброго и широко мыслящего офицера. Система рекомендательных писем создавала цепочку лиц, которые, с одной стороны, давали ему разрешения на посещения смотров, парадов, учений и т. п., а с другой стороны, он все время находился под их присмотром. Л. Г. Корнилову демонстрировались успехи реформы главнокомандующего генерала Китченера. Это должно было привести его к выводу о нецелесообразности наступления на Индию, о готов-

⁴⁴ Там же.

ности отразить нападение. Если бы не начало Русско-японской войны, то его пустили бы посмотреть и Хайберский проход. Совсем другим было отношение полиции: слежка, обвинение в фотографировании военных объектов и т. п.

С началом Русско-японской войны отношение к нему со стороны командования англо-индийской армии резко изменилось, поскольку прошел слух о мобилизации в Туркестанском военном округе, и он счел за лучшее прервать свою командировку и возвратиться на родину.

Впереди было участие в Русско-японской войне, служба в Главном управлении Генерального штаба, где он занимался постановкой разведки на южных рубежах империи, служба военным агентом в Китае, участие в Первой мировой войне и побег из австрийского плена, участие в Гражданской войне и гибель во время артобстрела штаба армии.

В сборнике публикуется Отчет о поездке по Северо-Западной Индии подполковника Генерального штаба Лавра Георгиевича Корнилова. Он был опубликован в Добавлении к Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии, который издавался в С.-Петербурге с 1883 по 1914 г. Военно-ученым комитетом Главного штаба, а затем (с 1906 г.) Отделом генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба⁴⁵ и имел гриф «Секретно» или «Не подлежит оглашению». Отчет дает представление о вооруженных силах Северо-Западной Индии.

Дополнением к отчету Л. Г. Корнилова может служить блок документов, касающихся секретной командировки штабс-капитана Петра Петровича Атаева (1873–после 1922).

П. П. Атаев родился в г. Елисаветполь (Гянджа), после окончания гимназии поступил в Тифлисское пехотное юн-

⁴⁵ Рыженков М. Р. Сборник материалов по Азии // Труды Института востоковедения РАН. М., 2018. Вып. 17. С. 163.

керское училище, в 1893 г. вступил в военную службу рядовым в резервный батальон в Асландузе, продвигаясь по службе и получая очередные офицерские чины. В 1903 г. был командирован в Управление 2-й Туркестанской резервной бригады для письменных занятий и поступил на курс для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку хиндустани (кроме хиндустани он изучал персидский и английский), окончил курс в 1905 г. и стал батальонным адъютантом в чине штабс-капитана. В 1905–1906 гг. он преподавал местные языки офицерам 7-го Мервского резервного батальона. В конце 1906 г. был послан в Индию с секретной разведывательной миссией, срок окончания командировки несколько раз отодвигался, и он вернулся на родину только в 1908 г. В какой-то степени это было дублирование поездки Л. Г. Корнилова, но Лавр Георгиевич посещал гарнизоны англо-индийской армии, был на смотрах и учениях разных родов войск, интересовался устройством седел и полковой пекарни, но везде его кто-то сопровождал. П. П. Атаев, пользуясь своей внешностью армянина и знанием языка хиндустани, под легендой купца мелочного товара исколесил всю Северо-Западную Индию, ходил куда хотел и нигде ни у кого не вызвал подозрения. Командировка П. П. Атаева началась в декабре 1906 г., и он попал в Калькутту только 2 апреля 1907 г., т. е. тогда, когда, судя по воспоминаниям А. А. Половцова (см. док. 5 настоящего сборника), полным ходом шла подготовка к заключению русско-английской конвенции относительно Персии, Афганистана и Тибета, соглашения по разделу сфер влияния в Центральной Азии. Происходил поворот от конфронтации к союзническим отношениям, к Антанте, и, тем не менее, разведка продолжала свою работу.

На следующий год после возвращения он был командирован в г. Чарджуй для исполнения должности комендантского адъютанта, потом был переведен в 14-й, затем в 11-й

Туркестанский стрелковый полк, а с 1911 г. прикомандирован к штабу Туркестанского военного округа в школу восточных языков для преподавания сартовского языка, в 1912–1913 гг. читал лекции по грамматике английского языка⁴⁶, в 1913 г. отлично сдал экзамен на получение звания офицера переводчика⁴⁷. С началом Первой мировой войны он ушел на фронт и закончил ее в чине подполковника.

П. П. Атаев воевал за независимость Армении в составе частей Отдельного Армянского национального корпуса в 1918–1920 гг. в звании подполковника, потом полковника в должности начальника штаба Отдельного Армянского корпуса, был арестован в Эривани и доставлен в начале февраля 1921 г. в Баку. Как и большинство офицеров-армян, он был отправлен в концлагерь в г. Рязань.

Интересные документы из Государственного архива Рязанской области привел Г. А. Мартиросян в своей монографии «Офицеры республики Армения в концлагере города Рязани»: это правительственная телеграмма следующего содержания: «Рязань Комиссару концентрационного лагеря. 17 февраля 1921 г. № 2944 = ВСЕ СРОЧНО = Сообщите Отдел Востока Наркоминдел. Находится ли в лагере в настоящее время осужденный НР 297/2 Атаев Петр Петрович = Зам наркома Карахан = 3733». В ответной телеграмме говорилось: «Отдел Востока Наркоминдела = На вашу телеграмму за № 2944 сообщаю, что Атаев Петр Петрович находится в заключении во вверенном мне лагере осужден Особым отделом XI армии как неблагонадежное лицо». Подпись: Нач. Лагеря⁴⁸. Почему Отдел Востока Наркомата

⁴⁶ Басханов М. К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. С. 447.

⁴⁷ Там же. С. 449.

⁴⁸ Мартиросян Г. А. Офицеры республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002. С. 22.

иностранных дел и лично его глава Л. М. Карахан заинтересовался П. П. Атаевым, было ли какое-то развитие этого запроса и как в дальнейшем сложилась его жизнь остается пока неизвестным. П. П. Атаев был реабилитирован 5 августа 2004 г. на основании Закона о реабилитации жертв политических репрессий от 18 октября 1991 г.⁴⁹

С 70-х годов XIX в., с открытием в 1869 г. Суэцкого канала, появилась возможность установить регулярную связь с Индией морским путем. Особую активность в этом деле проявило Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ). 12 февраля 1871 г. из Одессы в Бомбей вышел первый пароход «Нахимов». Ровно через месяц он пришвартовался в Бомбее. Через несколько лет, в 1878 г., по указу Александра II был учрежден Добровольный флот (Доброфлот) для содействия развитию отечественной торговли и торгового флота. Доброфлот начал регулярные круглогодичные рейсы на основной линии Одесса — российский Дальний Восток. С 1880 г. было установлено постоянное товарно-пассажирское движение между Одессой и портами Китая и Японии, портом захода в Южной Азии был Коломбо. По логистике Индия стала ближе и путешествия туда стали доступнее, но между Россией и Индией не существовало сколько-нибудь значительных торговых отношений. Шло время, и вопрос об открытии консульства Российской империи в одном из портов Индии становился все более актуальным, торговый оборот по-прежнему был крайне ничтожным, но инициаторами открытия консульства были военные, они нуждались в информации о том, что происходило в Индии⁵⁰. Россий-

⁴⁹ Григоров А. А., Григоров А. И. Заключение Рязанского губернского концлагеря РСФСР 1919–1923 гг. URL: http://genroge.ru/riazanskiy_konclager_1919-1923/riazanskiy_konclager_1919-1923_dela_spiski-21.htm#p383 (дата обращения: 13.05.21).

⁵⁰ Рус.-инд. в XIX. С. 346–347.

ская империя имела право на учреждение дипломатического представительства в Индии еще с середины XIX в., и переговоры об этом, то затихая, то возобновляясь, шли до начала нового века. Только в ноябре 1900 г. в Бомбее было открыто Российское императорское генеральное консульство⁵¹.

Первым российским генеральным консулом был Вильям (Василий) Оскарович фон Клемм, профессиональный дипломат-востоковед, человек незаурядных способностей. Ему пришлось работать в очень сложных обстоятельствах активной фазы Большой игры: слежка, перлюстрация корреспонденции; пресса всячески настраивала местное население против русских — таковы были реалии Большой игры. Но шло время, изменения в международной обстановке диктовали изменения и в англо-русских отношениях, начались переговоры о подписании новых договоров между великими державами, разграничивавших сферы их влияния в Азии. Это должно было привести Великобританию и Россию к союзническим отношениям. Шел процесс формирования Антанты. Это совпало с окончанием срока пребывания В. О. фон Клемма в Индии, что оказалось очень кстати, потому что новый курс в политике должен был начинать новый человек. Этим новым консулом стал Александр Александрович Половцов (1867–1944).

Его отец, Александр Александрович Половцов-старший (1832–1909), был промышленником-миллионером, крупным государственным и общественным деятелем, сенатором (1873), государственным секретарем (1883–1892), меценатом, одним из основателей и секретарем Русского исторического общества; мать, Надежда Михайловна Июнева, была

⁵¹ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М., 1999. С. 35 (далее Рус.-инд. в 1900–1917).

внебрачной дочерью великого князя Михаила Павловича и приёмной дочерью, а также единственной наследницей барона А. Л. Штиглица⁵², богатейшего в то время банкира. Таким образом, Александр Александрович Половцов-младший был близок ко двору Николая II.

А. А. Половцов-младший окончил гимназию при Санкт-Петербургском филологическом институте, затем — императорское училище правоведения, но избрал военную карьеру и вступил в службу в 1888 г. в лейб-гвардии Конный полк. Выйдя в отставку, с 1892 г. он служил в Министерстве внутренних дел, где занимался организацией помощи пострадавшему от неурожая населению поволжских губерний и переселенческому делу. В качестве чиновника особых поручений МВД в 1896 г. он был командирован в Ташкент для изучения проблем, связанных с переселенческим делом в Средней Азии и Закавказье.

В 1898 г. А. А. Половцов перевелся в Министерство иностранных дел, с чином коллежского советника служил в Азиатском департаменте, в 1903–1905 гг. — в должности дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе, способствовал успешному разрешению противоречий между населением Памира и администрацией эмира Бухарского. Он встал на сторону памирцев и сумел убедить эмира пресечь злоупотребления чиновников на местах, предотвратив таким образом назревавшее восстание.

Следующим назначением была командировка в Индию. Он должен был занять пост Российского императорского генерального консула в Бомбее, где и пробыл с перерывами с апреля 1906 г. по июнь 1907 г. В настоящем сборнике публикуется отрывок из мемуаров А. А. Половцова, напи-

⁵² Надежда Михайловна Половцова — внебрачная дочь великого князя Михаила Павловича. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4000579/post385120272> (дата обращения: 01.05.22).

санных в эмиграции. Автор подготовил их к публикации, и после его смерти в эмигрантском журнале «Возрождение» увидела свет первая их часть, касающаяся его детства и отрочества, но дальнейшая публикация была по неизвестным причинам приостановлена. Рукопись попала в Русский заграничный исторический архив в Праге (Пражский архив), переданный чехословацкими властями АН СССР после Второй мировой войны, и в настоящее время хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Приведенный в сборнике отрывок касается его жизни в Индии. Он интересен тем, что здесь описан непродолжительный период подготовки, согласования и подписания Соглашения 1907 г., показано, как новый российский генеральный консул сумел расположить к себе губернатора Бомбея и высшее общество. По случайному стечению обстоятельств он заболел малярией, поэтому срок его пребывания в Индии был очень недолгим — немногим больше года, но его воспоминания показывают, как проходил переход к союзническим отношениям с Великобританией в ее колонии, Индии, атмосферу бомонда Бомбея.

После возвращения А. А. Половцов был причислен к 1-му департаменту МИД, но занимался делами, не связанными с внешней политикой: развитием тяжелой промышленности на Урале, был председателем правлений Богословского горнозаводского общества и Общества Богословской железной дороги; членом нескольких благотворительных и научных обществ.

После начала Первой мировой войны вернулся в МИД, принимал участие в межсоюзнических конференциях. Вскоре после октябрьской революции вышел в отставку.

Параллельно со службой с 1890 г. А. А. Половцов был членом совета Художественной школы барона А. Л. Штиглица, в 1911 г. возглавил Комиссию по приобретениям для музея

и библиотеки барона А. Л. Штиглица, а после своей командировки на Восток привез оттуда множество экспонатов для восточной коллекции музея, стал тонким знатоком и ценителем произведений искусства. В 1917 г. он стал директором музея и Художественной школы барона Штиглица, был членом художественной комиссии по Гатчинскому дворцу. После Революции 1917 г. был назначен комиссаром Павловского дворца по художественной части, затем — первым его директором послереволюционного времени. Через год А. А. Половцов передал в музей барона А. Л. Штиглица часть своего личного художественного собрания⁵³.

В 1918 г. он эмигрировал сначала в Финляндию, затем переехал во Францию и обосновался в Париже, где открыл антикварный магазин. Умер в 1944 г.

События Октября 1917 г. повернули историю России, и многим не нашлось места при нарождающемся новом порядке. Они были вынуждены эмигрировать. Основная масса русских беженцев устремилась в Европу, но были и те, кто ехал на Восток, главным образом в Китай⁵⁴ и в страны Северной Африки⁵⁵, здесь складывались русские диаспоры.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См. подробнее: Черникова Л. П. Русские эмигранты восточной ветви — участники Первой мировой войны // Война и общество: матер. межрегион. молодёж. научно-практич. конф., посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны и круглого стола «Казачество Урало-Поволжья на фронтах Первой мировой войны». 2014. Ее же. Российская эмиграция в Китае (1900–1949) // Труды Института востоковедения РАН. 2018. Ее же. Русская эмигрантка в Китае в 1917–1949 годах: моделирование своего этнокультурного пространства в условиях иноконфессионального и иноязычного мира // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: матер. XII междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. В 2 ч. СПб., 2019.

⁵⁵ См. подробнее: Беляков В. В. Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945 гг.). Эль-Аламейн: неизвестные страницы войны. СПб., 2017. Его же. Русская эмиграция в Египте (1920-е–1980-е гг.). История. Документы. Некрополь. СПб., 2018.

Индия и Юго-Восточная Азия не были теми местами, где стремились обосноваться беженцы. По-видимому, это можно объяснить и тяжелым климатом, и большими различиями в традиционном укладе жизни, и сложностью добраться до тех мест.

Заключает сборник блок документов о жизни, службе в армии и эмиграции в Гоа Владимира Александровича Хабарова (1879–после 1937). Это редкий случай эмиграции русского военного в Португальскую Индию. Здесь документы расположены не в хронологическом порядке, который принят относительно всех других документов, потому что автобиография В. А. Хабарова, где он повествует о своих предках, ранних годах жизни, учебе и прохождении службы в армии вплоть до переезда в Индию, датирована 1937 г., но помещать ее после описания его пребывания в Индии казалось нелогичным. Автор, он же главный герой, сам рассказал о себе; к сожалению, ни в справочниках по русской диаспоре в Европе и в Азии, ни в архивах Австралии нам не удалось найти следов ни его, ни его сыновей, поэтому как проходила его дальнейшая жизнь в Индии или где-то в другой стране, если он все-таки решил ее покинуть, нам неизвестно.

Автор, безусловно, обладал недюжинным литературным даром, его описания приключений (его издатель назвал это описание ни больше и ни меньше как «Завоевание Индии») захватывают: сочный, очень образный язык с обилием поговорок и присказок создает яркую картину его жизни в Португальской Индии. Притом все повествование проникнуто большой долей самоиронии и очень эмоционально написано — недаром так много восклицательных знаков. Для В. А. Хабарова жизнь в Индии — сплошная борьба, как и борьба с огнем — бой, отсюда обилие военных терминов: фронт, фланги. Еще одна особенность: В. А. Хабаров

описывает не городскую, а сельскую повседневную жизнь, которая обычно скрыта и для путешественника, и для командировочного, иностранец ее не видит или видит очень непродолжительное время. Автор же ее наблюдал, вернее, проживал из года в год, все сезоны, каждый со своим своеобразием.

По-видимому, первоначально это были письма хорошему знакомому автора, Николаю Захаровичу Рыбинскому, бывшему военному, ставшему в эмиграции журналистом. Они так понравились адресату, что он попросил, чтобы В. А. Хабаров написал ряд очерков о том, как он попал в Индию и как в дальнейшем сложилась его жизнь там. Соединив их воедино и озаглавив «Завоевание Индии», Н. З. Рыбинский издал их в Белграде на плохой бумаге форматом ученической тетради с массой опечаток и типографских ляпов (перестановка строк, перевернутые буквы). В настоящее время — это библиографическая редкость, не известная специалистам⁵⁶.

Сборник «Русские в Индии в конце XIX — первой половине XX в.» состоит из 11 архивных документов и материалов, объединенных в 5 блоков, 5 документов публикуются впервые. Введение в научный оборот неизвестных или малоизвестных архивных документов всегда является событием в исторической науке, расширяет наши знания как об Индии, так и о наших соотечественниках, побывавших или живших в этой стране. Ранее опубликованные материалы или выходили под грифом «Секретно» (Отчет Л. Г. Корнилова), или за 120 лет, прошедших с их публикации, стали библиографической редкостью (Отчеты врачей), или были известны только в узких кругах русской эмиграции в Ев-

⁵⁶ В настоящее время сочинение В. А. Хабарова находится в Российской государственной библиотеке, в Фонде литературы русского зарубежья, и в Научной библиотеке Государственного архива Российской Федерации.

ропе («Завоевание Индии» В. А. Хабаровов), поэтому стоит надеяться, что сборник найдет своего читателя, а документы и материалы послужат историческим источником для дальнейшего исследования и понимания многообразия русско-индийских отношений.

Текст документов частично выправлен в соответствии с правилами современной орфографии. Пунктуация современная. Стилистика подлинников сохранена.

Комментарии составителя помещены в конец документа или блока документов.

В конце сборника приведен указатель имен и список сокращений.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

№ 1–3

*1897–28 сентября 1898 г. — Документы о работе
русских врачей в Индии по лечению и изучению чумы*

№ 1

*1897 г. — Из Отчета Александра Михайловича Левина¹
о командировке в Индию
для изучения чумной эпидемии*

<...>² Эпидемия чумы в Бомбее находится в прямой зависимости от чумной эпидемии в Гонконге³, откуда болезнь и была, по-видимому, занесена. Первые случаи стали появляться в начале июля 1896 г.⁴ Но, как обыкновенно бывает, не обратили на себя надлежащего внимания. О дальнейшем ходе эпидемии мы не имеем, в сущности говоря, вполне точных сведений, ибо количество чумных заболеваний, официально зарегистрированных, как таковые, не находятся ни в каком отношении к действительности. Ниже (см. § 1) будут указаны причины неточности официальных сведений. Гораздо более верное представление о ходе эпидемии дает кривая общей смертности бомбейского населения, которую мы здесь приводим (см. рис. 1).

Так как за то время, к которому относится эта кривая, в Бомбее не наблюдалось никаких других эпидемий, которые могли бы так резко влиять на общую смертность, то ход этой кривой с полным правом можно считать более или менее соответствующим ходу чумной эпидемии.

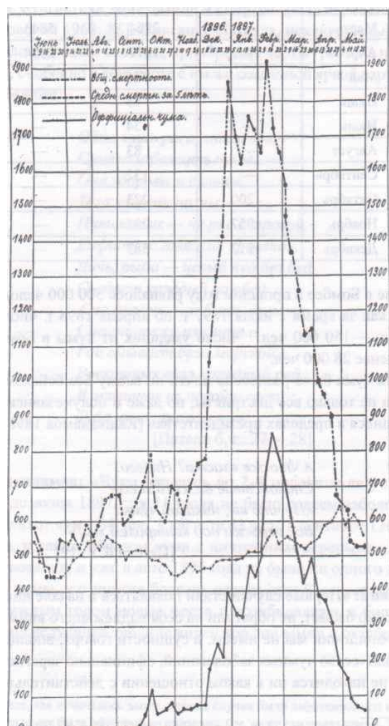

Рис. 1. График смертности населения г. Бомбея

Источник: Отчет А. М. Левина

но не внушало правящим классам города больших опасений. Санитарный отдел городской управы в течение этого времени проектировал ряд мер, оставшихся, однако же, большей частью только на бумаге.

Второй фазис продолжался с конца ноября до конца февраля и может быть назван фазисом муниципальным. За это время городской муниципалитет уже обратил должное внимание на господствовавшую эпидемию и старался осуществить меры, предложенные санитарным врачом г. Бомбея д-ром Weir'ом⁷. Но борьба с косностью и предрассудка-

Борьба с чумной эпидемией в Бомбее пережила 3 фазиса. Первый из них, продолжавшийся от появления первых случаев приблизительно до конца октября, можно было бы назвать фазисом апатии. За это время эпидемия нарастала медленно, поражала исключительно беднейший класс населения, не затрагивая вовсе не только европейцев, но и парсов⁵ и более или менее состоятельных индусов. Общественное мнение в это время всецело было поглощено заботами о голоде⁶, свирепствовавшем тогда в Индии и тяжело отзывавшемся на промышленной и торговой деятельности Бомбея. Существование чумы в городе частью еще оспаривалось, частью признавалось,

ми населения оказалась непосильной для муниципалитета, состоявшего из выборных представителей того же самого населения, с невежеством которого приходилось бороться.

В начале марта борьба с чумой вступила в 3-й фазис, когда англо-индийское правительство в лице бомбейского генерал-губернатора⁸ взяло в свои руки организацию санитарных мероприятий и учредило особый Чумной Комитет⁹ под председательством генерала Gatacre'a¹⁰, начальника бомбейского гарнизона, которому и были предоставлены почти диктаторские полномочия.

Главнейшие мероприятия, в которых выразилась борьба с чумой — со стороны как муниципалитета, так и Чумного Комитета заключались: 1) в поголовном осмотре населения; 2) в устройстве госпиталей и препровождении в них найденных больных; 3) в устройстве изоляционных лагерей для здоровых членов семьи, в которой обнаружено заболевание; 4) в дезинфекции помещения; 5) в медицинском осмотре путешественников, прибывающих и отъезжающих; 6) в попытках упорядочения погребения мертвых; попытки эти, как мы увидим ниже, потерпели неудачу; 7) в доставлении населению возможности пользоваться противочумной сывороткой Yersin'a¹¹ и 8) предохранительные прививки Хавкина¹².

Я позволю себе теперь описать каждую из этих мер в отдельности, причем попутно выяснится и степень их практической пригодности.

I. Поголовный осмотр населения (House-to-house visitation)

Первым и необходимым условием успешной борьбы со всякой эпидемией должно быть, конечно, точное знание степени распространения эпидемии в данной группе насе-

ления (в городе, деревне и т. п.), поэтому внимание бомбейского муниципалитета с самого начала было устремлено на собирание возможно точных сведений о заболеваемости и смертности от чумы в городском населении. В распоряжении муниципалитета было только 2 источника для получения этих сведений, именно: 1) письменные заявления частных врачей о встречающихся в их практике случаях инфекционных болезней, которые они обязаны посылать на особых карточках в санитарное отделение городской управы (Health Office), и 2) записи в книгах, которые ведутся смотрителями магометанских кладбищ, парсийских «башен молчания» и индусских трупосожигалищ (Burning Ground), которые обязаны отмечать причину смерти каждого приносимого трупа.

Но сведения, получавшиеся из этих источников, очень скоро оказались явно несоответствовавшими действительности и потому непригодными для обоснования каких-либо практических мероприятий. Это как нельзя более ясно видно из приведенной выше кривой; в ней приведена общая смертность гор. Бомбея по неделям с июня 1896 г. по июнь 1897 года и рядом с этим средняя смертность за соответствующие недели по данным предшествовавших 5 лет. Громадная разница между теми и другими цифрами находится в слишком явном несоответствии с незначительным количеством официально зарегистрированных смертей от чумы. Впечатление, производимое этой таблицей, должно еще более усилиться, если принять во внимание, что она дает только цифры смертности и оставляет совершенно в стороне цифру заболеваемости.

Причины такой неудовлетворительности обоих выше-названных статистических источников сведений довольно многочисленны. Врачи, которым закон вменяет в обязанность посылать так называемые санитарные карточки,

в Бомбее большей частью индусы и парсы и лишь сравнительно небольшое число их принадлежит к так называемым евразийцам (Eurasians), т. е. смеси европейцев (главным образом, португальцев) с туземцами; европейских врачей чрезвычайно мало, и они практикуют главным образом среди высших слоев населения и среди европейской колонии, т. е. среди тех частей населения, где чума встречается крайне редко. Между тем врачи первых двух категорий находятся в такой тесной зависимости от своих больных-туземцев, что от них невозможно было ожидать своевременных и точных заявлений о чуме, которую туземное население всячески скрывало, опасаясь санитарных мер и связанных с ними неудобств, о чем будет подробнее речь впереди. Кроме того, в первую половину эпидемии большинству практикующих врачей чума была так мало знакома, что в виду весьма естественного чувства громадной ответственности, они позволяли себе распознавание чумы лишь в совершенно типических несомненных случаях, а все мало-мальски сомнительные и не вполне отчетливые случаи заносили в категории разного рода «лихорадок». Что касается до второго источника, то он, разумеется, оказался еще более ненадежным, ибо записи в кладбищенских книгах велись на основании словесных заявлений родственников приносимого покойника или наружного вида самого трупа, который далеко не всегда представлял настолько характерные явления (бубоны), по которым неврачи могли бы с уверенностью приписать смерть чуме.

Благодаря всему этому статистические данные о ходе чумной эпидемии, которыми располагала администрация города, которые публиковались в газетах, телеграфировались в Европу, доносились центральному правительству в Калькутте и должны были служить официальной мотивировкой для проектируемых мероприятий и денежных затрат, нахо-

дились в таком резком противоречии с явными результатами наблюдения со стороны городского населения, что на городскую администрацию посыпались страстные обвинения в сокрытии истины и в стремлении умалить значение эпидемии, ввести в заблуждение общественное мнение как в Индии, так и в Европе ради политических и коммерческих целей. В европейской печати те же самые обвинения сыпались уже на центральное английское правительство. Между тем, при вышеописанных условиях правительство не могло располагать более точными сведениями и если его можно в чем-нибудь упрекнуть, то не в умышленном сокрытии истины, а в непринятии достаточно энергичных мер для получения точных статистических сведений, причем, однако необходимо принять во внимание, что принятие этих мер, когда правительство, наконец, на него решилось, сильнеешим образом тормозилось косностью туземного муниципалитета.

Когда 5 марта англо-индийское правительство решилось, наконец, сконцентрировать в своих руках все мероприятия по борьбе с чумой, назначив для этого особый комитет, то одною из первых забот комитета было обеспечить правильное собирание цифровых сведений о распространении чумы. Единственным средством, удовлетворяющим этой цели, был совершенно справедливо признан периодический поголовный осмотр населения (*House-to-house visitation*). Для этой цели город был разделен на небольшие участки, по числу которых были сформированы инспекционные отряды (*Searching parties*). Каждая из таких партий состояла первоначально из так называемых *Justice of peace* (почетная должность, составляющая нечто среднее между мировым судьей и участковым попечителем о бедных, занимаемая обыкновенно нотаблями из туземцев), двух полицейских и 4 туземных солдат, так называемых *Sepoy*'ев¹³.

Каждый такой отряд обходил свой участок ежедневно от 7 до 10 час. утра и осматривал поголовно обитателей всех жилищ в их участке. Если кто-нибудь оказывался больным, особенно какой-либо лихорадочной формой, то это отмечалось в рапорте, который предоставлялся ежедневно каждой партией участковому врачу данного участка в 10 час. утра. Если же где-либо оказывался случай, подозрительный на чуму, то один из Сероу'ев оставался при нем впредь до прибытия участкового врача, который являлся в сопровождении ручной повозки, на которой больной и препровождался в ближайший госпиталь. Этим путем достигались одновременно и точная регистрация больных, и возможно ранняя изоляция их от здоровых. Вместе с тем все здоровые, проживающие в одной квартире с обнаруженным больным, препровождались в изоляционные лагеря (Segregation camps) и опустевшая квартира подвергалась дезинфекции (Организации изоляционных лагерей и производству дезинфекции будут посвящены особые параграфы).

В общем, деятельность этих инспекционных отрядов в значительной степени, хотя и не вполне достигала своей цели. Число обнаруживаемых чумных заболеваний стало быстро возрастать и приближаться к % общей смертности. Местами, однако, население всеми средствами старалось скрыть больных из страха перевозки их в госпитали, особенно до тех пор, пока госпитали были общими, и не существовало достаточно дробного деления их по различным кастам и религиозным толкам. Для сокрытия больных они пускались на всевозможные хитрости, запирали их в сундуки, в которых они иногда успевали задохнуться в продолжении того времени, пока инспекционный отряд находился в доме; усаживали иногда умирающих больных в кресла и давали им в руки газету или книгу; запирали их на время

посещения инспекционного отряда в самые глухие углы чердаков и закидывали паутиной и разным хламом. В одном случае умирающую от чумы старуху усадили лицом к окну, и дочь все время усердно расчесывала ей волосы, пока инспекционный отряд осматривал помещение.

Не обошлось дело и без открытого сопротивления, особенно среди магометанского населения. Вскоре после формирования инспекционных отрядов к председателю Чумного Комитета явилась депутация от магометанского населения города с протестом против деятельности этих отрядов. Протест этот был мотивирован тем, что осмотры эти будто бы нарушают религиозные обычаи, обязательные для всякого правоверного магометанина. Особенно негодование возбуждало в них то обстоятельство, что члены инспекционных отрядов входили в комнаты, занимаемые женской половиной семьи, для осмотра их. После первых же жалоб в состав всех инспекционных отрядов были включены женщины-врачи и фельдшерицы, которым и вменено было в обязанность осматривать женщин. Так как несмотря на это представители магометанского общества все-таки просили отменить вовсе поголовный осмотр и даже обращались с этой просьбой не только к председателю Чумного Комитета, генералу Gatacre'у, но и к генерал-губернатору Бомбейского президентства лорду Sandhurst'у, намекая на возможность беспорядков в случае неисполнения их просьбы, то ген. Gatacre самолично стал во главе инспекционного отряда, осматривавшего магометанский квартал в сопровождении роты солдат. Таким образом, склонность к беспорядку была подавлена в самом начале и после этого деятельность инспекционных отрядов не встречала уже серьезного сопротивления.

II. Госпитальное лечение

Развитие эпидемии застало Бомбей с его миллионным населением¹⁴ совершенно не подготовленным к госпитальному лечению сколько-нибудь значительного числа больных. Кроме St. — George — госпиталя, предназначенного исключительно для европейцев, которых в Бомбее всего 12 000, в нем есть еще несколько больниц (Arthur Road Hospital для инфекционных больных, Parsee Fever Hospital, Hindu Fever Hospital, Jamsetji Jeejeebhoy Hospital*). Общее количество кроватей во всех этих госпиталях, однако, весьма незначительно, и едва ли достигает даже 500, что, конечно, для города с миллионным населением совершенно недостаточно даже в мирное время, а тем более во время эпидемии. Кроме недостаточного числа мест, правильной госпитализации больных препятствовали еще два важных обстоятельства: 1) крайне разбросанное расположение города и колоссальность занимаемого им пространства, вследствие чего больных приходилось иногда возить чрезвычайно далеко; 2) своеобразное строение индусского общества, распадающегося на множество каст, образующих весьма сложную иерархию. Член каждой касты считает для себя величайшим несчастьем и позором всякое общение с членами низших каст и, в особенности, совместное с ними принятие пищи, так как этим он лишается своей касты. Что, в свою очередь, отзывается не только на его земном, но и на загробном его существовании; отсюда сильнейшее нежелание больных отправляться в какой-нибудь из вышеперечисленных госпиталей, где им приходилось лежать попеременно с больными,

* Госпиталь этот основан на средства, пожертвованные известным благотворителем Jamsetji Jeejeebhoy¹⁵ и известен в общежитии под сокращенным названием J. J. Hospital (Джи-джи-госпиталь) (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания автора).

принадлежащими к другим кастам, и питаться из общего котла. Это и заставляло их пускаться на всевозможные хитрости, чтобы уклониться от поступления в госпиталь, и побуждало членов различных сект, каст и т. д. заботиться об устройстве особых госпиталей для своих единоверцев. И действительно в конце февраля и в марте было устроено множество мелких госпиталей во всех частях города, соответствовавших, если далеко не всем бесчисленным сектам, то, по крайней мере, главнейшим из них. Grant Road Hospital, Barty Road H., Wari Bunder H., Narelwady H., Reay Road H., Port Trust H., Bandora Causeway H., Sion H., Dharavi H., Mahim H., Servants H., Colaba Plague H., Parel H., — были устроены частью муниципалитетом, частью Чумным Комитетом и к ним присоединился еще целый ряд кастовых и сектантских госпиталей (Jain H., Khoja H., Bhattia H., Juliay H., Borah H. и др.). Кроме этого город располагал еще 7 приемными покоем (Wards) при полицейских управлениях.

Все эти вновь выраставшие как грибы госпитали были весьма невелики: на 20, 30, 40 кроватей и отличались самым первобытным устройством, возможным только при индийских климатических условиях. Госпитали эти помещались частью в уже прежде существовавших зданиях, предоставленных под госпитали частными лицами или общественными учреждениями и наскоро приспособленными к этой цели; часть же поспешно устраивались *ad hoc**. Госпитали большей частью состояли из 1–2 барakov, стены и перегородки которых делались из пальмовых рогожек, укрепленных на бамбуковых рамах; крыша состояла также из двойного ряда пальмовых рогожек, большей частью просмоленных. Местами стены и перегородки делались из листового железа, выкрашенного масляной краской. Пол был, конечно,

* *Ad hoc* (лат.) — специально для этого, по особому случаю (*пер. сост.*).

земляной, слегка посыпанный песком. Кровати состояли из деревянной рамы с камышовым переплетом, укрепленной на 4 ножках, а постели — из байковой подстилки, простыни, маленькой подушки и одеяла.

Персонал госпиталя обыкновенно состоит (в госпиталях муниципальных) из одного врача (редко англичанина, обыкновенно индуса или парса), 2–3 сестер милосердия и 1–2 фельдшеров индусов (Hospital Attendants). Кроме того, во всех частных госпиталях, особенно в магометанских, имелись еще местные знахари, так называемые *Наки́м'ы*¹⁶, так как очень многие больные решительно отказываются лечиться у кого бы то ни было, кроме них. Надо, впрочем, заметить, что в большинстве случаев эти *Наки́м'ы* были настолько благоразумны, что руководствовались в своем лечении указаниями врача, посещавшего госпиталь.

Родственникам больного, желавшим посещать его, доступ в госпиталь был открыт во всякое время. Нередко, особенно если больной был доставлен из дальней местности, кто-либо из членов его семьи оставался при нем день и ночь, располагаясь для сна тут же на земляном полу, рядом с его кроватью. Если больной был ребенок, то мать его иногда спала с ним на одной кровати. Несмотря, однако, на такое тесное общение здоровых с больными, случаи заболевания чумой среди родственников больных, пребывавших вместе с ними в госпитале, наблюдались крайне редко и то большей частью спустя короткое время (2–3 дня) после поступления больного и здорового в госпиталь, так что можно было думать, что и здоровые поступали, находясь уже в инкубационном периоде чумы.

Среди врачебного персонала госпиталей заболевшие также наблюдались весьма редко, даже среди сестер милосердия, приходивших в наиболее тесное общение с больными. В тех случаях, где заболевание все-таки происходило,

большей частью имелись какие-нибудь специальные условия, благоприятствующие заражению. Так, например, одна из сестер Arthur Road Н., заболевшая чумой, как потом оказалось, в течение нескольких недель перед тем имела на ноге около лодыжек большую язву, о которой никому ничего не говорила. Все это, по-видимому, свидетельствует, что непосредственное соприкосновение с чумными больными не играет само по себе первенствующей роли в заражении чумой.

Вскрытия умерших в госпиталях обыкновенно не производились в виду враждебного отношения к вскрытиям со стороны населения. Лишь члены комиссий (английской и иностранных), специально командированных для изучения чумы, имели возможность произвести сравнительно небольшое число вскрытий. Среди невежественного туземного населения эти вскрытия породили множество нелепых слухов в роде, например, следующего. На одной из площадей Бомбея находится мраморная статуя королевы Виктории. Года полтора тому назад неизвестные злоумышленники выпачкали эту статую каким-то смолистым составом. Когда вскоре затем появилась чума, в народе сложилось убеждение, что это бедствие послано ему разгневанной королевой, которой он приписывает сверхъестественные силы. Когда же кое-где в госпиталях стали производиться вскрытия, убеждение это дополнилось еще слухом, что для умилоствления богини-императрицы нужны 10 000 индусских печеней, для добывания которых из трупов и командированы из-за моря врачи.

Способы лечения чумы были весьма различны в разных госпиталях. Оно, конечно, в общем могло быть только симптоматическим и состояло в назначении возбуждающих при коллапсе¹⁷, наперстянки¹⁸ при угрожающей слабости сердца, в регулировании деятельности кишечника и в назначении

хинина главным образом в виду того, что в Бомбее, как местности сильно малярийной, чума часто осложнялась малярией. Другие жаропонижающие применялись редко.

Местное лечение бубонов состояло в назначении припарок, имевших целью ускорить их переход в нагноение. Коль скоро в бубоне замечалась флюктуация¹⁹, его вскрывали широким разрезом и лечили по общим хирургическим правилам. Некоторые врачи охотно применяли в начале образования бубона впрыскивание t-rae jodi: я не мог, однако, подметить какого-либо резкого влияния этих впрыскиваний.

III. Изоляционные лагеря (Segregation camps)

Изоляция всех здоровых обитателей домов, где констатировали случаи чумы, бесспорно, представляет весьма рациональную меру, строгое проведение которой действительно могло бы быстро остановить распространение эпидемии. К сожалению, как мы увидим дальше, практическое выполнение этих мер в таком городе как Бомбей наталкивается на весьма серьезные затруднения.

Для помещения изолируемых были построены за счет города легкие бараки за городом. Первое время деятельности Чумного Комитета бараки устраивались 3-х родов: длиной и шириной в 16 фут., 12 и 8. Последние предназначались для бессемейных. В больших бараках кроме жилого помещения имелись еще кухня и комната для купания (собственно говоря, для самообливания водой), составляющее по местным климатическим условиям первейшую жизненную потребность. Но впоследствии, когда количество изолируемых стало быстро возрастать, бараки стали превращаться в простые рогожные палатки.

Таких изоляционных лагерей было устроено несколько и в каждом помещалось 20–50 и более семейств, причем опять-таки приходилось давать возможность парсам, магометанам и индусам устраиваться совершенно отдельно. В виду ритуальных затруднений относительно приготовления пищи, обитатели изоляционного лагеря получали обыкновенно пищу каждый от своей касты и только некоторые в случае необходимости продовольствовались за счет города.

Продолжительность пребывания в изоляционном лагере определялась в 10–11 дней, т. е. несколько больше, чем предполагаемая продолжительность инкубационного периода чумы, но, само собой разумеется, что, если некоторые из обитателей изоляционного лагеря поступали в него в инкубационном периоде чумы и заболели, уже находясь в лагере, то с теоретической точки зрения являлась необходимость изолировать всех обитателей одного с ними барака от остального населения лагеря и продолжить для них срок изоляции еще на один инкубационный период. В действительности, однако, этого не делалось.

Равным образом строгость изоляции оставляла желать весьма многого. Из одного изоляционного лагеря, в котором находилось около 300 человек, однажды убежало сразу 75 человек и только необычайной покорностью и привычкой к повиновению, отличающей индусов, можно объяснить то обстоятельство, что подобные факты не повторялись часто. Равным образом только благодаря благодушному национальному характеру индусов такая продолжительная вынужденная праздность не имела своих обычных пагубных последствий. Большую часть времени обитатели изоляционного лагеря проводили или во сне, или за игрой в карты.

Из описанного выше устройства изоляционных лагерей уже видно, что они были возможны только благодаря

известным климатическим условиям, так как пребывание в них, в сущности говоря, мало, чем отличалось от пребывания на открытом воздухе. Когда начался период дождей, совпавший с обострением чумы во многих пунктах северо-западной Индии, устройство изоляционных лагерей вышеописанного типа стало невозможным; и напр., в Lanowli пришлось нанимать частные дома для помещения в них лиц, подлежащих изоляции. Отбывание карантина в замкнутом помещении оказывалось уже несравненно более тягостным для изолируемых; в противоположность изоляционному лагерю такой «изоляционный дом» уже мало, чем отличался от тюрьмы.

Но самое главное возражение, которое можно привести против этой, теоретически вполне рациональной меры, это то, что в таких больших городах, как Бомбей, при значительном распространении эпидемии она практически невыполнима в полном объеме. При сотне новых заболеваний в сутки пришлось бы переселять в изоляционные лагеря 5–6 тысяч человек, ибо в Бомбее обитатели каждого дома, населенного простолюдинами, находятся между собой в непрерывном общении и потому по обнаружении случая в каком-либо доме приходилось изолировать население всего дома целиком. Между тем, дома, населенные рабочим людом, вышеупомянутые *chawls*²⁰, чрезвычайно многолюдны и содержат нередко несколько сот жильцов. Очевидно, что устройство изоляционных лагерей на такое колоссальное число людей равнялось бы постройке целого нового города рядом с уже существующим. Поэтому переселение в изоляционные лагеря производилось, главным образом, по доброй воле самих изолируемых. Обязательная изоляция (*compulsory isolation*), которую попробовали было применить, встретила сильнейший отпор со стороны населения, особенно со стороны магометан по чисто ре-

лигиозным причинам. Дело в том, что магометанский религиозный обычай требует, чтобы женщина, муж которой умер, 4 месяца и 5 дней не выходила из дому и не видела ни одного постороннего мужчины, поэтому для магометанок, потерявших мужей от чумы, насильственное выселение из дому и переселение в изоляционный лагерь было сопряжено с грубым нарушением не только приличий, но и религиозных чувств. Руководители магометанской общины стали осаждать Чумной Комитет петициями, подписи для которых собирались на специальных митингах, и, в конце концов, пришлось значительно ослабить строгость.

IV. Дезинфекция

Вслед за переводением больного в госпиталь и удалением остальных обитателей зараженного дома производилась дезинфекция опустевшего помещения. Для этого в распоряжении Чумного Комитета имелись особые дезинфекционные отряды, снабженные необходимыми инструментами. Общее число рабочих, занятых дезинфекцией и очисткой помещений под начальством инженеров г. James и г. Marzban'a колебалась от 2000 до 4000 человек. Зараженные жилища тщательно обмывались снаружи и внутри сильной струей дезинфицирующих жидкостей из паровых пожарных труб и ручных насосов. Пожарные трубы употреблялись для карболовой кислоты, а для сулемы употреблялись ручные насосы и притом деревянные. Для характеристики трудностей, с которыми приходилось бороться администрации во всех мелочах, можно заметить, что необходимые для этого 250 деревянных насосов пришлось заказывать не ближе Китая, откуда они могли прийти только через два месяца после того, как были заказаны. Всякая домашняя рухлядь²¹, платье, тряпки, постели

и проч. сжигались на улице, равно как и деревянные перегородки (partitions), разделяющие в индусских жилищах комнату на отдельные уголки.

Для обмывания дезинфицируемых помещений употреблялся 5% раствор карболовой кислоты, кресол²² и известковое молоко²³. Черепичная кровля обычно разбиралась, чтобы дать доступ воздуху и свету. По окончании дезинфекции весь дом внутри и снаружи заново белился известью, а полы и лестницы посыпались хлориновой известью²⁴.

Задача дезинфекции помещений чрезвычайно облегчалась тем обстоятельством, что у громадного большинства индусов низшего сословия не имеется почти никакой мебели и домашних вещей. Имущество индуса чернорабочего ограничивается обыкновенно кой-какой кухонной посудой и носильным платьем. Если, однако, в дезинфицируемом жилище оказывалось кой-какое имущество, то оно дезинфицировалось, смотря по свойству предметов тройным образом: одни предметы кипятились в течение часа в воде, другие, с которыми нельзя было этого сделать, обливались 5% раствором карболовой кислоты, которой давали высохнуть; наконец, вещи, которые могли бы испортиться от обоих этих способов дезинфекции, выставлялись на солнце на целый день.

В каждом этаже бомбейских chawls имеется, как уже сказано, водяной кран, служащий, главным образом, для купания* и мытья белья. Так как каждый индус «купается», т. е. обливается водой несколько раз в день, то эти краны всегда служат источником постоянной сырости в помещении, что при индийском климате сказывается сильнейшим распространением плесневых грибов и без сомнения не

* Это последнее совершается без всяких ванн; купающийся просто садится на корточки под открытым краном, притом струя воды течет прямо на пол, в котором для этого иногда имеется выложенное камнем углубление.

останется без влияния на чрезвычайно распространенную в Бомбее малярию. Какой-либо специальной связи между этими кранами и распространением чумы нельзя доказать. Тем не менее, одно время решено было закрыть эти краны и предоставить в пользование жителей только уличные краны в расчете на то, что, если обывателям придется ходить за водой довольно далеко, то они будут обращаться с нею бережно, вместо того, чтобы лить ее потоками на пол. Но от этой меры пришлось отказаться, так как рациональность ее не подтвердилась на деле.

Особенное внимание обращалось на уничтожение мертвых крыс. За указание их полагалась небольшая денежная награда, и жителям внушалось каждую найденную крысу не трогать с места, покрывать ее соломой, обливать керосином и сжигать на месте.

V. Медицинский осмотр приезжающих и уезжающих

Медицинский осмотр лиц, уезжающих из Бомбея и приезжающих в него, имел двоякий смысл: с одной стороны, желательно было предотвратить разнесение чумы из Бомбея по остальной Индии, а также занесение ее в Европу и другие части света; с другой стороны, когда чума в Бомбее стала утихать и в то же время начались вспышки чумы в других местностях северо-западной Индии (Karachi, Cutch-Mandvi и др.), то вскоре стали обнаруживаться случаи обратного занесения чумы из зараженной местности в Бомбей с последовательными небольшими вспышками чумных заболеваний, находившихся в явной связи с приехавшими в Бомбей больными.

Что касается до первой из этих целей, то она, несомненно, достигнута не была, да и не могла быть достигнута.

В разгаре чумной эпидемии (ноябрь–декабрь 1896 г.) среди населения господствовала настоящая паника, и целые толпы народа ежедневно покидали Бомбей всеми путями: по железной дороге, на пароходах, на мелких парусных каботажных судах и, наконец, просто пешком. Были дни, когда число покидавших Бомбей только по железной дороге, превышало 2000. Общее число лиц, покинувших Бомбей за время нарастания эпидемии, конечно, не может быть с точностью определено, но, во всяком случае, число это достигает нескольких сот тысяч. Само собой разумеется, что точный осмотр такой массы народа был невыносим. Притом же в самом разгаре эпидемии исследования эти не производились, так как администрация не только не желала препятствовать эмиграции, но даже способствовала ей. Так, например, когда в январе в семьях бомбейских городских стали появляться случаи чумы, администрация охотно давала им 7-дневный отпуск для препровождения семейств на родину. Несмотря на то, что беглецы из Бомбея буквально наводнили собою всю северо-западную Индию, тем не менее, это не имело непосредственным последствием развитие чумы вне Бомбея, по всей вероятности, главным образом, потому что вскоре наступило самое жаркое время года (март, апрель, май), которое, как известно, не благоприятствует распространению чумы. Что, тем не менее, чума была разнесена по северо-западной Индии и сохранялась в ней в скрытом состоянии, видно из того, что с наступлением дождливого времени года вокруг Бомбея, как грибы после дождя, стали вырастать очаги чумной эпидемии.

Вся жизнь индуса настолько проникнута религиозной окраской, что и эмиграция перед чумой не обошлась без религиозных мотивов; так напр., все *hamal'*²⁵ (служители при общественных зданиях и торговых домах), составляющие одну религиозную общину, в один прекрасный день

получили откровение от своей специальной богини Mahta всем удалиться из Бомбея, — и вот около 7-го января все *hama*’ы в числе 800 человек покинули Бомбей.

Вторая цель осмотра, т. е. предотвращение обратного занесения чумы в Бомбей, достигалась гораздо полнее, так как возвращавшихся было гораздо меньше и возвращались они далеко не такими многочисленными толпами, как уезжали.

Медицинский осмотр путешественников производился на ближайших к Бомбею железнодорожных станциях, главным образом, на ст. Kalyan, где сходятся все идущие в Бомбей железные дороги (Junction Station), а также на многочисленных пристанях, где пристают пароходы, поддерживающие сообщение между Бомбеем и остальными пунктами береговой линии.

На станции Kalyan ежедневно подвергались медицинскому осмотру 27 поездов, 17 выходящих из Бомбея и 10 приближающихся к нему. Для этого на станции постоянно дежурили 4 врача, 15 фельдшеров и соответствующее число полицейских. Этот же медицинский персонал имел на своем попечении и приемный покой на 40 человек, куда помещались проезжающие с явными признаками чумы, и так называемый Observation camp*, в котором помещались путешественники с подозрительными, но не явными чумными заболеваниями.

Медицинский осмотр ограничивался большей частью лишь общим взглядом, ощупыванием пульса, t° кожи, паховых и подкрыльцевых²⁶ желез и осмотром языка. Если t° на ощупь казалось повышенной, то производилось измерение ее термометром (обыкновенно во рту). Как ни элементарен этот способ осмотра, однако и при этом способе было открыто множество чумных больных. В разгар паники, когда

* Observation camp (англ.) — карантинный лагерь (*пер. со сст.*).

из Бомбея бежали все, кто только мог, из вагонов нередко выносили трупы путешественников, погибших от чумы в дороге. Но проведение даже и этого незамысловатого медицинского осмотра наталкивалось на немалые затруднения, обусловленные опять-таки своеобразными религиозными обычаями индусов, особенно индусов-магометан, которые сильнейшим образом негодовали на исследование пульса у женщин, считая это смертельным для себя оскорблением. Примером может служить следующий факт: один индус-магометанин проезжал через ст. Kalyan со своей женой; врач подошел к дверце вагона и, осмотрев мужа, потребовал, чтобы и жена приблизилась и протянула ему руку для исследования пульса; в ответ на это требование муж тут же, на глазах у всех, заколол жену кинжалом, предпочтя ее смерть своему позору.

На пароходных пристанях дело шло таким же образом. Перед отходом и после прихода каждого парохода всех приезжающих и отъезжающих выстраивали в ряд и подвергали вышеописанному медицинскому осмотру, причем «подозрительные», t° которых на ощупь казалась повышенной, садились на пол, и им измерялась t° термометром. Кроме того, все без исключения приезжавшие из неблагополучных по чуме местностей выдерживались в карантине в течение недели, причем в карантине нередко набиралось одновременно 1200–1300 человек. Эти карантинные были, конечно, самого первобытного свойства и состояли из простых рогожно-бамбуковых сараев. Пища большей частью доставлялась соответствующими религиозными общинами, которые присылали и своих поваров; остальным съестные припасы доставлялись за счет Чумного Комитета. Родственникам и знакомым предоставлялось посещать карантин ежедневно от 10 до 4. Этим, конечно, в значительной степени ослаблялась действительность каранти-

на, как предохранительной меры. В остальном обитатели карантина были, по-видимому, очень довольны своим пребыванием в нем. Два раза в день у всех измерялась t° врачом, и те, у кого t° оказалась повышенной, отсылались в один из ближайших госпиталей.

Можно только пожалеть, что систематический медицинский осмотр уезжающих стал производиться сравнительно поздно; весьма возможно, что если бы он был организован с самого начала эпидемии, когда паника была наиболее сильна, то число последовательных вспышек чумы вне Бомбея было бы гораздо менее значительно.

VI. Погребение умерших

В организации борьбы с чумой одним из существенных пунктов является вопрос о том, что делать с умершими от чумы. Три главные составные части населения Бомбея — индусы, парсы и магометане резко отличаются друг от друга своим способом погребения.

Индусы сжигают своих умерших, что, конечно, представляется с точки зрения гигиены и эпидемиологии самым идеальным способом погребения. Для сжигания трупов отведено специальное место (burning ground), почти в центре города, состоящее из небольшой площади, обнесенной забором из гофрированного железа и сверх того невысокой каменной стеной. Трупы доставлялись в это общее сожигалище со всех концов города на носилках, несомых на плечах родственников и знакомыми. Самый труп обыкновенно завернут в простыню, поверх которой разбрасываются цветы. По дороге от дома умершего до сожигалища носильщики несколько раз делают обыкновенно привал для отдыха, причем кладут носилки прямо на землю, а сами располагаются вокруг них на корточках. Этот способ переноски тру-

пов и привалы на пути были, конечно, крайне нежелательны, так как легко могли способствовать загрязнению почвы; но заставить индусов переносить своих покойников в гробах не было никакой возможности, так как и здесь всякое административное влияние разбивалось о несокрушимые «религиозные обычаи».

Самое сжигание производится на кострах, сложенных из дерева или коровьего помета²⁷, высушенного и сформированного в круглые лепешки. Для полного сожигания трупа требуется около 4 час. времени. В разгаре эпидемии костры горели почти непрерывно, и зарево их по ночам освещало весь город.

Магометанское кладбище также находится в центре города. Магометане хоронят своих умерших в земле и притом крайне поверхностно, иногда не глубже фута, так что сильный ветер и дождь почти обнажают недавно зарытые трупы. Чумной Комитет тщетно пытался повлиять на представителей магометанской общины, чтобы побудить их изменить порядок погребения. Кроме того, магометанское кладбище, находившееся, как мы уже сказали, в центре города, было очень старо и до крайности переполнено. В виду всех этих обстоятельств Чумной Комитет решился устроить другое кладбище, подальше от города. При этом имелось также в виду то, что, как наблюдалось в предыдущие эпидемии во многих местностях, чумный яд долго сохраняется в почве кладбищ, так что разрытие этой почвы еще спустя долгое время может давать новые вспышки чумных заболеваний. Поэтому желательно было устроить особое специальное чумное кладбище, которое можно было бы по прекращении чумной эпидемии совершенно закрыть и оставить без употребления. Но, когда представителям магометанской общины было объявлено о предстоящем открытии нового магометанского кладбища на так называемом Tank Bunder,

то это вызвало среди них сильнейшее неудовольствие и они стали осаждать председателя Чумного Комитета как устными просьбами, так и письменными петициями, покрытыми десятками тысяч подписей об отмене этого распоряжения. В своих просьбах они указывали, главным образом, на то, что их религиозный обычай требует, чтобы умершего на кладбище несли его родственники на плечах в тяжелом гробу, не отдыхая по дороге и отнюдь не пользуясь какими бы то ни было экипажами; если кладбище будет далеко за городом, то доставка трупа до кладбища будет сопряжена с большими трудностями. Равным образом они заявляли, что их религиозный обычай требует, чтобы родственники умершего в течение некоторого времени после похорон два раза в неделю посещали его могилу, а также присылали разные угощения муллам, читающим коран над его могилой. Соблюдение всех этих обычаев чрезвычайно затруднилось бы, если бы кладбище было перенесено далеко от города. Когда, несмотря на все эти просьбы, Комитет приступил все-таки к устройству нового кладбища в Tank Bunder'e и когда оно было уже почти готово, представители магометанской общины заявили, что необходимой принадлежностью кладбища должны быть мечеть и пруд (для омовений). Постройку мечети они взяли на себя и всячески затягивали дело, так что, в конце концов, в продолжение всей эпидемии функционировало все-таки старое кладбище.

Парсы считают все 4 стихии — огонь, воду, землю и воздух — священными и потому считают непозволительным осквернять их трупами умерших. Поэтому они не хоронят их в земле как магометане, не сжигают их и не бросают в священные реки и в море, как индусы. Во всяком городке, где имеется парсийская община, она устраивает так называемые башни молчания (Towers of silence). Башни эти состоят из цилиндрической постройки без крыши, внутри

которой устроены подмости, расположенные тремя концентрическими кругами, образующими наклонную плоскость, опускающуюся к центру башни. Каждый из этих кругов разделен радиусами на узкие лежа, предназначенные в наружном круге для мужчин, в среднем для женщин и во внутреннем для детей. В центре башни имеется глубокий пустой колодезь, куда стекают грязные воды. Трупы раскладывают в этих лежах и оставляют на съедение коршунам²⁸, которые в громадных количествах всегда гнездятся на стенах этих башен*.

Обыкновенно коршуны уничтожают труп взрослого человека приблизительно в 2 часа и труп ребенка в час и при этом так, что остается только голый скелет. Тропическое солнце и ветер довершают остальное, и высохший скелет сбрасывается *nessusalar'*ами^{***} при ближайшем посещении башни в вышеупомянутый центральный колодезь.

В виду этих религиозных обычаев первым долгом, конечно, является вопрос, насколько такой способ погребения способствует или противодействует распространению чумной заразы. Известно, что многие животные (особенно крысы), легко заболевают чумой. Принадлежат ли к ним и коршуны? По-видимому, нет, по крайней мере, среди коршунов бомбейских башен молчания, питавшихся в течение долгого времени чумными трупами, не замечалось никакой особой смертности. Это, впрочем, уже а priori весьма вероятно, так как известно, что все вообще хищные птицы, питающиеся падалью, крайне мало восприимчивы к септицемическим²⁹ заражениям, что, впрочем, и понятно с точки

* Коршунов раньше в Бомбее не было, они привезены парсами нарочно издалека, одновременно с постройкой башен молчания.

*** *Nessusalar'*ами называются прислужники, которые приносят труп в башню молчания. Они образуют особую низкую касту, и кроме них никто, даже духовные лица, не имеют права входить в башню.

зрения телеологической³⁰, ибо в противном случае они все бы давно вымерли, так как, питаясь падалью, они чрезвычайно часто подвергаются опасности заражения. Таким образом, способ погребения, употребляемый парсами, пожалуй, даже заслуживал бы названия рационального, если бы невосприимчивость коршунов к чуме могла считаться абсолютной и вполне доказанной и, если бы была уверенность, что к чумным трупам не прикасаются кроме коршунов и другие более восприимчивые животные. При отсутствии этих условий сожигание трупов по индусскому обряду должно, конечно, считаться гораздо более рациональным.

Следует, однако, заметить, что попытка португальской колониальной администрации применить этот «рациональный» способ погребения к неиндусским частям населения окончилась полной неудачей. В Гоа, португальской колонии, неподалеку от Бомбея, губернатор отдал было приказ подвергать сожжению трупы всех умерших от чумы без различия национальности и вероисповедания. Но первый же случай исполнения этого приказа по отношению к какому-то Eurasian, т. е. португало-индийскому метису, католику, вызвало сильнейшие волнения в остальном евразийском населении и вмешательство гоанского архиепископа, который признал сожжение противным католической религии.

VII. Лечение чумы античумной сывороткой доктора Yersin'a³¹

<...>³² Таким образом, полученные мною результаты далеко не ободряющего свойства и не позволяют нам считать сыворотку, приготовленную по способу Yersin'a за специфическое средство против чумы. Я мог, конечно, говорить только о той сыворотке, которую я имел в руках. Замечу, однако, что я имел сыворотку из двух источников, именно

приготовленную в Институте Экспериментальной Медицины³³ и в Московском Бактериологическом Институте³⁴, но никакой разницы в действии той и другой не оказалось. Судя по исследованиям доктора Грамматчикова³⁵ относительно изменяемости антидифтеритной сыворотки под влиянием хранения, колебаний t° и т. д., можно было бы по аналогии думать, что и античумная сыворотка, приготовленная Хавкиным в Siwri³⁶ в Индии и не подвергавшаяся, следовательно, перевозке, также дала не лучшие результаты. Кроме того испытание сыворотки, бывшей в моем распоряжении и привезенной мною обратно, было произведено д-ром А. А. Владимировым³⁷ и показало, что крепость ее в настоящее время около $1/25$, т. е. несколько не изменилась за время пребывания в Индии.

Можно было бы думать, что дозы, которые я применял, были недостаточно велики в виду слабости сыворотки, но как определить терапевтическую дозу сыворотки для человека и в какую связь ее поставить с так называемой «силой» сыворотки, определяемой, как известно, по количеству куб. см. ее, потребному для сохранения жизни мыши, зараженной чумными бациллами. Прежде всего, конечно, приходится признать невозможным определение этой связи по весу тела, ибо такое предположение привело бы нас к абсурдно большим дозам. Если принять средний вес мыши 20 грамм, а средний вес человека только 60 килограмм, то сыворотка $1/20$ пришлось бы впрыскивать человеку не менее 150 куб. см., а сыворотки « $1/4$ » — « $1/2$ », какой д-р Yersin располагал в начале своих опытов в Бомбее, пришлось бы впрыскивать $3/4$ – $1\frac{1}{2}$ литра. Этих доз не считал нужным и возможным применять и д-р Yersin, даже оперируя с самой слабой сывороткой ($1/2$).

Если же принять за исходную точку те дозы, которые применял д-р Yersin в Amoy'e³⁸ и признал доказанным, что

выздоровление больных действительно зависели от впрыснутой им сыворотки, то мы найдем, что в Амоу'ских наблюдениях д-р Yersin'a 30 куб. см. сыворотки «1/20» оказывается достаточным, между тем мои больные получали в 2–4 раза большие количества сыворотки той же силы.

С другой стороны, присматриваясь к опубликованным индийским наблюдениям д-ра Yersin'a, мы замечаем в них некоторые странности, которые трудно объяснить одною слабостью сыворотки. Так, например, 13 больных в Бомбее, леченных сывороткой «1/10», приготовленной в Париже дали смертность в 38%, тогда как 57 больных, леченных той же самой сывороткой в Cutch-Mandvi, дали 58% смертности. Очевидно, что здесь дело не в одной только «силе» и «слабости» сыворотки, а в каких-то иных условиях, пока еще совершенно не поддающихся определению.

Я далек от мысли отрицать значение серотерапии³⁹ чумы и не нахожу причины сомневаться, что этот способ иммунизации в конце концов даст нам сыворотку, обладающую действительно свойством специфически лечебного средства против чумы. Я только думаю, что шаг этот еще не сделан и что серотерапия чумы практически еще не существует.

VIII. Предохранительные прививки

Предохранительные прививки чумы были предложены В. А. Хавкиным на основании соображений, совершенно аналогичных с теми, которые привели его к противохолерным прививкам, результаты которых он неоднократно сообщал в печати.

Для получения иммунизирующего материала он поступает следующим образом: чумные бациллы засеиваются в большие колбы с обыкновенным бульоном, к которому прибавляется до окончательной стерилизации небольшое

количество топленого масла, которое плавает большими глазками на поверхности. Засеянные колбы выдерживаются в темноте при комнатной температуре (18–20 °С) в течение не менее месяца при свободном доступе воздуха. Рост бактерий начинается, прежде всего, с нижней поверхности этих капель масла так, что образующаяся культура висит длинными нитями вниз с поверхности бульона. Хавкин называет эти нити сталактитами и считает их чрезвычайно характерным и ценным диагностическим признаком чумной палочки. Когда таких сталактитов развилось достаточно, колбу встряхивают, чтобы заставить образовавшийся «урожай» упасть на дно и освободить нижнюю поверхность масла для развития нового «урожая». За месяц таких «урожаев» образуется с полдюжины, так что бульон в колбе при встряхивании представляется в виде серовато-молочной непрозрачной эмульсии. После этого колбу выдерживают в термостате при 70° в течение 1 часа. Этим убиваются микробы, но иммунизирующие начала, по-видимому, не разрушаются. После стерилизации жидкость осторожно разливают в стабилизированные шестиунцовые склянки, которые закупориваются прокипяченными пробками и заливаются сургучом. В таком виде они сохраняются (в темноте) долгое время без изменений. Перед тем, как набрать жидкость в шприц, склянку хорошенько встряхивают. Вспрыскивают обыкновенно под кожу плеча взрослым мужчинам и женщинам по 3 куб. сант., подросткам и слабым на вид субъектам по 2 куб. сант., детям смотря по возрасту 1,0–0,5–0,3 куб. сант. Относительно каждого привитого на особые бланки заносятся сведения как о нем самом, так и о всех прочих обитателях одной с ним квартиры с обозначением, кто из них также подвергся прививке и кто нет.

До моего отъезда из Индии предохранительные прививки были произведены в 4-х местах: 1) в тюрьме в Buculla⁴⁰,

2) среди Bombay'ского населения, 3) в Damaun'е, португальском городке в 6 часах от Бомбея и 4) в Lonawli, небольшом местечке в Декане.

1) В тюрьме в Вуслла чума появилась 23 января 1897 г. Из 345 арестантов с 23-го по 29 января заболело 9 и умерло 5. Утром 30-го января заболело еще 6, из коих впоследствии умерло 3. После полудня того же дня 154 арестанта получили предохранительную прививку. Один из них имел уже бубон в момент прививки, у двух других бубоны развились еще в тот же вечер, спустя несколько часов после прививки. Эти трое умерли. В остальном ход заболеваемости и смертности среди привитых и непривитых представляется следующим:

Дни	Среди непривитых		Среди привитых
С 23 по 29 января	9 заболело	5 умерло	
30 января утром	6	3 умерло	
30 января вечером		3 умерло	
31 «»	2 заболело	1 умер	1 заболел — выздоровел
1 февраля	1 заболел		
2 «»	1 «»		
4 «»	1 «»		
5 «»	2 заболело	1 «»	
6 «»	5 «»	1 «»	1 — «»
Итого	12 заболело	6 умерло	2 заболело — оба выздор.

Условия жизни обеих групп арестантов были совершенно тождественны.

2) В Бомбее было привито с 10 января по 10 июля всего 7905 человек, выразивших желание привиться. Из них в течение этого времени заболело всего 18 человек. В том числе 2 заболели в течение первых же 12 часов после прививки и, следовательно, несомненно были уже больны чумою во

время самой прививки. Оба они умерли. Остальные 16 человек заболели в разное время от 1 дня (двое) до 3 месяцев (один) после прививки; все они выздоровели.

Ценность этого наблюдения значительно ослабляется 1) незначительностью числа привитых по отношению к числу непривитых. 2) неодинаковостью условий жизни привитых и непривитых, ибо прививались (по собственному желанию!) преимущественно люди, обладающие известной степенью интеллигентности и достатка, 3) неизвестностью судьбы всех привитых, ибо многие из них могли оставить Бомбей вскоре после прививки и, таким образом, избежать вообще возможности заражения, а, с другой стороны, многие могли уехать куда-нибудь и там заболеть и умереть, причем сведения о них уже не достигали Бомбея.

Тем не менее, в этом наблюдении бросается в глаза весьма большой % выздоровевших среди заболевших, дальнейшие наблюдения должны подтвердить, действительно ли у привитых, если они действительно заболевают, чума протекает настолько легче и благоприятнее, как это заставляют думать вышеприведенные данные, как относительно тюрьмы, так и относительно Бомбея.

3) Гораздо резче и отчетливее отразилось влияние прививок на ходе чумной эпидемии в Дамауне (Lower-Damaun). Дамаун — небольшая португальская колония в северо-западной Индии, состоящая из 3 деревень, имеющих в общей сложности 10 900 жителей. Чума появилась здесь в феврале нынешнего года и по обыкновению вызвала сильнейшую панику в населении, выразившуюся усиленной эмиграцией. До конца марта эмигрировало более 2000 человек. 23-го марта португальский губернатор окружил так называемый Нижний Дамаун, где, главным образом, свирепствовала эпидемия, военным кордоном, а 30-го марта англо-индийское правительство последовало его примеру и оцепило

в свою очередь уже весь Дамаун, окруженный со всех сторон британской территорией, таким же кордоном и прекратило совершенно всякое выселение из Дамауна. Эпидемия достигла своего наивысшего пункта в середине апреля и к концу мая совершенно ослабела.

Прививки в Дамауне были произведены за это время во 1) между 23 и 26 марта д-ром Kalapesi, ассистентом Хавкина, и между 4 и 7 д-ром Poiares, и 2) между 17 и 27 апреля д-ром Kalapesi и между 24 апреля и 2 мая д-ром Poiares и 3) от 21–23 мая д-ром Kalapesi. Разница между этими тремя сериями прививок заключается в том, что в первой серии впрыскивалась жидкость, приготовленная из вполне вирулентных⁴¹ бацилл, причем д-р Kalapesi впрыскивал надлежащие дозы, тогда как д-р Poiares впрыскивал приблизительно половинные дозы. Во 2-й серии прививок, к сожалению, пришлось пустить в ход материал, подготовленный из очень ослабевших культур и вызывавший даже в двойных и тройных дозах весьма незначительную общую реакцию, причем опять-таки д-р Poiares впрыскивал около половины тех доз, которые употреблял д-р Kalapesi. Результаты этих обеих серий были следующие: к 26 марта из 10 900 человек населения Дамауна 2000 эмигрировало и 670 умерло от чумы; из остальных 8230–846 были привиты д-ром Kalapesi и 171 д-ром Poiares. До начала 2-й серии прививок, т. е. до 23 апреля из 846 привитых д-ром Kalapesi заболело 17, умерло 3 (% смертности 0,4), а из 171 привитых Poiares'ом заболело 6 и умерло 3 (смертность 1,8%). Из 7213 непривитых за это время умерло 716 (% смертности 9,9).

После окончания 2-й серии прививок число привитых д-ром Kalapesi уменьшилось на 3 вышеупомянутых умерших и увеличилось на 529 вновь привитых; таким образом вновь привитых д-ром Kalapesi было уже 1372. Число привитых д-ром Poiares'ом уменьшилось на 3, которые умерли,

и увеличилось на 99 вновь привитых; всего, стало быть, привитых д-ром Poiarès'ом было 267. Число непривитых уменьшилось на 716 умерших и на 628 вновь привитых: итого, следовательно, осталось 5869. От окончания второй серии прививок до 19 мая из 1372 привитых д-ром Kalapesi заболело 52 и умерло 18 (смертность 1,8%). Из 267 привитых д-ром Poiarès'ом заболело 12 и умерло 9 (смертность 3,8%). Из 5869 непривитых за это время умерло 674 (смертность 11,5%).

19-го мая д-р Kalapesi привил еще 552 человека, и таким образом число привитых им достигло за вычетом вышеупомянутых умерших 1906 человек. Из числа привитых Poiarès'ом к 19-му мая оставалось 258 человек, а непривитых за вычетом умерших и вновь привитых — 4643. В течение следующих 12 дней из 1906 привитых д-ром Kalapesi заболел и умер 1, из 258 привитых д-ром Poiarès'ом заболело 3 и умерло 2, а из 4643 непривитых умерло 93. Всего же с 26 марта до 1 июня из 6033 непривитых за это время умерло только 36, т. е. 1,6%. ...⁴²

Весьма интересно отметить, что на результатах, полученных в Дамауне вполне отчетливо отразилось влияние, как вирулентности прививочного материала, так и величины применявшихся доз, а именно: 1017 привитых крепкой вакциной дали 4,8% заболеваемости и 1,5% смертности, тогда как 628 привитых слабой вакциной дали 6,5% заболеваемости и 3,2% смертности несмотря на то, что последние подвергались опасности заражения во время затихания эпидемии, когда она имела, следовательно, уже гораздо менее злокачественный характер. Равным образом 1924 привитых д-ром Kalapesi, т. е. надлежащими дозами, дали 3,6% заболеваемости и 1,1% смертности, тогда как 270 привитых д-ром Poiarès'ом, т. е. недостаточными дозами, дали 7,8% заболеваемости и 5,2% смертности.

4) В июле и августе чумная эпидемия вспыхнула в Lonawli, в небольшом местечке с 4000 жителей, расположенном высоко в горах Деканского плоскогорья. По обыкновению, население и здесь сейчас же разбежалось и к тому времени, когда я и д-р Хавкин прибыли туда, в городке, по словам местной полиции, оставалось не более 1200 человек. Немедленно были приняты все обычные меры — поголовный осмотр населения, госпитализация больных, изоляция здоровых и т. д. и вместе с тем производились предохранительные прививки всем желающим. Я, к сожалению, не имею еще пока точных статистических цифр относительно результатов этих прививок и могу говорить лишь на основании личного впечатления. В течение 3 недель от начала прививок до моего отъезда из Lonawli было привито в общей сложности 487 человек, из коих заболело за это время всего 5 и умерло 3, тогда как из числа непривитых ежедневно заболевало не мене 10–12 человек, из коих добрых 3/4 умирало. Таким образом, мои личные впечатления, почерпнутые в Lonawli, вполне гармонирует с вышеизложенными цифровыми данными относительно Дамауна.

В опубликованных доселе заявлениях Хавкина не имеется почти никаких данных относительно экспериментальных основ предложенного им способа предохранительных прививок. Причина этого пробела, очевидно, кроется в том, что ему приходилось спешить с практическим применением своего способа. Между тем, это последнее невольно возбуждает целый ряд вопросов, разъяснение которых экспериментальным путем весьма желательно в ожидании, пока они разъяснятся путем наблюдательным, т. е. путем изучения статистических результатов массового применения этих прививок на людях. Само собой разумеется, что только этот статистический метод может иметь в данном случае решающее значение, только ему одному принадлежит

последнее слово при окончательной установке, как самого факта иммунизации людей от чумы этим способом, так и относительно целого ряда побочных вопросов громадной практической важности, как например, относительно продолжительности достигаемого иммунитета, быстроты его наступления, условий, противодействующих его развитию и подрывающих уже установившийся иммунитет и т. д. Экспериментальные исследования на животных, хотя бы и настолько близко стоящих к человеку, как обезьяны, могут иметь лишь относительное временное значение и дают лишь приблизительные точки опоры в ожидании окончательного выяснения всех этих вопросов путем наблюдения над людьми. ...⁴³

Весьма вероятно, что и среди людей имеются столь же значительные индивидуальные различия, и только обширная статистика покажет нам, насколько часты и редки эти индивидуальные различия между людьми и насколько они уклоняются от средних величин, которые по отношению к человеку также предстоит еще вывести из статистических наблюдений.

Итак, опыты на животных говорят нам лишь в самых общих чертах, что введение стерилизованных чумных культур по способу Хавкина может сообщить обезьянам весьма значительный иммунитет против чумных бацилл, что иммунитет этот может иногда в зависимости от индивидуальных особенностей организма, с одной стороны, развиваться весьма быстро и, с другой стороны, держаться довольно долго, по крайней мере, больше месяца. Но это и все.

Поскольку человек биологически близок к обезьяне, постольку весьма вероятно, что вышеприведенные экспериментальные выводы в их самой общей форме приложимы и к человеку. Этой вероятности в связи с несомненно доказанной безвредностью для человека иммунизации стерили-

зованными чумными бациллами вполне достаточно, чтобы сделать нравственно обязательным применение этого способа в странах, где господствует чумная эпидемия до тех пор, пока обширная статистика не выяснит окончательно степени его практической пригодности. Экспериментальные исследования этого выяснить не могут. Приведенные нами выше данные относительно тюрьмы в Bysulla, Бомбея, Lonawli и Damaun'a составляют лишь первые шаги в этом направлении и, во всяком случае, весьма ободряют к дальнейшим исследованиям.

*Левин А. М. Отчет о командировке в Индию
в 1897 г. для изучения чумной эпидемии. СПб.:
типография В. Кирибаума. 1897. С. 5–48.*

№ 2

*3/15 февраля — 24 мая/5 июня 1898 г. — Письма из Индии
Василия Павловича Кашкадамова⁴⁴ о его пребывании
в Бомбее и Лахоре и о ходе борьбы с чумой
в этих городах*

3/15 февраля 1898 г. — Письмо 1 из Бомбея

Спешу сообщить вам наблюдения и впечатления, накопившиеся у меня за первые 3 дня моего пребывания в Индии. Мы приехали 31/12 февраля утром и теперь занимаемся изучением района, пораженного чумой, и мер, принимаемых местными властями против распространения чумы.

Первое впечатление, произведенное Бомбеем, очень успокоительное. Нельзя усмотреть по внешним проявлениям уличной жизни города никаких признаков, указывающих на существование грозной эпидемии. Население сравнительно спокойно. Число жителей за последние дни,

несмотря на увеличение смертности, растет, а не убывает. В прошлом году в это время было 500 т. человек, теперь не меньше 800.

В самом Бомбее принимаются следующие меры:

1. Врачи ходят по домам и квартирам и осматривают всех поголовно, подозрительных и больных кладут в госпитали, помещения дезинфицируют. Если в доме обнаружено несколько зараженных квартир, то такой дом освобождается от людей и заколачивается. Каждый дом, в котором был хотя бы один больной, обозначается хотя бы одним знаком.

2. Пилигримство совершенно прекращено.

3. Всех лиц, прибывающих в Бомбей из других мест Индии и убывающих из Бомбея в Индию сушей и морем, осматривают врачи. Чистота улиц города заставляет желать лучшего. Одновременно с нами приехали 10 английских врачей и 25 сестер милосердия.

Самые свежие сведения можно получить из Главного Медицинского управления⁴⁵, но их неохотно дают.

Из районов, наиболее пораженных в настоящее время, важен для нас участок, называемый областью Пенджаб. Эта область лежит на севере, недалеко от Афганистана. Второй пункт есть Карачи. О нем тоже нет точных данных. Как только мы выполним все необходимые обязанности по отношению к английским властям, ознакомимся с чумой, мы разделим участки между собой и разъедемся по разным уголкам Индии.

Скоро приедет Хавкин, и мы постараемся с ним переговорить. Его очень ценят и с большим доверием принимают сыворотку, приготовленную им.

За все время сыворотка в Бомбее привита 6 тыс. человек.

Вот, пока все интересное, что я могу сообщить.

Д-р мед.⁴⁶ В. П. Кашкадамов.

7/19 февраля 1898 г. — Письмо 2 из Бомбея

Число заболеваний в Бомбее за последние 5 дней (с 13 по 17 февраля) = 119, 205, 185, 154, 172. Число умерших от чумы за эти же дни = 167, 163, 139, 156 и 155. Общая смертность за эти же дни = 280, 305, 272, 282 и 274.

За неделю от 1–8 февраля смерти от чумы = 1113 человек, за неделю от 8–15 февраля = 1257 человек. Интересны следующие цифры, показывающие ход эпидемии в Бомбее за последние 10 недель. Смертность по неделям, начиная с 14 декабря 1897 г. и до 15 февраля 1898 г.: 1 нед. — 95 чел., 2 нед. — 158 чел., 3 нед. — 200 чел., 4 нед. — 302 чел., 5 нед. — 460 чел., 6 нед. — 651 чел., 7 нед. — 834 чел., 8 нед. — 927 чел., 9 нед. — 1115 чел. и 10 нед. — 1257 чел.

Как видно из этих цифр чума продолжает расти, захватывая все больший и больший район в Бомбее. В конце 1896 года она дала за 10 недель 3172 смерти. В предыдущие 10 недель число смертей = 5987 чел., почти вдвое больше. Недавно вышел из печати больничный отчет доктора Choksey⁴⁷, заведующего «The Arthur Road Hospital», заключающий сведения за октябрь, ноябрь и декабрь 1896 г., январь и февраль 1897 г. Число больных чумой за это время было 939, умерло 688, процент смертности 73,26. Из больных ни одного европейца.

Он различает следующие формы болезни: 1) *Pestis minor*, 2) *Pestis ambulans*, 3) *P. simplex*, 4) *P. septica*, 5) *Pneumonia septica*, 6) *Pestis atypical*⁴⁸.

Прививки Хавкина дают весьма утешительные результаты. Сам Хавкин пользуется очень хорошей репутацией и его считают благодетелем. Отзывы о Yersin'e неблагоприятны.

Д-р мед. В. П. Кашкадамов.

13/25 февраля 1898 г. — Письмо 3 из Бомбея

За эту неделю накопилось несколько новых сведений, которые спешу сообщить вам.

Мы познакомились с Хавкиным и виделись с ним 2 раза. Он произвел на меня очень хорошее впечатление. Очень скромный, способный и добросовестный труженик науки. Упорным и настойчивым трудом, честным отношением к делу он добился того, что все общество относится к нему с глубоким уважением и полным доверием. Его пригласили на службу, дали ему прекрасную лабораторию, ассистента и поручили ему приготовление прививочного материала в больших количествах. Прививки его с каждым днем внушают все больше и больше доверия, так как приходят новые доказательства их благотворного действия. Еще в середине декабря прошлого года это дело не было совсем устроено в Бомбее. В 20 числах декабря открыли первую станцию для прививок при лаборатории и затем почти ежедневно открывались новые станции. В настоящее время открыто 50 станций и на каждой из них делаются прививки отдельным врачом. Со стороны низших классов, в особенности среди индусов, они встречают большое противодействие, являющееся результатом религиозных воззрений. Могу привести несколько примеров в пользу действия прививок Хавкина. В этом году появилась сильная чума в одной из тюрем. После обнаружения первого случая половине арестантов была сделана прививка и из них никто не заболел, тогда как из непривитых были больные и умершие.

Недалеко от Бомбея в деревне Mora, имеющей жителей 800 чел., сделана прививка 419. Из непривитых заболело 26, умерло 24, из привитых заболело 4 и ни одного не умерло. В деревне Damaun привито 2197 чел. — умерло 36 чел., не привито 6500 чел. — умерло 1482 чел. В самом Бомбее на

1-ой станции всего привито 8142 чел., из них 18 заболело и 2 умерло. Во время эпидемии чумы в Пуне в марте 1897 г. в деревне Aga-Khan, имевшей 600 чел., привито 450 и ни один не заболел. Из 150 непривитых — 22 заболели и один умер.

Эти данные внушают большое доверие, так как имеется много скептиков, которые стараются набросить тень на всякую цифру, и они смело высказывают свой взгляд в газетах. Несмотря на это чаще приходится наталкиваться на похвалы и благодарности по адресу Хавкина, чем на порицания и упреки.

Он приготовляет бульонную культуру, которая при долгом стоянии дает отростки, идущие с нижней поверхности бульона до дна в виде сталактитов. Как только это замечается, колба взбалтывается и снова ставится до появления новых отростков. Усиленный рост поддерживается предварительным прибавлением к бульону небольшого количества масла и жира. Культура поддерживается 6 недель, затем убивается до 70% и без фильтрации, но с 0,5% карболовой кислоты разливается по флаконам по 5 куб. сант. Эта доза считается достаточной для предохранения.

Хавкин все свое внимание теперь сосредоточивает на изучении иммунизирующих свойств, так как опыты лечения его культурой пока не дали никаких результатов. Случайно или нет, но смертность среди больных, леченных по его способу, оказалась на 13% больше, чем среди остальных. Он прежде давал, как лечебные дозы, по 10, 20 и более куб. сан. Теперь же он решил впрыскивать малыми порциями. Главный Чумной Комитет разрешил нам делать опыты с нашей сывороткой и указал для этого Grand-Road Hospital. В этой больнице работали Высокович⁴⁹ и Левин.

Больница очень хорошая, находится в ведении молодого врача-англичанина, очень симпатичного и любезного. С завтрашнего дня думаем начать впрыскивания.

Общая смертность в Бомбее за неделю с 15 по 22 февраля нов. ст. = 1974, на 324 больше, чем в это же время в прошлом году и на 1216 больше, чем в последние 5 лет до эпидемии. Из них 82 умерло от febr. recur.*, 1082 от чумы, 4 от холеры и т. д.

Общая смертность в Бомбее за неделю на 1000 жит. выражается в 123. Число заболевших чумой по дням шло так: 272, 282, 274, 255, 301, 307 и 283.

К 22 числу больных чумой находилось в госпиталях 1277 человек. В Пенджабе чума усиливается. Она имеется в 9 деревнях — дистрикт Jullundur и в 7 деревнях — дистрикт Hoshiarpur. По случаю усиления чумы в Дели образован Чумной Комитет, который имел 1-е заседание 16 февраля и постановил принять целый ряд мер. В числе их наибольший интерес для нас представляет карантин, время которого доведено до 15 дней. Ему подвергаются все приехавшие из Бомбейского президентства. Английское правительство принимает очень энергичные меры и здесь сильно развита благотворительность для оказания помощи неимущим.

Чума редко нападает на европейцев. Недавно погибли в Бомбее 2 сестры милосердия: одна укушена в палец больным; 2-ой больной плюнул в глаз. Обе проболели короткое время и скончались. Одна сестра милосердия умерла в Пуне.

Врачебный персонал работает не покладая рук и не обнаруживает ни малейшего страха за свою жизнь. Здесь все уверены, что чума опасна только при непосредственном заражении через поврежденную кожу или слизистую оболочку.

Д-р мед. В. П. Кашкадамов.

* Febr. recur. (лат.) — повторяющаяся лихорадка, периодическая лихорадка (пер. сост.).

14/26 февраля 1898 г. — Письмо 4 из Бомбея

Пишу вам раньше недели, так как сегодня я и доктор Вернер⁵⁰ уезжаем в Пенджаб через Калькутту.

За эти дни мы получили немало доказательств любезного отношения к нашей экспедиции.

Губернаторша удостоила всех нас приглашением на вечер, а губернатор пригласил на особый, интимный, обед Оста⁵¹ и Ясенского⁵². Последний пользовался, как начальник экспедиции, особым вниманием и сидел рядом с губернатором. Хавкин устроил ради нас парадный обед.

Французский консул в Бомбее дал нам рекомендательное письмо к генеральному консулу⁵³ в Калькутту. Губернатор здешний дал письмо к губернатору в Лагоре. Хавкин дал письмо к Hankin'у⁵⁴, известному бактериологу, имеющему самую лучшую во всей Индии лабораторию в Агре. Мы получили разрешение применять нашу сыворотку и в Parel Hospital'e. Ясенский работает здесь и применяет сыворотку всем больным в порядке их поступления через одного. Из всех опытов, которых в первой больнице накопилось 23, ничего хорошего заключить нельзя.

На днях должен приехать Галиотти⁵⁵ со своей сывороткой. Вчера произошли чумные беспорядки в городе. Ввиду точной регистрации чумных предложили не допускать хоронить без предварительного осмотра трупа. Это распоряжение вызвало сильное волнение, которое и вылилось вчера в виде бунта, повлекшее за собой усмирение при помощи оружия, в результате убитые и раненые с обеих сторон. Все европейское население попряталось, так как индусы и магометане сильно озлобились и делают нападения на отдельных европейцев. Наша первая больница немало пострадала от разгрома: сестра милосердия получила перелом ноги, больные разбросаны, здание больницы было подожжено, но скоро потушено. Надо думать, что через 1–2 дня все утихнет.

Д-р мед. В. П. Кашкадамов.

20 февраля/4 марта 1898 г. — Письмо 5 из Бомбея

За эту неделю умерло в Бомбее от чумы = 1098, на 17 чел. больше предыдущей. По дням смертность от чумы выразилась в следующих цифрах: 156, 155, 162, 137, 166 и 172. Заболело чумой за всю неделю в Бомбее 1248. По дням в следующем виде: 175, 122, 207, 235, 173, 139 и 197. Умерло от всех болезней за эту неделю 2080, на 106 чел. больше предыдущей. Общая смертность в Бомбее за февраль месяц в последние три года представляется в следующем виде: 1896–2351 чел., 1897–6928 чел. и 1898–8317 чел. общая смертность за последнюю неделю, вычисленная к населению дала — 129,97 на 1000 чел. За эту же неделю в Бомбейском президентстве (вне Бомбея) заболело чумой 1199 чел. и умерло от чумы 909 чел. К 3 марта находилось на лицо чумных больных в госпиталях 1458 чел. Хавкинские прививки за эту неделю продвинулись вперед. Могу сообщить точные цифры привитых из 3 городских станций:

а) При станции Хавкина всего привито 7908 чел.

б) Докт. Shroff⁵⁶ 1552

в) Докт. Nariman⁵⁷ 1383

Прививки приобретают все больше и больше сторонников. Чтобы можно было судить о том, существует ли в городе паника, лучше всего обратить внимание на цифры покидавших Бомбей и приезжающих сюда. Оказывается, что за последние 5 дней выехало из Бомбея 17090 и приехало сюда 12 850. Число жителей уменьшилось на 4240 человек. За эту неделю мы успели применить нашу сыворотку на 10 больных. Прежде чем сообщить результаты, нахожу необходимым нарисовать вам ту обстановку, среди которой придется нам работать.

Выбор больных для применения сыворотки зависит всецело от врача больницы. Последний первое время про-

явил такую осторожность к сыворотке, что счел возможным дать нам или совсем безнадежных, или очень тяжелых и запущенных больных. Большинство больных поступает в больницу на 4 и 5 дни болезни. Мы вначале впрыскиваем по одному флакону самой сильной (серия 26), затем по два флакона в день и притом делали это и в тяжелых, и в средних, и в одном легком случаях. У тяжелых больных нельзя было заметить никакой реакции. У средних сыворотка не задерживала течение болезни, не ухудшала состояния больных. Из 10 больных 7 умерло. Из этих 7 к нам поступило 3 в безнадежном состоянии и первый из них умер через 1/2 часа после первого флакона, второй — через 2 часа после 1 флакона, третий — через 2 часа после 2 флакона. Из остальных 4 умерших все больные представлялись тяжелыми, и мы все склонны были предсказать их летальный исход еще до впрыскивания. Из живых — 2 средних и 1 легкий. Мы рассчитываем попасть в больницу Parel, которой заведует д-р Клемо⁵⁸, бывший много лет в России, говорящий порядочно по-русски, относящийся хорошо ко всему русскому. Если удастся получить разрешение работать в этой больнице, тогда применение сыворотки станет на более твердую и научную почву и можно будет сделать те или иные выводы. Сегодня нам назначена аудиенция у губернатора. Он принял нас очень любезно и обещал всякое содействие со своей стороны. На днях двое или трое из всей компании уедут в Пенджаб.

Д-р мед. В. П. Кашкадамов.

23 марта/4 апреля 1898 г. — Письмо 6 из Лахора

После долгого промежутка, в течение которого мне пришлось совершить длинный путь от Бомбея до Калькутты и дальше на Агру, Дели и Лагор, я спешу сообщить новые сведения о ходе чумы в Индии.

Смертность от чумы в Бомбее за последние недели была следующая: с 8–15 февраля — 2196; с 15–22 февраля — 1081; с 22 февр. по 1 марта — 1098; с 1–8 марта — 2184; 8–15 марта — 2137; 15–22 марта — 1259 чел. Заболело в Бомбейском президентстве за последние 2 недели 2104 и 2304. За все время эпидемии умерло 79 297 чел. Трое больных чумой обнаружено в Джедде. 8 чел. заболело в Карачи, один из них умер. В Пенджабе в настоящее время чума сосредотачивается в 2 дистриктах (уездах) и в них 36 деревень поражены болезнью. Всего с начала эпидемии и к 23 марту заболело чумой в Пенджабе 1106 чел., умерло 562 чел. Лагорский губернатор⁵⁹ 1 числа вернулся в город из провинции. В этот же день мы получили приглашение к нему на обед и тут познакомились с теми лицами, с которыми чаще всего придется нам иметь дело. Один из них, доктор Рей⁶⁰, заведующей всей отчетностью эпидемии, другой — младший секретарь Maynard⁶¹, говорящий сносно по-русски. Он два года тому назад был в России и прожил в Москве 6 месяцев. Ему поручено устраивать все необходимое для нашего ознакомления с постановкой борьбы с чумой. Я считаю своим долгом обратить особенное внимание на ту любезность и даже гостеприимство, какие мы везде в Индии встречали, но в особенности в Лагоре.

Губернатор, узнав цель нашей командировки, обещал нам принять все меры к тому, чтобы мы могли выполнить нашу задачу более или менее удовлетворительно. Малейший намек с нашей стороны принимается за выражение желания. Товарищ мой в разговоре заметил, что здешняя тюрьма славится своим устройством и на завтрашний день мы приглашены для осмотра тюрьмы. Мы выразили желание познакомиться на месте с борьбой против чумы и на завтра же назначена наша поездка в деревни. В этих местах нам можно будет пробыть 1–2 дня, не больше, так как забота о помещении

и провизии на это время, а также об экипаже и лошадях целиком падают на губернатора. Достать нам самим что-нибудь в деревне никогда бы не удалось. Понятно, что пользоваться такой любезностью мы можем очень короткое время. Жить там, наблюдать больных и изучать действие нашей сыворотки по многим причинам неисполнимо. Одна из них — это некоторая подозрительность, с которой относятся к цели нашей поездки все англичане. Многие своими вопросами прямо дают понять, что принимают нас за шпионов. Если бы бомбейский губернатор не прислал бы рекомендательного письма к здешнему относительно нас, то мы здесь ничего не получили бы. Здешний губернатор старается открыто показать свои отношения к нам и только благодаря ему нам удается получить все сведения относительно чумы. Maynard о всех делах переписывается со мной на русском языке.

Д-р мед. В. П. Кашкадамов.

27 марта/8 апреля 1898 г. — Письмо 7 из Лахора

Пишу второе письмо по возвращении из поездки в деревни. Наше путешествие доставило начальству здешнему немало хлопот. Все врачи получили приказание оказать нам возможное содействие. Каждым дистриктом заведует отдельный врач. Мы поехали в Jullundur District, врач которого Джемс⁶² отнесся к нам очень внимательно и ознакомил на месте со всеми мерами, принимаемыми ими в деревнях. Все, виденное нами, представляется в высшей степени интересным и важным для России, так как имеется очень много одинаковых условий в жизни здешних обывателей и некоторых частей России.

Всего поражено деревень в Пенджабе 49, 10 в Hoshiarpur и 39 в Jullundur District. С начала появления эпидемии и по 3 апреля заболело 1780, умерло 1061. За эти 4 дня чума усилилась в Карачи. Меры, принимаемые в Пенджабе, заклю-

чаются в следующем: во всякой деревне с больными производится выселение всего населения на особые поля, где они подвергаются ежедневному осмотру. Более или менее здоровые помещаются в одном месте, подозрительные или бывшие в близких сношениях с больными — на другом. Самые больные переносятся в госпитали. Вся местность окружается кордоном полиции. В деревне производится во всех домах дезинфекция самая основательная и затем, если среди жителей ее в течение 1½ месяцев не обнаружится чумы, они возвращаются в свои дома. В способах дезинфекции можно обнаружить большое разнообразие в стремлении к простоте и дешевизне. Выведение населения на особые поля представляется самой действительной мерой и ее можно смело рекомендовать в России, где она выполнима только в известное время года и в некоторых местах. Первый принцип борьбы — самая строгая изоляция. Второй принцип — дезинфекция. Они очень часто пользуются солнечным светом и считают достаточным продержат вещи или прямо на солнце, или после предварительного очищения в кипящей воде или каком-либо дезинфицирующем растворе в течение нескольких суток. Большинство мелких и дешевых вещей сжигаются, и стоимость их возвращается особым чиновником. Дома дезинфицируются по общим правилам. Интересно то, что они после дезинфекции и сушки мажут стены снутри и снаружи известкой. Дезинфекция земляного пола производится порошком или керосином. В каждом доме снимается часть крыши и этим дается свободный доступ свету и воздуху. Меры очень дорогие, но англичане сами придают серьезное значение этой болезни и начинают побаиваться за свою жизнь и за торговые интересы.

Здесь тишина и покой, в России теперь великий праздник. Грустно в такие дни жить на чужбине.

Д-р мед. В. П. Кашкадамов.

5/17 апреля 1898 г. — Письмо 8 из Лахора

В Бомбее эпидемия за последние 3 недели настолько ослабела, что в конце апреля хотят закрыть городской Чумной Комитет. Число умерших от чумы за неделю с 22 по 29 марта = 978 — на 281 меньше, чем в предыдущую; с 29 марта по 5 апреля = 679 на 299 меньше предыдущей. Общая смертность за те же две недели дала: 1938 (на 330 меньше) и 1519 (на 419 меньше). Наши товарищи, Ясенский и Вигура⁶³, все время продолжали делать опыты с лечением чумных больных Институтской сывороткой, испытали действие ее больше, чем на 50 больных, и пришли к отрицательным результатам. За последнее время чума снова развилась в Карачи. Первые случаи появились 31 марта, и к 13 апреля всех заболевших было 94, умерших 55. Приняты меры: город разделен на участки, во главе которых стоят врачи, устроены госпитали, карантины и т. д. В Пенджабе эпидемия продолжает захватывать новые деревни; число всех зараженных пунктов к 11 апреля достигло 57, из них один город Harhshankar с 6000 жит., остальные деревни. Число заболевших и умерших за последние 3 недели таково: 21–28 (марта) 205 и 164; 28 марта — 3 апреля 312 и 192; 4–11 апреля 291 и 170; с начала эпидемии и по 11 апреля заболело 2000, умерло 1139 и выздоровело 462. Из 57 пунктов в 8 не наблюдалось новых случаев в течение месяца, в 7 — в течение двух недель и в 10 — одной недели. Из 32 пунктов чума больше всего свирепствует только в 10, в которых наблюдалось новых заболеваний 197 из 291. Температура с каждым днем становится выше. 2 дня тому назад t° в одной из прохладных комнат часов в 8 вечера оказалась равной 24°R . На дворе в тени t° доходила 33° – 36° и на солнце до 52° ⁶⁴ по Реомюру. Все рассчитывают на то, что жаркое время или задержит, или уничтожит чумную эпидемию. Я уже почти 3 недели живу и каждый день убе-

ждуясь, что на нас смотрят очень подозрительно и не верят тому, что мы приехали из-за чумы.

Я вынес такое убеждение, что нас, русских, очень боятся и не любят. Им вечно снится, что русские идут в Индию. Мы держим себя тихо и скромно, но это не помогает.

Д-р мед. В. Кашкадамов.

Р.С. Чума имеется в Китае: Гонконге (210 случ.), Макао и Кантоне.

13/25 апреля 1898 г. — Письмо 9 из Лахора

Свое письмо я начну изложением хода эпидемии в Бомбее. Ежедневная заболеваемость и смертность от чумы выразилась так: с 16 по 23 апреля заболев. 74, 84, 61, 88, 95, 78, и 88. Умерли: 83, 82, 78, 72, 83, 85, 61. За эту неделю, в общем, получилось уменьшение заболевших на 22 и умерших на 101. Надо думать, что в таком состоянии чума продержится еще 1–2 месяца. Между тем в Бомбее все меры начинают отменять, как будто эпидемия совсем кончилась. Недавно доктор Вир прочел в Бомбее публичную лекцию, в которой старался осветить деятельность Чумного Комитета с самой лучшей стороны и результаты этой борьбы, сравнительно весьма печальные, он объяснил самой чумой, с которой, по его мнению, бороться трудно и бесполезно, так как главную причину распространения чумы составляют крысы, которых невозможно уничтожить. Эта лекция явилась как бы самооправданием в безуспешной (сравнительно) борьбе с чумой, так как из Бомбея она разошлась теперь по многим частям Индии. Вир считает единственным средством борьбы с чумой предохранительные прививки Хавкина, он в них глубоко верит и рекомендует всем. Число привитых с каждым днем увеличивается. 30 станций в Бомбее за время с 19 марта по 17 апреля сделали прививок 3994 на 2250 люд. Всего привито за 1898 г. 16 642 чел. В Карачи с 14

по 21 имеем следующие данные: заболев. 12, 17, 20, 26, 28, 16, 27 и 16. Умерло 10, 12, 11, 20, 21, 23, 12 и 32. Всего с начала эпидемии заболело 283 чел. и умерло 196. С 16-го апреля в Калькутте учредили карантин против судов, приходящих из Карачи. 17 апреля в Калькутте появился сомнительный случай, который врачи назвали лихорадкой. Этот больной умер, и приняли все меры предосторожности, как при чуме. 18 числа губернатор осмотрел приготовленный чумной госпиталь и поле для изоляции. В этот же день в Калькутте устанавливается карантин против судов, приходящих из Джедды, которая объявлена неблагополучной. 20 числа умирает ребенок из семьи, бывшей под наблюдением, и заболевает взрослый мужчина тяжелой формой лихорадки. В городе поднимается волнение, все начинают подозревать чуму, но окончательного ответа ждут от Хавкина, который производит бактериологическое исследование. В Пенджабе за неделю с 11 по 18 апреля заражено 8 новых деревень: 7 в Jullund. District и 1 в Hoshiarpur District; и в них обнаружено больных 60 и умерших 15. Всего за отчетную неделю заболело 176 и умерло 126, выздоровело 72.

В сравнении с прошлой неделей имеем уменьшение заболеваемости на 40%, смертности на 24% и увеличение выздоравливаемости на 23%. За эти 3 последние недели обнаружилась ясная склонность эпидемии к ослаблению. Из общего числа 65 зараженных пунктов — новые заболевания не наблюдались в 8 в течение последнего месяца, в 12 — последних 2 недель и в 11 — последней недели. Они наблюдались в 32 пунктах, причем 69 случаев обнаружено в 4, а остальные 107 распределяются между 28. Общее число заболевших с начала эпидемии и по 18 апреля = 2176, умерших 1265 и выздоровевших 534. Недавно врачам в Пенджабе удалось проследить в одной деревне Chak-Kabal заражение чумой от трупов павших крыс. Одной из наиболее действи-

тельных мер считается уничтожение крыс, но весь вопрос заключается в том, можно ли это осуществить на практике. Жара начинает с каждым днем все сильнее и сильнее действовать на нас. Температура в тени доходит до 37,5 °R, на солнце до 62° R⁶⁵. Только и спасение — это холодные ванны, которые приходится принимать 2–3 раза в день. Нас утешают тем, что будет еще жарче. Во 2-ой половине июня начинаются дожди и жара невыносимая.

Д-р мед. В. Кашкадамов.

20 апреля/2 мая 1898 г. — Письмо 10 из Лахора

Начинаю, как всегда с Бомбея. За неделю с 23-го по 29 апреля заболевших было: 72, 93, 52, 68, 50, 61 и 58; умерших: 54, 58, 46, 49, 46, 43 и 47. В Бомбейском президентстве за неделю с 15 по 22 апреля заб. 599, ум. 485.

На различных станциях в Бомбее за время с 19 по 23 апреля сделано прививок Хавкина 102 чел.; всего за наст. год 16 744.

В течение последнего месяца делались опыты с лечением чумных больных сывороткой, приготовленной проф. Люстигом⁶⁶ и привезенной его ассистентом Галиотти. В настоящее время известны результаты его опытов. Он применил сыворотку на 103 больных, из которых 18 случаев очень тяжелых, и получил 59 умерших и 44 выздоровевших, % смертности 51,77%. Бомбейский муниципалитет считает это очень утешительным, и просит Люстига изготовить большой запас крепкой сыворотки и приехать с ней для лечения в различных городах.

В декабре месяца наст. года хотят созвать медицинский конгресс в Бомбее для окончательного решения целесообразности общепринятых мер и выяснения того, что наиболее применимо при борьбе с чумой. Цель съезда очень важная, время выбрано хорошее, но думаю, что из Европы

немногие приедут вследствие дальнего расстояния и дороговизны путешествия. Ход эпидемии в Бомбее заставил некоторых английских врачей (Вира, Кука⁶⁷) сделать странное заключение, а именно: все меры никуда не годятся, не надо выселять зараженных людей, потому что это вызывает сильное возбуждение в народе, не надо дезинфицировать и т. д. Все это не только говорится, но и печатается в оправдание неумелости бороться с чумой. Они больше всего боятся торговых убытков и волнений толпы и ради этого готовы покривить душой и утверждать абсурдное положение. Эти врачи очень опасны, так как все, кому это выгодно, начинают опираться на их слова. Благодаря этому, возможно ожидать, что вся Индия превратится в чумное гнездо и будет постоянно угрожать Европе.

Ход чумы в Карачи за неделю с 22 по 28 апреля был таков: заб. 44, 28, 40, 50, 35 и 64; ум. 27, 30, 28, 28, 31, 28 и 42. Всего заб. 594 и ум. 411 — на 300 случ. больше ум., чем в прошлом году за этот же период.

Несмотря на слова Кука в Калькутте принимаются меры: решено разделить город на участки и в каждом образовать наблюдательный комитет, обязанности которого должны заключаться в исследовании всех подозрительных случаев, улучшении санитарного состояния и т. д. Начали чистить хлебные амбары и истреблять крыс, которых теперь считают главными источниками распространения заразы. В Пенджабе за неделю с 18 по 25 апреля захвачено 9 новых деревень: 7 в Jul[lundur] D[istrict] и 2 в Hosh[iarpur] D[istrict]. Всего за эту неделю заболело 261, выздор. 128 и умерло 81. За эту неделю наблюдалось много случаев в новых деревнях, зараженных за последние 2 недели.

Из старых 42 пункта не дали совсем больных и многие из них объявлены свободными от чумы.

Принятие мер вызвало и в Пенджабе беспорядки в 2 местах: 1) в городе Harshankar⁶⁸ пришлось пустить в ход оружие, и 8 человек убито, 27 ранено, много арестованных; 2) в деревне Bhangal было оказано сопротивление властям, но спокойствие было скоро восстановлено. В деревне причиной волнений был сильный солнечный жар, который жители не могли переносить в легких палатках.

Жара с каждым днем усиливается, и она начинает сильно влиять на мое здоровье. У меня появлялись за последние 3 дня несколько раз приступы сердечной слабости. Ни малейшего физического удовольствия не могу себе позволить. Даже умственные занятия очень утомляют. Воздух к 2 часам дня так накаливается, что прямо жжет, как из печи. Здесь устраивают в каждой квартире громадный веер, который приводится в движение людьми и называется по-индустански панка. С каждым днем Лагор все больше пустеет, так как все уезжают на самое жаркое время в Симлу. Симла лежит на Гималайских горах и, как все говорят, очень красивый город.

P.S. Только что получил новые сведения о Калькутте. Хавкин прислал ответ утвердительный, и бенгальский губернатор⁶⁹ официально объявил существование чумы в городе. Как только это стало известным большинству населения, то оно тысячами начало бежать. Не хватает поездов, пароходов и лодок, чтобы отправить всех. Паника всеобщая и ужасная. Решено впереди всех мер предлагать прививки. По 1 мая имеется 31 больной и 11 умерло. Из Карачи, в которой эпидемия принимает угрожающие размеры, бежало до 20 000 ч. народа. Немало хлопот теперь наделает чума, и не только англичанам, но и всей Европе.

Д-р мед. В. Кашкадамов.

27 апреля/9 мая 1898 г. — Письмо 11 из Лахора

За последнюю неделю в Бомбее с 30 апреля по 6 мая числа заболевших и умерших от чумы были следующие: заб. = 53, 50, 29, 42, 53, 37, 37; ум. = 33, 33, 38, 23, 28, 27, 20. За всю отчетную неделю общая смертность 872, чумн. 263.

Надо думать, что чума в Бомбее скоро совсем прекратится. Настоящий Чумный Комитет останется до конца мая, а затем передаст все дело санитарному отделению муниципалитета. В Бомбей недавно приехал доктор Симон⁷⁰ с крепкой сывороткой и, так как в Бомбее мало больных, он едет делать опыты в Карачи. Для ознакомления с действием сыворотки и наблюдения за всеми мерами, принимаемыми в Карачи, Ясенский посылает Вернера, который жил до сих пор со мной в Лагоре. Жизнь в Лагоре с каждым днем становится все невыносимее благодаря усиливающейся жаре, полному одиночеству и отсутствию каких бы то ни было развлечений.

Жары будут продолжаться еще 1–1½ месяца, затем наступит дождевой сезон — самое худшее время в году.

Числа заболевших и умерших от чумы в Карачи с 22 апреля по 5 мая следующие: заб. = 86, 66, 83, 78, 100, 101, 75; ум. = 67, 44, 66, 76, 72, 80, 72. Общее число заболевших 1183 и умерш. 992.

Положение дел в Калькутте представляется критическим. С самого начала, когда только что появились первые сомнительные случаи, решено было применять все меры снисходительно, без всякого насилия. Думали, что, если населению предложить выбор между выселением на поля и прививками, то оно охотно согласится на последнее, прививки будут сделаны, страх исчезнет, чума не распространится. На самом деле произошло нечто неожиданное.

В народе распространились слухи, что прививки будут делать насильственно и их начали бояться больше, чем самой чумы. В течение 2–3 дней бежало, сломя голову, насе-

ние Калькутты, кто на чем: по железной дороге, на лодках, телегах, верхом, пешком, и оставило город более 200 000 чел., ища спасения в ближайших деревнях. Но этого мало. Начали обнаруживаться стачки между рабочими в портах, носильщиками и рабочими на железных дорогах, лодочниками, извозчиками, наборщиками и пр. Общий переполох. Большинство дел приостановилось за отсутствием рабочих. Прислуга тоже бежала. Торговля потерпела массу убытков. Цены на все страшно поднялись. Власти окончательно растерялись и не знают, что делать. Число больных и умерших от чумы положительно никому неизвестно, так как в этом отношении ничего не предпринимается. Случайно натываются на больных. Официально объявлено, что никаких мер против желания самих обывателей не будут предпринимать. Чего можно ожидать при таком ходе дел, кроме самого плохого, — распространения чумы по всей Индии.

В Калькутту командирован наш товарищ Ост, положение которого незавидно. В Пенджабе чума за неделю с 25 апреля по 3 мая захватила новых деревень всего 3. Во всех пунктах, в которых имелись заболевания за эту неделю (в 35) было больных 268, умерших 142 и выздоровевших 52. Общее число с самого начала эпидемии заб. 2705, умерш. 1535 и выздор. 667. Чума главным образом сосредотачивается только в 7 пунктах.

Если бы удалось задержать район распространения, то в этих местах она скоро прекратилась бы. Но, к сожалению, все кордонные цепи здесь, как и на всем земном шаре, легко разрываются при помощи золотых ключей. 3000 человек образуют кордоны в различных местах Пенджаба и состоят в местной полиции, полагаться на которую никоим образом нельзя.

Д-р мед. В. Кашкадамов.

4/16 мая 1898 г. — Письмо 12 из Лахора

За неделю с 7 по 13 мая чума в Бомбее дала следующие числа: заб. 72, 47, 9, 9, 21, 24 и 27; ум. 17, 13, 19, 14, 16, 11 и 20. За неделю с 1 по 7 мая на различных станциях Бомбея сделано предохранительных против чумы прививок 457 чел., всего за этот год 17 386 ч. Недавно опубликованы расходы по принятию противочумных мер в Бомбее. Оказалось, что ежемесячно расходовалось около 30 000 руб., цифра довольно солидная, если принять во внимание, что в числе вышедших чинов было немало добровольцев. В Карачи чума стоит на довольно высоком уровне, как это видно из следующих цифр: за неделю с 6–12 мая заб. 102, 84, 67, 96, 90, 96 и 72; ум. 64, 66, 57, 77, 89, 61 и 66.

Дела в Калькутте начинают понемногу принимать надлежащий вид. Впервые появились сведения о числе заболевших с 1 дня и по 12 мая 51 ч. и умерших 41. Местный комитет ввиду сильного волнения в народе, по-видимому, хотел держаться выжидательной политики, но получил от Индийского Управления⁷¹ приказ приступить немедленно к борьбе с чумой, начав ее с обхода домов. Разделив город на 4 участка, в каждом образовали особые комитеты. Народ, начавший уже успокаиваться, прослышал про обходы домов и снова заволновался. К этому же присоединился слух об одном умершем будто бы от прививок.

Доки и пароходы понемногу приступают к деятельности, но население по-прежнему крайне враждебно относится ко всем лицам, имеющим отношение к чуме. На днях, 12 числа, один из докторов, желавший чумного ребенка отправить в госпиталь, подвергся серьезному и опасному нападению со стороны толпы в 400 чел. и только чудом спасся от смерти. Толпа напала на амбулаторный пункт, разгромила все

и предала огню. Позвали полицию, но до этого времени толпа успела исчезнуть.

В Пенджабе число заболевших и умерших от чумы за неделю от 2 до 9 мая наибольшее за все время эпидемии заб. 496, ум. 320, вызд. 89. Несмотря на такое усиление заболеваемости и смертности есть признаки, указывающие на то, что чума задерживается в своем распространении и район, пораженный ею, все более и более сужается. За прошлую неделю чума была занесена только в 3 новых деревни, за эту неделю ни одной деревни не заражено.

Из всех 77 пунктов, в которых были обнаружены чумные больные за все время существования эпидемии, имеется 27 мест, в которых нет заболеваний с месяц. Из остальных 50 мест мы имеем 22, в которых чума, то в одном, то в другом, усиливалась, давая от 11 до 20–30 и более случаев в одном месте; 28 мест представляются очень слабо выраженными, давая 1–2 случая, да и то не в каждую неделю.

За эту неделю около 90% всех умерших и заболевших оказалось в 8 пунктах, остальные 10% делятся между 26 местами. Из данных за последние 2–3 недели видно, что район, наиболее зараженный, включает в себе около 15 деревень. Через 2 недели должен наступить дождевой сезон, и все рассчитывают, что чума в Пенджабе прекратится через месяц.

Д-р мед. В. Кашкадамов.

11/23 мая 1898 г. — Письмо 13 из Лахора

За неделю с 14 по 20 мая в Бомбее чума держалась почти на той же высоте, как и в прошлую неделю, что видно из следущ.: заб.: 21, 25, 7, 26, 21, 12 и 21; ум.: 16, 17, 11, 16, 24, 16 и 16.

В Карачи чума обнаруживает явную наклонность к ослаблению, как ясно из следующих данных: с 14 по 20 мая: заб.: 68, 49, 62, 54, 55, 55 и 42; ум.: 61, 57, 45, 44, 51, 48 и 30.

Относительно Калькутты имеются сведения, но заведомо неточные. За неделю с 13 по 19 мая обнаружено 15 заболев. и 7 умерло от чумы. Стачки среди рабочих продолжаются, и никакие средства не дают возможности внушить доверие среди низших классов населения к мерам, принимаемым властями. Немалую роль в возбуждении народа играют местные газеты, издаваемые на туземных языках. Недавно вышло распоряжение, по которому всякое лицо, виновное в распространении ложных слухов, будет подвергаться тюремному заключению или большому штрафу.

В Калькутте немало шуму наделала статья, появившаяся в одной из туземных газет, обвинявшая одного врача в смерти, причиненной прививкой лимфы Хавкина. По расследовании дела вся история оказалась вымышленной, а разуверить всех читавших или слышавших об этом нет возможности.

Несмотря на сильное противодействие со стороны невежественного фанатичного народа прививки понемногу распространяются. В Пенджабе в дистрикте Jullundur сделано прививок около 1700 чел., большая часть которых принадлежит к зараженным деревням. Очень рано судить о результатах этих прививок, но пока имеются следующие данные. Из всех привитых 6 заболело и 1 умер. Громадный успех имели прививки в деревне Banga. Все население равно 4917, из них 604 привились. Во всей деревне заболело после прививок 99, из которых 5 были привиты, 64 умерло и все из непривитых. 5 привитых все заболели очень слабой формой и только у одного были характерные бубоны с последовательным нагноением. Благодаря такому результату прививка в этой местности внушила настолько сильное доверие, что многие желают вторично привиться. О Пенджабе ничего сказать не могу, так как на этот раз все сведения мною будут получены позже по случаю переезда губернатора в Симлу.

Жара за последние 2 недели сильно уменьшилась, нередко перепадают дожди. Я нахожусь в полном одиночестве, так как во всей гостинице 2 человека: я и английский военный врач, который скоро уедет.

Д-р В. Кашкадамов.

19/31 мая 1898 г. — Письмо 14 из Лахора

Чума в Бомбее, хотя довольно медленно, но все-таки уменьшается, за неделю с 21 по 27 число больных и умерш. следующие: заб.: 20, 31, 17, 10, 41, 23 и 16; ум.: 21, 10, 5, 11, 16, 16 и 9. Эти цифры держатся уже давно и несмотря на свою ничтожность указывают на необходимость тщательного очищения всех гнезд заразы и энергичной борьбы.

Между тем на днях закрывается Чумной Комитет; и все дела по прекращению чумы передаются в исполнительную комиссию Бомбейского муниципалитета по санитарным вопросам. В Калькутте начинает устанавливаться спокойствие. Число забол. за неделю с 21 по 27 мая 6, умерш. 4. В Карачи также уменьшается число забол. и умерш. за время с 21 по 27 мая след.: заб.: 51, 34, 49, 39, 30, 44 и 28; ум.: 38, 21, 45, 24, 22, 35 и 22.

Число всех заболевших = 2497, умерш. 1966.

Относительно Пенджаба имеются сведения, но не полные: в Jullundur District с 9 по 13 мая, 4 дня; в Hoshiarpur Distr. с 9 по 21 мая, 12 дней. В 1-ом дистрикте заб. 22, умерло 15 и выздоров. 45. Во 2-м дистрикте заб. 24, умерло 13 и вызд. 33.

Усиление эпидемии за неделю со 2 по 9 мая надо считать вспышкой перед окончанием. Это обстоятельство приводят в связь с понижением t° , наблюдавшимся в этой местности под влиянием холодных ветров.

Собственно в Лагоре t° была ниже обыкновенной в период от 11–20 мая, затем она начала подниматься и за последние дни дошла до $37\frac{1}{2}$ в тени и $62^{\circ 72}$ на солнце (по Реомюру). По температуре последних дней Лагор принадлежит почти к самым жарким местам. Есть еще жарче — Яcobobad, где t° в тени доходит до $40^{\circ} R^{73}$. Все говорят, что настоящая часть года самая жаркая и надо ожидать в Лагоре еще более поднятия t° .

Трудно, не испытавши никогда, представить себе подобную жару. Судя по теперешнему, довольно значительному ослаблению чумы, можно думать, что она скоро совсем прекратится. Вообще, я думаю, что через 3–4 недели везде будут единичные случаи, которые не могут служить ни материалом для изучения, ни для опытов.

Д-р мед. В. Кашкадамов.

24 мая/5 июня 1898 г. — Письмо 15 из Лахора

Во всей Индии чума уже 29-ю неделю обнаруживает сильную склонность к ослаблению. В Бомбее за последние 7 дней с 27 мая по 3 июня: заб.: 16, 18, 11, 10, 24, 11, 2; ум.: 9, 13, 12, 8, 10, 7, 8. За отчетную неделю с 24 по 31 мая общая смертность = 589 (на пред. нед. 663), чумная смертность 84 (на пред. нед. 101). С 1 числа всеми мерами заведует санитарное отделение думы и им дан в помощь один из врачей, работавших в Бомбее. Вся ответственность возложена на санитарного врача. В Калькутте сведения становятся более точными, но самое число заболеваний на такой большой город ничтожное. За неделю с 28 мая по 3 июня: заб.: 4, 2, 1, 3, 1, 4, 4 = 19; ум.: 2, 2, 1, 3, 1, 3, 0 = 12. Всего зарегистрировано больных 88, ум. 67.

В городе установилось почти полное спокойствие. Народ начинает понемногу возвращаться. Врачи ходят по городу

под охраной целого отряда полицейских. Относительно предохранительных прививок Хавкина в народе распространился удивительных слух. Так как Хавкин русский, то он впрыскивает яд, чтобы подорвать доверие со стороны народа к английскому правительству и ослабить здоровье и численность народа и тем самым легче завоевать Индию. Удивительное невежество и непонятный страх перед Россией, действия которой местными английскими газетами всегда рисуются в ужасном виде.

Чума в Карачи с 28 мая по 3 июня: заб.: 35, 23, 35, 28, 25, 26, 17; ум.: 28, 22, 24, 21, 18, 20, 16. За всю неделю заб. 189 (на пред. нед. 275), ум. 149 (на пред. нед. 207).

С начала появления эпидемии заб. 2686 и умерло 2115. В Пенджабе обнаружилось также сильное уменьшение, достигающее почти до полного прекращения. Чума переносится в новые деревни и преимущественно в них сосредотачиваются новые больные.

В Jullundur District за время с 13 по 23 мая заб. 33 ч., ум. 23, вызд. 143. Из них 26 больных в 4 новых деревнях. Замечательно, что число выздоравливающих во много раз превышает число умерших. Этот признак в высшей степени благоприятный и всегда указывает на близкое окончание эпидемии. В Hoshiarpur Distr., за время с 21 по 27 мая заб. 6, ум. 6 и вызд. 21.

На основании вышеприведенных данных можно видеть близкий конец эпидемии.

Число больных в Карачи настолько незначительно, что Симон не считает возможным продолжать своих опытов. Довольно значительное влияние на ослабление эпидемии имела та жара, которая продолжается уже больше 2 недель.

Начиная с часу и до 6 веч. — самое жаркое время дня. Весь день обливаюсь потом. Жара меня прямо изводит и отравляет существование. Как меня обрадовал слух, сооб-

щенный мне товарищем, будто нас скоро вызывают в Россию. Если это верно, то я пробуду не больше недели в Лагоре, затем поеду в Бомбей. В Бомбее климат значительно прохладнее, и там я немного оправлюсь. Несколько минут назад жизнь моего служителя подвергалась большой опасности, очень обыкновенной для Индии. Мне приходится проходить в столовую по очень тенистой аллее. На одном из деревьев находилось три змей, и одна из них была совсем близко к голове служителя; к счастью, окружающие заметили змей и убили их, змеи маленькие, но укус их, безусловно, смертелен. Жара выгоняет змей из их нор. Да, с большим удовольствием я бы теперь отправился в обратный путь. На мою долю выпала самая худшая участь: прожить 2½ месяца в Лагоре*.

Д-р мед. В. Кашкадамов.

Кашкадамов В. П. Письма из Индии. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1898. С. 1–25. Отдельный оттиск. Впервые напечатано в Больничной газете Боткина за 1898 г.

№ 3

28 сентября 1898 г. — Из брошюры В. П. Кашкадамова «Чума в Индии за 1896–1898 гг. с изложением этиологии, условий распространения и заражения, клинической картины и лечения ее»

...Кроме них имеется целый ряд простых и дешевых способов [дезинфекции. — Т. 3.], основанных на действии высокой т°. Сюда надо отнести: 1) действие солнечного тепла, которое является незаменимым дезинфектором, в особенности в Индии. Даже при нашем климате солнце наряду

* Спустя короткое время после отправки этого письма В. П. Кашкадамов выехал из Лагора (прим. изд. М. М. Стасюлевича).

с обильным притоком свежего воздуха может быть в некоторых случаях очень полезным; 2) нагревание, кипячение, действие горячим сухим воздухом, парами и т. д.; 3) сжигание. В Индии, между прочим, практиковались следующие простые способы дезинфекции земляного пола. Вскрывается верхний слой земли, обливается керосином, или же посыпается порошком и потом поджигается. После этого взрытую землю прокалывают. Для большего доступа света и воздуха прибегали к очень простой мере — сниманию части крыши. Всякая дезинфекция заканчивалась белинием домов снутри и снаружи известью. Эта мера очень остроумная и весьма целесообразная.

Все только что указанные меры, как-то: осмотр всех жителей в зараженном месте, устройство больниц и особых полей для наблюдения над здоровьем подозрительных лиц, применялись и в деревнях Пенджаба. Но здесь благодаря особенным условиям положения деревень и занятий сельских обывателей приходилось в значительной степени приспособляться к ним, чтобы своими действиями не вызывать никакого расстройтва в ходе жизни и не лишить их возможности заниматься земледельческими работами. Мне пришлось видеть деревни только в Пенджабе, да и то в небольшой части его. Сравнивая свое личное впечатление с описанием, сделанным некоторыми английскими врачами, я прихожу к заключению, что общее состояние санитарных условий в деревнях во всей Индии почти одинаковое.

По внешнему виду деревни в Пенджабе напоминают наши запущенные, бедные деревни. Те же маленькие, темные и грязные, расположенные без всякого порядка избушки. Избы глиняные, состоят из одной комнаты, полутемной, так как свет проходит чрез 1–2 небольших отверстия, изображающих собой окна. Пол земляной. Крыши плоские

и соломенно-глинянные. Улицы в деревнях по большей части неправильны, узки. Почва песчано-глинистая. Во время жары нередко бывает пыль, несомая с окружающих каждую деревню пахотных полей. Во время дождей порядочная грязь. Внутри изб полное отсутствие так называемой обстановки: имеются кой-какое платье и несколько принадлежностей утвари. Печей нет. Отопление изб во время холодных дней происходит сжиганием коровьего помета, раскладываемого прямо на полу. Если еще к этому прибавить то, что во время холодов индусы держат свой скот тут же в избах, то получится полная картина, рядом с которой могут быть поставлены наши курные избы, кибитки и чумы наших кочующих инородцев. Приготовление кушаний происходит на небольшом очажке, устроенном вблизи дома. В деревнях, как и у нас, никаких отхожих мест не полагается, и естественные потребности отправляются, где попало. Вода для питья доставляется колодцами, имеющимися в каждой деревне. Для хозяйственных целей и омовения служит вода, скопляющаяся во время дождей в искусственно вырытых прудах.

Вся пораженная местность была разделена на небольшие участки, которые находились под надзором особых полицейских и медицинских чинов. Всем сельским старостам вменено в обязанность доносить участковому начальнику о всяком лихорадочном заболевании в течение первых часов. За неисполнение этого они подвергались довольно строгому наказанию и, наоборот, за раннее сообщение первого случая получали награду около 30 рублей.

При обнаружении больного в какой-нибудь деревне для принятия дальнейших мер приглашался участковый врач, который больных отсылал в госпитали, устроенные вблизи каждой зараженной деревни. Всех остальных членов семьи и ближайших соседей, хотя и здоровых в данный момент, но

могущих быть зараженными, помещали на особых, изоляционных полях, а с оставшимися поступали различно: если деревня небольшая, то их всех выселяют на наблюдательное поле, т. е. производят полную эвакуацию деревни, если же она по числу жителей заходит за тысячу, то выселяется только ближайшая к зараженному дому часть деревни, которая и окружается кордоном для преграждения сношений остальных обывателей. Больницы устраиваются еще проще, чем в Бомбее. Это прямо шалаши, стены которых составляют рогожи, крыша такая же, прикрытая небольшим слоем глины. Обстановка таких госпиталей самая простая: кровати, небольшой столик и шкаф. Заведуют ими местные врачи при помощи сестер милосердия, которые ежедневно сообщают участковому врачу о всех переменах. Вблизи больницы строятся мелкие дома для медицинского персонала и лиц, заведующего дезинфекцией. По выселении всех жителей из деревни в ней производится дезинфекция сулемой или карболовой кислотой. До выселения делается опись вещам, часть их дезинфицируется, а часть сжигается и стоимость возвращается владельцу. Дома окончательно очищаются белием снаружи и внутри. Крыша снимается для доступа света и воздуха. В таком положении деревня находится не меньше месяца, и если за это время на наблюдательном поле не обнаружено ни одного случая заболевания, то обывателям разрешается вернуться в свои дома. На полях для жилья устраиваются небольшие шалаши из рогожных рам, отдельные для каждой семьи и притом недалеко от своих полей.

Госпиталь со всеми прилежащими постройками и изоляционным полем составляет участок, находящийся под более усиленным кордоном, тогда как наблюдательные поля под более слабым. Изоляционными полями заведует местный врач, который обязан всех ежедневно осматривать и о вся-

ком обнаруженном заболевании немедленно сообщать участковому врачу; наблюдательные поля поручаются надзору старосты и самих обывателей. Доставка пищевых припасов принимается в таких случаях полицией на себя.

В Пенджабе чума гнездилась в 2 дистриктах и 84 деревнях, и то потребовалось около 3000 низшей полиции, что составляет 15% всего числа. Сами крестьяне, как ненадежный элемент и, надо думать, во избежание ропота, не привлекались к участию в кордоне. В виду этого сторожевая цепь не могла быть особенно тесной и потому легко прерывалась, что и служило причиной распространений чумы в других деревнях. Во всяком случае, он значительно сдерживал эти сношения. Причиной быстрого прекращения эпидемии во многих деревнях надо считать эвакуацию и основательную дезинфекцию, для которых не жалели ни сил, ни средств.

Кордон, окружающий всех больных и подозрительных лиц и охраняющий сношения с остальными, и составляет то, что известно под названием *сухонутного карантина*. Если он применяется так, как в Пенджабе, то им не нарушаются жизненные интересы обывателей. Они продолжают заниматься своим делом, хотя живут, конечно, в менее удобной обстановке, чем дома. Такое выселение у нас представит значительно больше затруднений, потому что хозяйство нашего крестьянина гораздо сложнее, чем у индуса. Зато устройство тесного кордона у нас представляется более выполнимым и тем самым будет меньше шансов для переноса болезни. Много спорят и по настоящее время о пользе карантинных. Я, на основании всего виденного и читанного мной по вопросу о карантинах, прихожу к заключению, что они необходимы и приносят большую пользу. Малейшее ослабление в карантинных правилах может уничтожить все полезное действие их и незаслуженно набросить на них обвинения и упреки в бесполезности. Никто не отрицает, что

карантины могут стеснить течение жизни и нарушить интересы многих. Но при отсутствии их нарушаются интересы значительно большего числа людей, чем при них. Во имя общего блага всегда приходится стеснять себя, и чем серьезнее мы отнесемся к этому вопросу, тем скорее одолеем врага и тем меньше будем терпеть от этих мер. На Россию падает наибольшая доля забот, так как она, с одной стороны, соприкасается своими границами на значительном протяжении с теми восточными народами, которые легко могут занести чуму и к нам, а с другой стороны, имеет весьма оживленные торговые сношения с иностранными государствами.

Здесь неуместно говорить о всех деталях устройства морских карантинных пунктов, с которыми мне пришлось ознакомиться летом 1897 года во время моей командировки от Высочайше утвержденной Комиссии⁷⁴ в г. Очаков для оказания содействия местному карантинному надзору. Достаточно обратить внимание на то, чтобы все наши карантинные учреждения были бы снабжены всем необходимым для быстрого распознавания сомнительных случаев и были бы готовы в каждую минуту к открытию своих действий.

На основании всего вышеизложенного, я позволю себе сделать следующие выводы:

1) Чумная эпидемия может появляться в местах, расположенных вблизи реки и моря, или отдаленных от них, в местах низменных и возвышенных, в местах с почвой болотистой, известковой и песчаной, начинается в различные времена года, при различной t° и влажности воздуха и продолжается различное время: годы, месяцы и недели.

2) Начало этой эпидемии в значительной степени и прежде всего обуславливается санитарным состоянием того пункта, на который попал чумной микроб.

3) Дальнейшее существование эпидемии зависит от климатических условий.

4) Во всех местах первые случаи чумы обязаны сношением с зараженными очагами.

5) Чума может оставаться в скрытом состоянии и при благоприятных условиях давать вспышки эпидемий.

6) Наибольшим переносчиком болезни является человек.

7) Могут переносить болезнь и некоторые животные, напр. крысы⁷⁵.

8) Заразительность чумы в частных, плохо устроенных квартирах велика, в госпиталях больших, светлых и чистых — мала.

9) В частных квартирах заражение чаще всего происходит косвенным путем — через грязное платье и др., в госпиталях — прямым — непосредственно от больного.

10) Необходимым, по-видимому, условием заражения считается попадание заразы тем или иным путем в кровь через кожу и слизистые оболочки.

11) Имеется 3 формы чумы: а) бубонная или нервная в 86%, б) легочная 9%, в) брюшная в остальных случаях.

12) Инкубационный период продолжается от 2–3 до 10–12 дней.

13) Продолжительность болезни от 5–7 дней.

14) В картине болезни преобладают симптомы со стороны центральной нервной системы.

15) Возраст больных от 10 месяцев до 96 лет.

16) Смертность в госпиталях от 56–72%, в частных квартирах до 85%.

17) При лечении больных первой заботой является помещение их в больницы и хорошее питание.

18) Лечение больных сывороткой не дало никаких результатов.

19) Предохранительные прививки лимфой Хавкина оказались весьма успешными. На основании 10 000 прививок

видно, что смертность между привитыми в 15 раз или на 93% меньше, чем между непривитыми.

20) Мерой, задерживающей распространение болезни, является поголовный осмотр обывателей.

21) Выделение больных и подозрительных и тщательная дезинфекция являются необходимыми условиями для быстрого прекращения эпидемии.

22) Применение сухопутного карантина является не только полезным, но и необходимым, но при этом следует, насколько возможно, не нарушать обычного строя жизни лиц, находящихся в карантинной черте.

Заканчивая свой доклад, я выражаю желание, чтобы не только товарищи, но и интеллигентная часть общества, получили ясное представление о чуме и мерах борьбы с ней. Тогда, рассчитывая на сочувственное и сознательное отношение большинства лиц, можно спокойно смотреть в будущее, ожидая врага с оружием в руках.

*Кашкадамов В. П. Чума в Индии за 1896–1898 гг.
с изложением этиологии, условий распространения
и заражения, клинической картины и лечения ее. СПб.:
тип. М. М. Стасюлевича, 1898. С. 45–51.*

Примечания

¹ Левин Александр Михайлович (1861–1932), русский и советский эпидемиолог и терапевт, неоднократно посылался в разные местности Азиатской и Европейской России для борьбы со вспышками чумы. Соч.: Отчет о командировке в Индию в 1897 г. для изучения чумной эпидемии. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1897. 48 с.

² Отчет А. М. Левина начинается с общей характеристики г. Бомбея.

³ Отдельные случаи заболевания чумой, имеющие сезонный характер (с января по март), регистрировались английскими властями в Гонконге еще с 1890 г.; обычно эпидемии чумы начинались по окончании более прохладного, не дождливого, но более влажного времени года, а именно в 1894 г. — в мае, в 1896 г. — в апреле.

- ⁴ Считается, что первый случай чумы был зафиксирован 23 сентября в Мандви, южный Бомбей, доктором Акацио Габриэлем Вигасом, но, по-видимому, заболевания происходили и ранее, но их относили к категории разного рода лихорадок.
- ⁵ Парсы — этноконфессиональная группа последователей зороастризма; «огнепоклонники», проживают главным образом в Бомбее. Традиционное занятие — торговля и ростовщичество, парсы намного богаче и грамотнее среднего индуса.
- ⁶ Голод в Индии 1896–1897 гг. был спровоцирован засухой 1895 г. и отсутствием зимнего муссона 1896 г. Голод начался в Бунделькханде и распространился по Соединенным провинциям, Центральным провинциям и Берару, Бихару, части Бомбейского и Мадрасского президентств, пострадали также княжества Раджпутаны и Хайдарабад. В целом голод охватил территорию площадью 800 000 кв. км с населением 69,5 млн человек. В России газеты и журналы публиковали материалы об этом бедствии. По докладу министра внутренних дел И. Л. Горемыкина императором Николаем II 19 декабря 1896 г. было принято решение об образовании трех комитетов (в С.-Петербурге, Москве и Одессе) для приема пожертвований деньгами и хлебом голодающему населению Индии и для направления жертвуемого хлеба по назначению; притом начальники других губерний и областей были также уполномочены принимать хлеб и деньги, направляя хлеб в Одессу, а деньги — в ближайший комитет.
- ⁷ Вир, Томас (Weir Tomas), английский военный врач, бригадный хирург, полковник, был санитарным врачом Бомбея, входил в Чумной Комитет Бомбея.
- ⁸ Сендхерст, Вильям Менсфилд (William Mansfield, 1st Viscount Sandhurst, 1855–1921), виконт, был губернатором Бомбейского президентства в 1895–1900 гг. Когда началась эпидемия, губернатор Сендхерст пригласил доктора Хавкина для того, чтобы он создал вакцину от чумы, и предоставил ему помещение для лаборатории.
- ⁹ Главный Чумной Комитет Бомбея был образован в марте 1897 г. для борьбы с эпидемией бубонной чумы, которая к тому времени унесла жизни 20 000 человек. В него входили майор В. Ф. Кахузак (секретарь), С. С. Джеймс, П. С. Х. Сноу, бригадный генерал В. Ф. Гатакр (председатель), хирург майор Х. П. Диммок.
- ¹⁰ Гатакр, Вильям Форбс (William Forbes Gatacre, 1843–1906), британский военный, служивший в 1862–1904 гг. в Индии и Африке.
- ¹¹ Йерсен, Александр (Yersin, 1863–1943) швейцарский и французский бактериолог, начал изучать медицину в Лозанне, потом перевёлся в Марбург (Германия). Переехав в Париж, некоторое время работал в лаборатории Л. Пастера, проходил стажировку в Германии у Р. Коха, а потом исследовал дифтерийную палочку и её токсин. В 1890 г. он переехал в Юго-Восточную Азию, в 1894 г. был направлен в Гонконг для изучения эпидемии чумы. Проведённые исследования показали идентичность бактерий, вызывающих заболевание у человека и у крысы. За это он получил крест кавалера

ордена Почетного легиона. После возвращения во Францию он начал исследование чумы и разработку противомаларийной вакцины. В 1894 г. совместно с японцем Китасато Сибасабуро открыл возбудителя чумы — чумную палочку, названную в его честь *Yersinia pestis*. В 1896 г. провел одним из первых испытание противочумной сыворотки в Гуанчжоу. В 1897 г. был направлен в Бомбей для подавления эпидемии чумы. После этого долгое время жил и работал во Вьетнаме, основал медицинский колледж в Ханое. Занимался во Вьетнаме также интродукцией каучуковых деревьев. С 1934 г. — почётный директор Института Пастера в Париже. В 1939 г. стал великим офицером ордена Почётного легиона.

- 12 Хавкин Владимир Аронович (Вальдемар, Маркус-Вольф, Мордехай-Вольф, 1860–1930) родился в семье учителя казенной еврейской школы, до семи лет ходил в хедер (начальная школа), далее он получал образование в русской гимназии. Поступив в Новороссийский университет в Одессе, он выбрал естественные науки, заинтересовался зоологией простейших. В. А. Хавкин всегда отличался блестящими способностями, большим трудолюбием, четкой целенаправленностью. Он стал учеником и помощником И. И. Мечникова. Хавкин вступил в университетский кружок революционеров-народников, за это он был арестован и дважды исключался из университета. В 1884 г. Хавкин окончил университет, но из-за своего вероисповедания не имел возможности вести научные исследования, что и привело его к идее эмигрировать из России. В 1889 г. он стал работать в Пастеровском институте в Париже, занимался созданием сывороток и вакцин. К 1892 г. В. А. Хавкин создал первую эффективную вакцину против холеры, притом опыты на безопасность и по дозировке он проводил на себе самом. Несмотря на то что в России, Англии, Германии и Франции уже началась эпидемия этого заболевания, только Великобритания согласилась на применение его вакцины (тогда ее называли «лимфа Хавкина») в своей колонии — Индии. Приехав в Калькутту в начале 1893 г. уже в качестве государственного бактериолога и наладив производство вакцины, он с бригадой врачей разъезжал по зараженным местностям и лично проводил вакцинацию. В результате среди вакцинированных заболеваемость холерой и смертность от неё сократились в десятки раз. Когда в 1896 г. в Бомбее началась эпидемия чумы, губернатор пригласил Хавкина и предоставил ему помещение для лаборатории. Примерно за 3 месяца интенсивной работы вакцина была готова, и снова сам Хавкин выступил в качестве подопытного: первую прививку он сделал себе и впоследствии организовал вакцинацию населения в Западной и Северо-Западной Индии. В 1897 г. королева Виктория наградила В. А. Хавкина орденом Индийской империи. В 1915 г. В. А. Хавкин вернулся в Европу. В Первую мировую войну он руководил вакцинацией английских солдат, отправлявшихся на фронт. Впоследствии он проникся идеями иудаизма, принимал активное участие в Сионистском движении, написал статью «Апология ортодоксального иудаизма».
- 13 Сероу — сипай, солдат регулярной армии, в отличие от муниципального полицейского.
- 14 По переписи 1891 г. в Бомбее проживало 821764 человека, по переписи 1901 г. — 775 006, т. е. население уменьшилось примерно на 45 000 жителей.

Это самое значительное сокращение населения по городам Индии за это десятилетие.

- 15 Джиджибой Джамсетджи (Sir Jamsetjee Jejeebhoy, 1783–1859), крупный предприниматель и меценат, занимался экспортом хлопка и опиума в Китай, лидер общины парсов.
- 16 Хаким — врач-мусульманин, лечащий больного в соответствии с приемами и методами традиционной мусульманской медицины.
- 17 Коллапс — резкое падение кровяного давления и ухудшение кровоснабжения жизненно важных органов; состояние, угрожающее жизни человека; проявляется резкой слабостью, заостренными чертами лица, бледностью.
- 18 Наперстянка или дигиталис — травянистое растение, из которого получают препарат дигоксин; долгое время он оставался единственным и незаменимым препаратом для лечения хронической сердечной недостаточности; в то же время при передозировке он является опасным ядом.
- 19 Флюктуация — признак скопления жидкости, в данном случае в бубоне.
- 20 Chawl (чоул) — 4–6-этажный многоквартирный дом, с дешевыми квартирами. Такие дома строили в Бомбее для рабочих, занятых главным образом в текстильной промышленности. Вот как описал их А. М. Левин в начале своего Отчета на с. 4–5: «Дома для беднейшего населения, так называемые Chawls, обыкновенно чрезвычайно высоки, в 4–5 и 6 этажей. Вдоль каждого этажа тянется длинный и узкий коридор, большей частью совершенно темный, по обеим сторонам которого открываются двери целого ряда комнат, из коих каждая представляет квартиру и притом сплошь и рядом не одного, а нескольких семейств, причем комната иногда разделяется на углы небольшими перегородками. На одном конце коридора имеется обыкновенно кран для воды и часть пола под ним выложена камнем; тут же обыкновенно помещается и отхожее место. Комнаты большей частью имеют футов по 8 в длину и ширину и столько же в высоту. В такой коробке помещается редко менее 6, большей частью 8 и 10 человек. Сплошь и рядом единственным отверстием комнаты служит дверь, окна имеются далеко не во всех, да и те большую часть дня заткнуты грязными тряпками. Легко себе представить, чем приходится дышать в этих логовищах, лишенных света и воздуха. Отхожие места далеко не достаточны для огромного населения каждого этажа, и потому жители широко пользуются коридором. Здесь же, в коридоре, женщины на ручных мельницах размалывают зерновой хлеб; здесь же громоздятся целые кучи грязного тряпья и разного сору. К этому надо прибавить, что стремление индусов щадить всякое живое существо распространяется и на паразитных насекомых. Среди этого-то населения индусских кварталов и свирепствовала главным образом чумная эпидемия».
- 21 Возможно, в данном случае автор имеет в виду не обычное значение этого слова «старые, пришедшие в негодность вещи; старье», а устаревшее значение — «пожитки, скарб и вообще движимое имущество».

- 22 Крезолы образуют группу ароматических соединений, являются сильно-действующим антисептиком широкого действия. Используются главным образом в виде мыльных растворов для общей дезинфекции.
- 23 Известковое молоко — насыщенный раствор гашёной извести. Применяется для побелки и дезинфекции.
- 24 Хлориновая (хлорная) известь, или хлорка, применяется для отбели, обеззараживания и дезинфекции.
- 25 Namal — слуга в доме.
- 26 Подкрыльцевый — то же, что подмышечный.
- 27 Имеется в виду кизяк — прессованный с примесью соломы коровий навоз.
- 28 Птицы, которые склевывают трупы — это грифы (падальщики), а не коршуны (хищники).
- 29 Септицемия — это сепсис, общее заражение организма болезнетворными микробами, циркулирующими в крови.
- 30 Телеология — философское учение, утверждающее, что естественные или социальные явления можно объяснить не только причинами, но и целями, к которым они направлены; предполагающее наличие в мире объективных целей, целевых зависимостей и целесообразности в целом.
- 31 В это время шли интенсивные поиски лекарства от чумы в области применения сывороток или серотерапии (см. сноску 39), об опытах по лечению чумы сывороткой, привезенной из России, пишет (см. ниже Док. № 2) доктор В. П. Кашкадамов. Работа над созданием противочумной сыворотки продолжалась и после окончания эпидемии чумы в Индии и увенчалась успехом, поскольку хотя в современной медицине основным лекарством против чумы являются антибиотики, но для пассивной профилактики и лечения чумы применяются также противочумные сыворотки, изготавливаемые по методу доктора А. Йерсена.
- 32 В начале раздела автор дал общую характеристику сыворотки Yersin'a и привел истории болезни 23 пациентов, которым она была введена.
- 33 8 (21) декабря 1890 г. был освящен и торжественно открыт Императорский институт экспериментальной медицины. Его попечителем стал принц А. П. Ольденбургский. Институт был создан как «высшее научное медицинское учреждение академического типа», с основной задачей — производить «практическое применение способов борьбы с заболеваниями и последствиями оных», здесь разрабатывались методы диагностики и борьбы с бешенством, холерой, сапом, сифилисом, сибирской язвой, туберкулезом и многими другими заболеваниями. В 1901 г. была создана «Особая лаборатория ИЭМ по заготовлению противочумных препаратов», получившая известность как «Чумной форт» (форт Император Александр I, расположенный на искусственном островке в Финском заливе к югу от острова Котлин). До 1915 г. было произведено свыше миллиона доз сыворотки против чумы, дифтерита, тифа, скарлатины, столбняка.

- ³⁴ 12 марта 1895 г. при Московском университете был открыт первый в России бактериологический институт во главе с одним из основоположников отечественной микробиологии Георгием Норбертовичем Габричевским, современное название — Московский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени Г. Н. Габричевского.
- ³⁵ По-видимому, имеется в виду Грамматчиков Александр Иосифович (1861 — после 1905); окончил Естественное отделение Петербургского университета (1884) и Военно-медицинскую академию (1887), в 1897 г. — младший врач 24-го пехотного полка, в 1905 г. работал в Николаевском военном госпитале.
- ³⁶ Siwri — район в Бомбее.
- ³⁷ Владимиров Александр Александрович (1862–1942), русский и советский иммунолог, доктор медицины и ветеринарный врач, профессор, директор Института экспериментальной медицины, организатор российского здравоохранения во время Первой мировой и Гражданской войн, первых лет Советской власти.
- ³⁸ Амой (другое название Xiamen) — город в Юго-Восточном Китае.
- ³⁹ Серотерапия (от лат. *serum* — сыворотка) — лечение инфекционных болезней человека и животных сыворотками, вид иммунотерапии.
- ⁴⁰ Bysulla — район на юге Бомбея.
- ⁴¹ Вирулентность — степень способности данного штамма микроорганизма или вируса вызывать заболевание или гибель организма.
- ⁴² Пропущена таблица, составленная из вышеприведенного материала.
- ⁴³ Далее следует описание экспериментов доктора А. М. Левина по иммунизации обезьян.
- ⁴⁴ Кашкадамов Василий Павлович (1863–1941), русский и советский врач-эпидемиолог, гигиенист и физиолог.
Соч.: Письма из Индии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898.
Чума в Индии за 1896–1898 гг.: С изложением этиологии, условий распространения и заражения, клинической картины и лечения её. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898.
Отчет о командировке в Индию с 20 февраля 1899 года по 17 июля 1900 года. СПб.: Мед. деп. М-ва вн. дел, 1901.
Краткий очерк индусской медицины. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902.
- ⁴⁵ По-видимому, автор имел в виду управление главного санитарного врача Бомбея.
- ⁴⁶ В XIX в. в России существовало несколько званий и степеней медицинских работников. Низшим было звание «лекарь», позволявшее вести ученую и практическую деятельность; высшими — «доктор медицины» и «доктор хирургии».
- ⁴⁷ Чокси. Насарванджи Ормасджи (Choksy, Nasarvanji Hormasji, 1961–1939), индийский врач, парс. В 1884 г. он первым в выпуске, окончил Grant Medical College (Бомбей). В 1888 г. в эпидемию оспы развернул времен-

ный госпиталь и так организовал там лечение больных, что после окончания эпидемии его поставили во главе Arthur Road Hospital (сейчас это Kasturba Infectious Diseases Hospital). Он последовательно боролся за проведение прививок от оспы. Во время эпидемии чумы он много сделал для разоблачения разного рода знахарей, из-за деятельности которых в госпиталь попадали больные уже в тяжелом состоянии; в 1897 г. сам переболел чумой. В знак признания его заслуг по борьбе с эпидемией англо-индийская администрация присвоила ему звание Khan Bahadur. Он много занимался изучением проказы. Занимал ответственные посты в администрации города, например долгое время был членом Bombay Medical Council, издавал Indian Medico-Chirurgical Review. Чокси боролся за равное положение индийских и британских медиков. В 1929 г. он был возведен в рыцарское звание.

- ⁴⁸ 1) Pestis minor, 2) Pestis ambulans, 3) P. simplex, 4) P. septica, 5) Pneumonia septica, 6) Pestis atypical (лат.) — чума малая, чума амбулаторная, чума простая, чума септическая, пневмония септическая, чума атипичная; в настоящее время принята другая классификация: чума кожная, кожно-бубонная, бубонная генерализованная: септическая, легочная и кишечная.

- ⁴⁹ Высокович Владимир Константинович (1854–1912), русский патологоанатом, бактериолог и эпидемиолог. В 1876 г. окончил медицинский факультет Харьковского университета, с 1895 г. — профессор кафедры патологической анатомии Киевского университета. Основные работы по патологической анатомии сифилиса и туберкулёза, патогенезу, иммунитету и эпидемиологии ряда инфекционных болезней. В своей работе сочетал морфологические и бактериологические методы исследования. Высокович впервые установил пригодность убитых бактерий для вакцинации против сибирской язвы (1889 г.) и чумы (1896 г.), тождество туберкулёза и золотухи (1890 г.). Он принимал участие в экспедициях по борьбе с эпидемиями холеры (1892 г. — Харьков, 1908 г. — Киев) и чумы (1896 г. — Бомбей, Индия; 1902 г. и 1910 г. — Одесса).

Соч.: Предварительное сообщение о результатах, добытых русской экспедицией, командированной для изучения чумы в Бомбее. СПб.: К. Л. Риккер, 1897. 16 с.

- ⁵⁰ Вернер Эраст Львович (1861 —?), врач, окончил курс в 1887 г., на 1897 г. — надворный советник, младший врач 9-го гренадерского полка, проживал во Владимирской губернии.
- ⁵¹ Ост Александр Иванович (1858 —?), врач, окончил курс в 1888 г., на 1897 г. — работал на рыбных и тюленевых промыслах Астрахани, сверхштатный медицинский чиновник медицинского департамента МВД.
- ⁵² Ясенский Феликс Андреевич (1854 — после 1923), врач, в 1879 г. окончил ветеринарное отделение Медико-хирургической академии и поступил на службу в Черниговское земство ветеринарным врачом, в 1882 г. поступил на 3-й курс медицинского факультета Харьковского университета. Окончив его, работал врачом. В 1889 г. сдал экзамен на степень доктора медицины в Военно-медицинской академии в Петербурге. В том же году поступил на службу в Таможенный департамент, где состоял врачом при разных лазаретах Пограничной стражи, в том числе в Туркестане. Два раза был ко-

мандирован в Индию для изучения мер борьбы с азиатской холерой, потом работал на Дальнем Востоке. С 1903 по 1921 г. он — главный врач КВЖД. Весной 1923 г. был награжден президентом Китайской Республики орденом за участие в борьбе с эпидемией чумы 1920–1921 гг.

- ⁵³ Имелся в виду французский генеральный консул, Российская империя не имела еще своих дипломатических представителей в Индии.
- ⁵⁴ Хенкин, Эрнест Хенбёри (Ernest Hanbury Hankin, 1865–1939), английский бактериолог и натуралист, работал главным образом в Индии, изучал малярию, холеру и другие болезни, одним из первых обратил внимание на обилие бактерий в водах Ганга и Джамны и влияние этого на распространение холеры.
- ⁵⁵ Галиотти, Джино (Galeotti Gino, 1867–1921), итальянский врач-патологоанатом, член Национальной академии деи Линчеи — старейшей академии наук Итальянской республики, в 1897 г. вместе с проф. Люстигом был командирован в Индию для поисков новых методов лечения чумы.
- ⁵⁶ Судя по Отчету Бомбейского Чумного Комитета от 1898 г., в это время в Бомбее было три врача с фамилией Шрофф: Чунинал Нагиндас Шрофф (Chunilal Nagindas Shroff), Мороба Хирджи Шрофф (Moroba Hirjee Shroff) и Ферозша Эдулджи Шрофф (Ferozsha Eduljee Shroff). Все они были практикующими врачами, лечили больных, и за каждым был закреплен определенный административный район города.
- ⁵⁷ Доктор Р. С. Нариман (R. S. Nariman) прибыл в Бомбей из Англии в начале октября 1897 г., зоной его ответственности в период эпидемии был административный район В, Umarchadi.
- ⁵⁸ Клемо или Клемоу, Френк Джерард (Frank Gerard Clemow, 1863–1939), английский эпидемиолог и гигиенист, в 1886 г. руководил британским морским госпиталем в Кронштадте; в 1893 г. выпустил монографию «The cholera epidemic of 1892 in the Russian Empire, with notes upon treatment and methods of disinfection in cholera, and a short account of the conference held ... 1892». В *Indian Medical Gazette* за 1898 г. (Окт; 33(10): 363–368) он опубликовал статью «Plague Epidemics in Russia: Some Historical Notes».
- ⁵⁹ Губернатором Панджаба в 1897–1902 гг. был Вилльям Макворт Янг (sir William Mackworth Young 1840–1924).
- ⁶⁰ Доктор Рей (Raye, Colonel Daniel O'Connell), английский врач-хирург, приехал в Индию в 1876 г., работал и преподавал в Калькутте, с 1895–1899 г. — главный врач Калькутты и главный инспектор гражданских медицинских учреждений Панджаба.
- ⁶¹ Мейнард, Герберт Джон (Herbert John Maynard, 1865–1943), чиновник англо-индийской администрации, с 1883 г. на службе в Индии, был советником раджи княжества Манди, в 1896–1899 гг. — секретарь по юридическим вопросам правительства Панджаба; потом служил по налоговому и финансовому ведомству.
- ⁶² James C.H., капитан медицинской службы, заместитель главного санитарного инспектора Панджаба.

Соч.: Report on the outbreak of plague in the Jullundur and Hoshiarpur districts of the Punjab, 1897–98. Lahore: Punjab Government Press, 1898.

- 63 Вигура Александр Флорович (1856 — после 1916), врач-бактериолог, служил в Московском университете и Военно-медицинской академии. В 1905–1911 гг. он занимал должность губернского врачебного инспектора в Саратове, а в 1911–1916 гг. — ту же должность в Житомире.
Соч.: Лимфа Хавкина и другие вещества против чумы у людей, вызывающие невосприимчивость к ней, вырабатываемую самим телом [Сообщено в биол. отделе Общества охранения народного здоровья 13/II-1900]. СПб., 1901.
- 64 Соответственно 30, 41–45 и 65 градусов Цельсия.
- 65 Соответственно 47 и 77,5 градусов Цельсия.
- 66 Люстиг, Алессандро Пьячецци (Alessandro Lustig Piacuzzi, 1857–1937), итальянский врач-бактериолог, иммунолог и патологоанатом.
- 67 Лицо не установлено.
- 68 Город Harshankar: ранее, в письме 8, говорится о городе Harhshankar'e. По-видимому, это один и тот же населенный пункт, но правильное его название установить не удалось.
- 69 По-видимому, имеется в виду Виктор Александр Брюс, 9-й граф Элгин, 13-й граф Кинкардин (Victor Alexander Bruce, 1849–1917), британский государственный деятель, был вице-королем Индии, а также губернатором столичной провинции Бенгалия в 1894–1899 гг., государственный секретарь по делам колоний (1905–1908).
- 70 Симон, Поль-Луи (Simond, 1858–1947), французский врач и биолог. С 1895 г. работал в Институте Пастера в Париже, в лаборатории И. Мечникова. В 1897 г. Институт Пастера перевел Александра Йерсена во Вьетнам, и Симон занял его пост в Бомбее, где он должен был исследовать эффективность иммунной сыворотки против чумы; в Карачи он продемонстрировал, как блохи переносят бактерию чумы от крысы к другой крысе и от крысы к человеку, за что позднее он получил премию Барбье Французской академии медицины. Научное сообщество не сразу признало это открытие, но в конце концов это стало научным фактом. Впоследствии он налаживал вакцинацию в Сайгоне, изучал желтую лихорадку в Бразилии и на Мартинике. В 1911–1913 гг. был директором Бактериологического исследовательского института в Константинополе, в 1917 г. занимался исследованием туберкулеза в Валенсии.
- 71 Неясно, что имел в виду автор: канцелярию вице-короля в Калькутте или India Office (Министерство по делам колоний) в Лондоне.
- 72 Соответственно 47 и 77,5 градусов Цельсия.
- 73 50 градусов Цельсия.
- 74 В 1897 г. на базе Императорского института экспериментальной медицины была создана «Особая комиссия для предупреждения занесения чумной заразы и борьбы с нею в случае её появления в России».
- 75 См. прим. 70.

№ 4

1904 г. — Отчет полковника¹ Генерального штаба Лавра Георгиевича Корнилова² о поездке по северо-западной Индии

Осенью прошлого года³ с высочайшего соизволения я был командирован в Британскую Индию. Инструкцией начальника штаба Туркестанского военного округа⁴ главной целью командировки ставилась рекогносцировка дороги, устраиваемой англичанами из Нушки в Сеистан⁵ и выяснение военного значения этого пути.

В 1902 году наше Министерство иностранных дел пыталось добиться разрешения британского правительства на проезд нашего офицера по указанному пути, но не получило такого разрешения. Не удалась также попытка нашего генерального консула в Бомбее получить разрешение на проезд по Сеистанской дороге капитана Выгорницкого⁶, состоявшего при генеральном консульстве. Ввиду неудачи обеих попыток при командировании меня в Индию было решено, не входя в предварительные сношения с индо-британскими властями, предоставить мне самому озаботиться выбором средств для достижения поставленной цели; причем было признано неудобным, чтобы я ехал под чужой фамилией. В предвидении, что не удастся проехать в Сеистан, мне было приказано осмотреть Пишинский укрепленный лагерь, в случае же неудачи здесь — ограничиться осмотром оборонительной линии Инда.

В начале ноября я выехал из Одессы в Константинополь, где посетил нашего генерального консула П.Г. Па-

нафидина⁷, который во время продолжительной службы своей в Азиатской Турции, Персии и пребывания на Памирах в составе разграничительной комиссии 1895 года приобрел много знакомых среди высокопоставленных офицеров англо-индийской армии и мог дать мне полезные указания относительно выполнения поставленной задачи; он настойчиво советовал мне не скрывать своего военного звания, так как моя фамилия была несколько известна пограничным властям Индии по прежним поездкам моим по Китайскому Туркестану и Персии. Господин Панафидин снабдил меня несколькими письмами, между прочим, к полковнику Jate, агенту генерал-губернатора в Белуджистане. К сожалению, письмами этими не пришлось воспользоваться, так как все адресаты оказались или в отпуску, или на службе в других британских колониях. В Порт-Саиде пришлось пересест на английский почтовый пароход, который оказался ближайшим по времени отхода в Бомбей. На пароходе среди пассажиров оказалось человек 16 английских офицеров, возвращающихся из отпуска в Индию. Среди них нашлось два офицера, служивших в Гильгите, которым, действительно, была знакома моя фамилия, так как в 1899 году я был включен в число офицеров, предназначенных к командированию в Индию через Памиры с согласия индийских властей⁸. Из дальнейших разговоров выяснилось также, что в пограничных районах Индии находятся некоторые из английских офицеров, с которыми я был прежде знаком по Китайскому Туркестану и Персии; наконец, большинство из офицеров, находившихся на пароходе, принадлежало к частям, расположенным на северо-западной границе, почему многих из них я встретил впоследствии при дальнейшей поездке по Индии. Ввиду этих обстоятельств я счел неудобным скрывать своего военного звания.

По прибытии в Бомбей я представился нашему генеральному консулу стат[скому] сов[етнику] Клемму⁹. Мое решение не скрывать своего военного звания было вполне одобрено г. Клеммом¹⁰. По его словам, со времени назначения лорда Китченера главнокомандующим англо-индийской армией¹¹ установлен настолько строгий надзор за всеми иностранцами, путешествующими по Индии, в особенности в пограничных районах, что было слишком мало шансов проскользнуть незаметно, не рискуя большими неприятностями. Входить в сношение с англо-индийскими властями относительно пропуска меня в Сеистан С[татский] с[оветник] Клемм нашел неудобным в виду недавнего отказа на его просьбу относительно капитана Выгорницкого. Поэтому решено было, что я буду путешествовать простым туристом под видом офицера, находящегося в отпуску, и попытаюсь получить разрешение на проезд в Сеистан частным путем через своих знакомых. Так как надежды получить этим путем разрешение было мало, а выехать из Кветты незаметно было очень трудно в виду необходимости сформировать небольшой караван и строгого надзора на границе, то я решил изменить данную программу и заняться изучением индо-британской армии по тем вопросам, на которые было меньше обращено внимания моими предшественниками, не отказываясь в то же время и от выполнения главной задачи командировки, насколько окажется это возможным в зависимости от обстоятельств.

Из Бомбея я в скором времени переехал в г. Пуна (Poona), где почти постоянно живет весь персонал нашего Бомбейского консульства.

Пуна, древняя столица Декана, лежит в 119 милях на ю. — в. от Бомбея по Южно-Маратской дороге (South-Mahratta Railway). Железнодорожный путь, пересекающий крутые скалистые отроги западных Гатов, отличает-

ся крайней сложностью своего рельефа и превосходным устройством. Многочисленные туннели, солидные мосты, переброшенные через овраги, прочная облицовка крутых склонов кряжей, по гребню которых местами проложен путь, все это устроено с обычным у англичан умением преодолевать технические трудности и на широкую ногу. Пуна лежит в красивой гористой местности; благодаря значительному возвышению над уровнем моря и положению города на восточных склонах хребта, во время муссона, когда Бомбей и все побережье изнывают от зноя и сырости, в Пуне стоит умеренная, чисто весенняя погода. На это время сюда переезжает на житье вся высшая администрация Бомбейского президентства и европейская знать Бомбея. Здесь имеет постоянное пребывание командующий войсками Бомбейского округа (Commanding Forces of the Bombay Command*), здесь же расположен штаб округа, все учреждения соответствующие нашим военно-окружным управлениям и гарнизон, численностью до 7 т., кроме того в Пуне расположена лафетная мастерская (carriage factory), а в ближайшем к нему селении Кирки — патронный и кордитный¹² заводы.

В Пуне пришлось пробыть около двух недель. Большинство из начальников частей, расположенных в Пуне, было в кратковременных отпусках по случаю Рождественских праздников. Знакомства с военными завязывались туго, тем более что персонал нашего консульства почти не имел связи с военным миром Пуны ввиду недавней смены гарнизона новыми частями. Кроме того, военные уклонялись от знакомств, видимо, выжидая, как отнесется ко мне их выс-

* Начальники Commands, заменивших по новой организации прежние армии, ближе подходят к нашим командующим войсками округов, так как им подчинены все войсковые части и военные учреждения, расположенные в подведомственном им районе.

шее начальство. Поэтому я решил выждать возвращения в Пуну командующего войсками округа генерал-лейтенанта сэра Гентера¹³, представиться ему и испросить разрешения на поездку в Кветту. Генерал, только что вступивший в командование войсками округа, был в объезде. 30 декабря н.ст. он вернулся в Пуну, а на следующий день я и генеральный консул представились ему в штабе округа.

Генерал сэр Арчибальд Гентер, один из самых молодых генералов индо-британской армии. Ему всего только 47 лет. Блестящая боевая служба в Египте, в Судане и в Южной Африке под начальством лорда Китченера быстро выдвинули его на один из самых видных и ответственных постов в Индии. Он считается самым способным и талантливым из генералов и благодаря своей доступности и простоте обращения пользуется большими симпатиями офицеров. В конце прошлого года ходила молва, что ввиду ухода в отставку фельдмаршала графа Робертса¹⁴, лорд Китченер будет назначен главнокомандующим армии в метрополии, приемником же лорда Китченера в Индии молва называла генерала Гентера. Генерал принял нас в высшей степени любезно, с большой готовностью разрешил ознакомиться с войсками своего округа, разрешил проехать в Кветту, заметив, однако, что подробности моего знакомства с Кветтским районом он предоставляет командующему Кветтским дистриктом генералу Smith-Dorrien¹⁵, в заключении он пригласил нас на парад, назначенный на 1-е января н.ст. по случаю Нового года и годовщины провозглашения покойной королевы Виктории императрицей Индии¹⁶.

В параде приняли участие почти все войска Пунского и Киркинского гарнизонов, а именно: 2-й батальон Гайлендеров (2-nd Bat. Argyll and Southerland Highlanders), 94-й и 120-й пехотные туземные полки, 3-й саперный батальон, 29, 40 и 45-я полевые батареи (Field artillery) и 33-й легкий

кавалерийский полк (33-d Light Cavalry), всего 5 батальонов, 18 полевых орудий и 4 эскадрона**. Войска были выстроены на обширном Parade Ground, на опушке Пунского кантон-мента¹⁷, пехота в одну линию развернутых батальонов, имея на флангах по полевой батарее в боевом порядке; во второй линии — саперы, конница и одна батарея в конном строю. Внешний вид войск был хорош. Красные парадные мундиры и белые каски ланкаширцев, оригинальное национальное одеяние шотландцев (Skill¹⁸), «хаки» туземных полков, темные мундиры артиллерии, красивые темно-синие мундиры и цветные тюрбаны конницы — все это в общем давало очень эффектную картину и, видимо, производило сильное впечатление на туземцев, во множестве собравшихся на площади. Здесь же присутствовали ученики туземных и парсийских школ со своими учителями и воспитателями. Мне говорили, что для школьников присутствие на парадах, смотрах и прочих военных торжествах, наглядно свидетельствующих о силе и могуществе Англии, почти обязательно. При прохождении церемониальным маршем войска выглядели не так блестяще. Первою выходила артиллерия по-батареино, развернутым фронтом без интервалов (in line of batteries at close column). За каждой батареей проходили ее зарядные ящики. Артиллерия считается до некоторой степени привилегированным родом оружия в англо-индийской армии и по своему виду действительно заслуживает права на такое выделение. Отличный подбор людей, великолепный конский состав, стройность движения, полное спокойствие производят самое приятное впечатление. За артиллерией проходила пехота развернутыми двойными ротами (in column of double companies), сначала

* 87-й Пенджабский пех. п. (87-th Punjabi's Rgm.) в параде не участвовал по случаю наряда в караул.

английская, потом туземная, имея впереди туземных полков саперов, которые проходили со своим вьючным инженерным обозом. Из пехотных частей лихо, широким, размашистым шагом прошли Гайлендеры под звуки своих национальных волюнок¹⁹.

В остальных пехотных частях, в туземных в особенности, шаг слишком мал и вял. Но хуже всех выглядела конница. Несмотря на отличный состав людей и весьма удовлетворительный конский состав, все впечатление портилось натянутой посадкой, плохим равнением и суетливостью.

После парада генерал Гентер представил меня командиру 3-го саперного батальона полковнику Onslow, временно исправлявшему должность начальника Пунского дистрикта, и поручил ему ознакомить меня с войсками Пунского и Киркинского гарнизонов.

Ознакомление началось с 3-го батальона Бомбейских саперов и минеров (3-d Bn of Bombay Sappers and Miners), расположенного в селе Кирки, в 5 милях от Пуны.

Инженерные войска индо-британской армии состоят из трех туземных батальонов и морской минной роты, распределенной по главнейшим морским портам Индии (Карачи, Бомбей, Калькутта и Рангун). За отсутствием в армии частей, назначенных для специальных отраслей инженерного дела, индийские саперы и минеры несут при армии службу саперов и минеров, понтонеров, телеграфистов и железнодорожных частей. Все батальоны состоят из 6 саперных рот, роты специалистов и рекрутского депо; кроме того в состав 1-го батальона, расположенного в Пенджабе (штаб-квартира Рурки) входит отделение воздухоплавательного парка и вновь формируемая железнодорожная рота, в состав 2-го Мадрасского батальона — отдельная рота для Бирмы; в состав 3-го Бомбейского — крепостная саперная рота для Адена. Наиболее полная организация придана роте специ-

алистов в первом саперном батальоне, которая состоит из понтонного отделения, конно-пионерского взвода, 4 телеграфных отделений, типографии и литографии. Такую же организацию, за исключением конно-пионеров, имеет рота специалистов в 3-м батальоне Бомбейских саперов. В нем по штату состоит 20 британских офицеров, 33 британских унтер-офицеров, выделенных из состава английской кадровой²⁰ инженерной роты, и 396 туземных нижних чинов разных наименований. Комплектуется батальон рекрутами со всей Индии, не отдавая предпочтения одной какой-нибудь национальности. Из состава батальона две роты находились в командировке: одна в Кветте, другая — в составе экспедиционного отряда в Сомалиленде.

Казармы для туземных солдат того же типа, как вообще для всех туземных полков, но выглядят несколько чище, выше и просторнее. Поблизости от казарм расположены мастерские по разным специальностям службы батальона и цейхгаузы. По приезде моем в батальон полковник Onslow показал мне, прежде всего, инженерный обоз батальона. Для возки шанцевого инструмента, подрывных материалов, фуража и разных материалов при батальоне состоит вьючный обоз в числе 18 мулов на каждую действующую роту. Обоз этот находится в постоянной готовности и выводится на все ученья, смотры и парады. Кроме того имеются специальные перевозочные средства для подъема патронов, телеграфного имущества, понтонного и мостового парка. Весь прочий обоз для перевозки запасов продовольствия, палаток и разного имущества получается батальоном с объявлением мобилизации из соответствующего обозного кадра. Инженерный обоз каждой роты делится на три линии: 1-я линия — шанцевый инструмент, 2-я — подрывные материалы, 3-я — материалы (уголь, железо, дерево), разные запасные части и фураж.

Шанцевый инструмент состоит из лопат и кирок (pick). Кирки одинаковые с принятыми у нас в Туркестане; что касается лопат, то англичане употребляют лопаты со стальными лотками, не с округленным краем лотка, а с острыми срезанными углами. Такой образец удобнее для работы в лессовом грунте. Шанцевый инструмент возится в кеджевах (деревянные клетки, навешиваемые на седла*). На каждого мула полагается вьючить 10 лопат и 10 кирок, причем вес вьюка не должен превосходить 178 английских фунтов²¹.

Подрывные материалы возятся в деревянных ящиках, уголь — в желтых кожаных цилиндрах. Под все роды вьюков принят один тип вьючного седла, описание которого будет приведено ниже.

Затем был показан понтонный парк, разные типы мостов, полевой телеграф, литография, фотографическая мастерская и типы саперных работ.

Казармы батальона расположены на берегу довольно значительной реки Мальва, что дает ему возможность с большим удобством и непрерывно практиковаться в устройстве мостовых переправ и испытывать новые типы мостов. Понтоны приняты трех образцов — полные, полуторные и половинные. Размер почти одинаковый с принятыми у нас. В английских саперных батальонах, расположенных в метрополии, на службе состоят стальные понтоны. В Индии же приняты понтоны с деревянной основой и медной обивкой. Медь предпочитается, как объяснил полковник Onslow, в виду ее легкости, сравнительной дешевизны в стране, возможности иметь на базарах листовую медь и кроме того большой сопротивляемости ее влиянию местной воды. Длина моста, наводимого средствами батальона, 120 ярдов

* В кеджевах в Персии и Афганистане ездят женщины и дети, в них же перевозят разный домашний скраб.

(около 50 сажений²²). Для перевозки понтонов приняты дроги, запрягаемые парой волов.

Мосты на неподвижных устоях не представляют ничего особенного сравнительно с типами, принятыми у нас. Из плавучих устоев кроме бочек употребляются еще железные бидоны из-под русского керосина, доставляемого в Бомбей из Баку. Бидоны связываются попарно деревянными накладками и на них укладываются переводины моста, устойчивость которого вполне достаточна для переправы пехоты.

В литографии батальона заготавливаются, между прочим, отчетные карты и кроки. В фотографии были показаны альбомы, свидетельствующие, что полевые занятия батальона поставлены в высшей степени поучительно и разнообразно. Для практики во взрывах батальон привлекается на работы на вновь строящихся железных дорогах. Занятия по специально железнодорожному делу заключаются в прокладке узко-колейной и полевой (Дековилевского типа²³) железных дорог и в упражнениях с легкими паровозами.

Для саперных работ отведено обширное поле вблизи казарм: здесь испытываются разнообразные типы полевых и временных укреплений.

Из полевых укреплений отметим стрелковый окоп поспешной профили для стрельбы лежа. Ложбинка, вырываемая лежащим стрелком с уклоном к ногам, с небольшим валиком, набросанным спереди, должна, по-видимому, лучше прикрывать стрелка от взоров и выстрелов противника, чем обыкновенный стрелковый окоп; кроме того по мнению английских офицеров, лежащему стрелку при самокапывании под огнем легче работать длинную, пологую ложбину, чем узкий и глубокий ровик. Скорость постройки окопа около 10 минут.

Нормальным типом стрелкового окопа считается окоп для стрельбы с колена. Для обеспечения от продольного

огня в нем располагаются траверсы, короткие между отделениями, длинные между взводами. Грунт в Индии, как и у нас в Туркестане, почти повсеместно лесс, допускающий весьма небольшие заложения, тем не менее, вопрос об одеждах разработан всесторонне: для одежд крутостей употребительны камышовые и тростниковые маты, плетни, фашины²⁴; для осадных батарей приняты туры²⁵ из железных обручей.

В заключение была показана разная стрелковая принадлежность и, между прочим, принятые и испытываемые типы падающих и появляющихся мишеней, заготовка которых для войск лежит на обязанности саперных частей.

Падающих мишеней принято два образца. Первый, рекомендуемый наставлением для стрельбы, представляет лист мягкой стали, укрепленный в деревянном бруске. Мишень падает от удара пули. Второй образец представляет деревянный щит, обитый тонким листовым железом. Мишень поддерживается железной подпоркой, слабо укрепленной в боковом пазу мишени. При ударе пули в мишень, планка, укрепленная в верхней части щита, соскакивает со шпильки, ударяет по подпорке и выталкивает ее из паза. Мишень падает.

Оригинальная появляющаяся мишень предложена полковником Onslow. Мишень представляет четырехугольную полую коробку из листового железа, укрепленную между двумя стойками и уравновешенную с помощью двух приливов А и В. Боковая стенка двух верхних сторон коробки представляет открытые желоба, у концов которых устроены пазухи. Коробка устанавливается под краном от водопровода, бочки с водой или же под желобом от ручья, канавы и пр. Вода, падая на желоб одной из боковых стенок, наполняет пазуху и опрокидывает коробку, вследствие чего под кран подходит другая сторона коробки и т. д. Движением

коробки опускается и поднимается мишень, прикрепленная на стержне к коробке сбоку. Регулируя скорость течения воды наклоном крана, желоба или другим способом, можно регулировать скорость движения мишени. Вся система устанавливается за бруствером, над гребнем которого и появляется мишень. Главным достоинством этого образца мишени следует признать отсутствие необходимости в закрытии людей для управления мишенью и, следовательно, полную гарантию от несчастных случаев. Мишень, раз установленная, будет действовать и притом с желаемой скоростью до конца стрельбы или до тех пор, пока не иссякнет запас воды в резервуаре.

На следующий день по приглашению капитана Фрезера, командира роты в батальоне Пунских стрелков-волонтеров (Poona Volunteer Rifles), я смотрел ученье его роты.

Волонтерные войска созданы в Индии ради самозащиты. Основная цель создания этих войск — дать возможность каждому европейцу быть защитником своей жизни, семьи и достояния на случай восстания местного населения Индии. Грозный урок восстания 1857 г. заставил английское правительство стремиться к увеличению численности волонтерных войск и усилению их боевой подготовки. В отношении численности волонтерных войск усилия правительства увенчались весьма солидным успехом. В настоящее время они представляют корпус войск в составе 394 рот пехоты, 48 эскадронов конницы и 6 полевых батарей, общей численностью до 31 т. человек, в том числе до 30 т. обученных, т. е. прошедших установленный для волонтеров курс строевого и стрелкового обучения. В английской военной прессе достигнутый успех признается настолько значительным, что серьезно обсуждается вопрос о возможности заменить гарнизоны внутри страны волонтерными войсками с целью освободить соответству-

ющее количество полевых войск для действия на передовых театрах Индии.

Не вдаваясь в рассмотрение организации волонтерных войск, которая изложена в труде Генерального штаба полковника Серебренникова*²⁶, я остановлюсь только на их боевой подготовке.

Несмотря на то, что день и час ученья волонтеров, на котором мне пришлось присутствовать, были заранее назначены в приказе по дистрикту и объявлены во всех местных газетах, к назначенному времени на площадке близ Poona Volunteer Club собралось человек 15 волонтеров. Европейцев было только трое, капитан Фрезер, командир роты и два инструктора, сержанты из квартирующих в Пуне английских батальонов; все остальные были евразияне и парсы. Волонтеры были в возрасте от 16 лет до 35; одеты в свои обычные летние костюмы; у некоторых были патронные сумки, у других бандульеры* через плечо. Вооружение — винтовки Мартини-Генри. Ученье началось показом устройства винтовки, затем в течение 10–15 мин. производилась прикладка²⁷; наиболее значительная часть времени была посвящена ружейным приемам, поворотам, ломке фронта и маршировке; последняя производилась с особым старанием. Ученье закончилось рассыпным строем, которым руководил сам командир роты. Почтенный профессор литературы в одном из местных колледжей, капитан Фрезер оказался весьма плохим ротным командиром. Без всякого толка, но с большим усердием он в продолжении по крайней мере 1/2 часа буквально гонял своих волонтеров по обширному Parade ground волонтерного клуба, то рассыпая их в цепь по всевозможным направлениям, то собирая, не известно зачем, снова в кучу.

* Бандульеры — патронташи, носимые через плечо.

В общем, все ученье производило впечатление детской игры в солдатики. То же самое приблизительно приходилось наблюдать и в других городах Индии.

Нельзя отрицать, что система обучения и подготовка волонтерных войск, как она изложена в положениях, хорошо продумана и сообразна с особенными условиями службы этих войск и их назначением; установлены весьма рациональный курс строевого обучения и практической стрельбы, поощрительные премии, награды за стрельбу и за продолжительную службу в волонтерах; установлены учебные сборы вместе с частями полевых войск. Но на практике выполнение этой стройной системы страдает крупными недочетами.

Начать с того, что в составе волонтерных войск англичан сравнительно мало, они занимают преимущественно офицерские и унтер-офицерские должности. Главная масса волонтерных войск состоит из евразийцев и парсов. Желая увеличить численность волонтерных войск, правительство с 1899 года разрешило доступ в волонтерные части парсам. Принятая мера была встречена настолько несочувственно англичанами, что многие из английских волонтеров вышли из частей, не желая служить вместе с парсами. Такой протест объясняется не столько английскою нетерпимостью к туземцам, сколько сознанием, что с допуском в волонтерные войска парсов понизился, так сказать, нравственный уровень этих войск. Парсами, когда они стали добиваться права поступать в волонтеры, руководило не бескорыстное желание принести пользу государству, а сознательный политический расчет; служба в волонтерах открывала им доступ в волонтерные клубы, равняла их с англичанами и открывала им доступ в английское общество, которое прежде было абсолютно закрыто для них.

Отсутствие при зачислении в волонтеры каких-либо определенных требований относительно физического сло-

жения повело к тому, что среди волонтеров, среди парсов в особенности, встречаются люди совершенно слабые, совершенно непригодные к перенесению тягот военной службы, что и выяснилось на прошлогодних Делийских празднествах²⁸. Несмотря на то, что волонтеры принимали участие только в парадах, почти половина состава волонтерного отряда переболела за время пребывания в Дели.

Подготовка волонтерных войск крайне слаба; 20 стрелевых учений, обязательных для получения рекрутом-волонтером звания «efficient» (обученного), проходятся по вышеописанному образцу, причем срок выполнения курса растягивается на неопределенное время, так как никаких сроков положением об обучении волонтеров не установлено. Кроме того, вопреки требованию положения, главное внимание обращено на маршировку, ружейные приемы и построения, менее всего нужные волонтеру, но составляющие гвоздь программы ежегодно производимых инспекторских смотров. Унтер-офицерский и офицерский составы волонтерных частей подготовлены плохо. Помимо того, что предъявляемые к ним требования относительно военных познаний крайне ограничены, отношение к службе волонтерных офицеров далеко не серьезно, и для большинства из них служба в волонтерных войсках является только «amusement»*, как откровенно заявил мне капитан Фрезер.

Говорят, что лорд Китченер, обратив внимание на неудовлетворительную подготовку волонтерных войск, намерен провести ряд мер для ее улучшения. Возможно, что при той энергии и настойчивости, с которыми новый главнокомандующий повел дело улучшения вооруженных сил Индии, ему удастся поставить волонтерные войска на желаемую высоту, а пока эти войска серьезного боевого значения

* Amusement — англ. забава, развлечение (пер. сост.).

не имеют, и в случае серьезных осложнений на северо-западной границе английское правительство по-прежнему принуждено будет считаться с необходимостью держать некоторую часть полевых войск внутри Индии для охраны порядка и спокойствия в собственных владениях.

6-го января н.ст. за мной заехал помощник командира 94-го пехотного туземного полка майор Whittall и повез показывать свой полк. Майор лет девять тому назад прожил несколько месяцев в Москве для изучения русского языка; кое-что он успел уже позабыть, но все еще говорит весьма порядочно. 94-й пехотный полк в прошлом году переформирован из 1-го полка Гайдерабадского контингента. Низам Гайдерабадский²⁹, один из самых крупных владельцев Южной Индии, дольше всех сохранил положение независимого государя. Но с назначением лорда Керзона вице-королем Индии³⁰ англичане настолько энергично повели дело постепенного сокращения значения этого владельца, что окончательное поглощение его владений Англией вопрос близкого будущего. По договору, заключенному 5-го ноября 1902 года, низам уступил Англии за 25 лаков рупий (около 1½ м. руб.) ежегодной ренты, искони принадлежавшую ему область Берар к северу от Гайдерабада, принужден был согласиться на уменьшение численности собственных войск с 19½ т. до 12 и на включение Гайдерабадского контингента в составе Индийской армии. Контингент этот в последние годы своего существования представлял отряд войск в составе 6 пехотных батальонов, 4 кавалерийских полков и 4 пеших полевых батарей. Состоя под начальством английских офицеров и особого английского генерала, он находился в ведении английского резидента³¹ при низаме и по договору не мог быть выведен за пределы Гайдерабада. По заключении нового договора с низамом артиллерийские части, входившие в состав контингента, были расформиро-

ваны, а пехотные полки выведены из пределов Гайдерабада и получили №№ с 94 по 99 по общей нумерации полков туземной армии, установленной в прошлом году.

94-й пехотный (94-th Infantry) полк, с которого началось мое знакомство с туземной пехотой, комплектуется раджпутами (3 роты), деканскими мусульманами (3 роты) и джатами (2 роты). Все три народности дают очень хороший материал для армии, судя по рекрутам, с которых мы начали осмотр полка. Новобранцы под руководством унтер-офицеров и одного туземного офицера занимались полевой гимнастикой. Рослые, коренастые молодцы, преимущественно в возрасте от 19 до 22-х лет, молодые солдаты производили приятное впечатление своим видом и той охотой, с которой они относились к занятиям. На гимнастику новобранцы были выведены в своих домашних костюмах — белых рубашках, штанах, тубетейках и босиком.

Курс обучения молодых солдат в туземных полках установлен в 8 месяцев, причем начинается он примерно с середины декабря, к этому времени приурочен и прием наибольшей массы рекрут. Первые четыре недели посвящаются исключительно маршировке, поворотам и гимнастике. Среди английских офицеров уже раздаются голоса в пользу изменения установленного порядка; по их мнению, принятый срок слишком велик, слишком много внимания уделяется тонкостям строя и ружейным приемам; высказывается мнение, что туземцы настолько быстро и легко осваиваются с солдатской наукой, что для них совершенно достаточно 6-ти, даже 4-х месячного первоначального обучения, но только необходимо выделить сущность подготовки и с первых же шагов молодого солдата дать ему ружье. Вероятно, принятый порядок обучения будет изменен.

Дальше был показан солдат в полном походном снаряжении и в «хаки», походной форме, принятой в настоящее

время для всех войсковых частей индо-британской армии за исключением туземной кавалерии. «Хаки» — легкая бумажная материя светло-кофейного или песочного цвета³², гладкая или саржевая. Из этой материи шьется мундир солдата в виде просторной рубашки со сборками сзади с низким стоячим воротником. На плечах погоны из той же материи с накладными цифрами № полка; шаровары и чалма делаются из той же материи. На ногах кожаные башмаки на толстой подошве, от колена до щиколотки нога обвивается бумажной лентой, также цвета «хаки». У унтер-офицеров отличием служат нашивки из узкого золотого басона³³ на рукаве; у офицеров — звездочки или коронки (соответственно чину) на погонах. В английских частях всех родов оружия и у английских офицеров в туземных пехотных полках головным убором служит пробковая каска (helmet), обтянутая материей цвета «хаки».

Введением формы «хаки» вопрос об обмундировании разрешен в индо-британской армии вполне удовлетворительно во всех отношениях: «хаки» — легко, дешево*, отлично моется, достаточно изящно, а, главное, цвет его удивительно хорошо согласован с окраской ландшафта, преобладающей в Индии и прилегающих странах, будущих театрах действий индо-британской армии. Затем в обмундировании офицеров и нижних чинов нет никаких резких отличий, заметных издали.

Снаряжение пехотинца состоит из полотняного мешка цвета хаки, в который укладываются разные мелкие солдатские вещи, широкого кожаного пояса, нагрудного патронташа (bandolier), трех подсумков, носимых на поясе, и одеяла, которое носится за плечами свернутым валиком. Все кожаные вещи выделаны из прожированной желтой английской

* Офицерский мундир стоит не дороже 15 рупий, около 10 рублей.

кожи, принимающей от действия солнечных лучей цвет, близкий к хаки. Все снаряжение, сравнительно с нашим, отличается незначительным весом, но достигнуто это, как увидим ниже, непомерным увеличением обоза.

Бандульеры — новинка, введенная в снаряжение пехоты лордом Китченером. В бандульере помещается 70 патронов; в двух боковых патронных сумках помещается 40 патронов, а в задней — 30, назначенных для последней стрелковой позиции; таким образом, солдат несет на себе 140 патронов. Большинство офицеров высказывается против бандульеров, так как при полном комплекте патронов он производит сильное давление на грудную клетку, что особенно заметно у туземных солдат.

После гимнастики молодые солдаты после короткого отдыха были выведены на прикладку и наводку. Занятиями руководили туземные офицеры. Одно отделение стояло у станков и занималось наводкой в мишень с черным яблоком (bull's eye), установленную шагах в 400 от станков. Учебных патронов при обучении стрельбе не употребляют. Учебных винтовок также нет; занимаются с винтовками, состоящими на вооружении. Вообще в отношении учебной стрелковой принадлежности замечается крайняя бедность, и английские офицеры жалуются на недостаток ее. Станок для наводки оказался нашей системы*, несколько устаревшей и почти выведенной из употребления в наших войсках.

Остальные отделения стояли в затылок друг к другу впереди станков и занимались прикладкой в ту же мишень в разных положениях; ближайшие к станкам стоя, дальше с колена, сидя на земле по-туземному и, наконец, ближайшие к мишени лежа. Благодаря удачному выбору местности (сильный уклон от станков к мишени), можно было вести

* Построен по описанию, помещенному в Военном сборнике.

занятия всеми отделениями одновременно, переходя последовательно от одного упражнения к другому. Стрельба производилась залпами по свистку отделенного командира, причем после каждого залпа люди, оставляя винтовку отвесно, без команды пригибались к земле, как бы прячась, за насыпь; таким образом, люди машинально усваивают привычку пользоваться закрытиями. Обход полка закончился осмотром казарм. Казармы (native lines) туземных войск располагаются длинными линиями, откуда и название казарменного расположения.

Казармы, каждая на 1 роту, представляют длинные, но узкие и сравнительно невысокие здания, разделенные на отдельные каморки. В каждой комнате помещается 4 человека. Для холостых офицеров полагается по 2 комнаты. В общем, как помещения нижних чинов, так и офицеров не отличаются удобствами и показывают мало заботливости о солдатах. Помещения низки, тесны, плохо освещены и в дождливую погоду должны быть сыры. Джигитские помещения при наших отрядах и постах в Туркестане отличаются несравненно большим удобством и комфортом, даже в сравнении с офицерскими помещениями индийской армии. Некоторые командиры частей, искренне заботясь о своих нижних чинах, желали бы улучшить их быт, но не в состоянии ничего сделать в силу ограниченности средств, отпускаемых на постройку и ремонт казарм для туземных войск. Большинство же английских офицеров придерживается мнения, что никаких улучшений обстановки сипая на службе не требуется, т. к. в своем домашнем быту он обставлен несравненно хуже.

Из 94-го полка мы перешли во 2-й батальон Гайлендеров. Резкая разница в обстановке туземных и английских войсках сразу бросается в глаза. Насколько сипаи обставлены скромно и даже плохо, настолько роскошно обставлены

английские солдаты в Индии. Роскошь эта вполне объясняется существующей системой комплектования, необходимостью скрасить чем-нибудь жизнь солдата, совершенно лишенного возможности пользоваться какими-нибудь развлечениями вне казарм и, наконец, климатическими условиями Индии. Я не буду останавливаться на устройстве казарм, описанных в трудах моих предшественников; отмечу только меры, которые принимаются при устройстве казарм и их расположении для уменьшения болезненности в войсках и, между прочим, малярии. Прежде всего, тщательно избегают скучивания: казармы располагаются широко, с большими промежутками друг от друга. Строятся они двухэтажными или одноэтажными, но, во всяком случае, жилые помещения располагаются на значительной высоте над местным горизонтом.

Помещения высоки, просторны и светлы: крыши двускатные из гофрированного железа, окрашенного в сероватый цвет, плоских потолков в казармах не делают для выигрыша в пространстве. Полы преимущественно асфальтовые; для уменьшения накаливания вокруг казармы располагают крытые террасы. В нижнем этаже устраиваются обыкновенно солдатские буфеты (canteen), бильярды, склады запасов или мастерские, причем они хорошо освещаются и тщательно проветриваются; тщательно избегают устройства под жилыми помещениями темных неотапливаемых и плохо вентилируемых подвалов. Избегают также густых древесных посадок подле казарм; предпочитают цветники, кустарниковые породы или же деревья с малыми кронами. Поливка их производится из водопроводных труб в определенное время, причем строго наблюдается, чтобы не оставалось лужиц. Отхожие места устраиваются с выгребными ящиками с обязательной засыпкой землей. Помещения для туземных слуг (поваров, метельщиков, водоносов и пр.),

а также конюшни для мулов и лошадей располагаются по-отдаль, вне черты казарменного расположения батальона.

Обходя помещения батальона вместе с командиром его, полковником Paterson, я невольно обратил внимание на порядок и подтянутость части во всех отношениях, что далеко не приходилось наблюдать в других английских частях, а в особенности в туземных. Хотя занятия уже закончились, но все офицеры были на своих местах, в многочисленных мастерских батальона, швальнях³⁴, сапожных, содовой, оружейной — шла деятельная работа: в складах и аммуничниках, которые показал мне командир батальона, наблюдались полный порядок и чистота. Батальон недавно перешел из Калькутты, где, находясь постоянно на глазах у строгого главнокомандующего, он, по словам офицеров, должен был сильно подтянуться.

В этот же день вечером мне удалось побывать в 33-м кавалерийском полку (33-d Light Cavalry), бывшем 3-м Бомбейской кавалерии. Послеобеденных занятий со старослужащими обыкновенно не производится; шло обучение молодых солдат верховой езде под руководством полкового адъютанта. Без амуниции и снаряжения с одними шашками новобранцы брали на собранном галопе небольшой барьер и тут же попутно производили рубку, сшибали шашками деревянный шар, укрепленный на прутике. Рядом, в открытом манеже производилось обучение лошадей прыжкам через препятствия. Манеж — прямоугольник длиною шагов 200, шириною до 30, обнесенный колючим тыном; колючая изгородь разделяет его по длине на две половины. По обеим сторонам перегородки установлены препятствия — изгороди, барьеры, банкеты³⁵, рвы и пр. Лошади по 4–5 впускаются в манеж, настегиваются и пускаются на препятствия. Некоторые идут охотно и спокойным ровным галопом берут все препятствия; большинство же слишком

волнуется, закидывается на препятствиях и пытается вернуться: для противодействия этому в манеже местами стоят люди с кнутами. По словам английского офицера, описанный способ дает хорошие результаты, с чем вряд ли можно согласиться, тем более, что применения его в других полках армии мне не приходилось встречать и думается, что в 33-м полку он введен по инициативе командира полка. Несравненно лучшее впечатление производила скачка через те же препятствия тех же лошадей под всадниками. Один из унтер-офицеров лихо взял все препятствия, не дотрагиваясь до повода и управляя конем одними шенкелями. Вообще скачка, джигитовка, езда стоя, все это поставлено в полку превосходно. Полк комплектуется преимущественно уроженцами Западной Раджпутаны (западные раджпуты, каимхани³⁶, раджпуты-мусульмане), потомками древней индусской военной касты. Рубка поставлена несравненно слабее: она производится на слишком вялом аллюре, то же можно сказать и относительно недавно введенного упражнения (*new cavalry game*) — бой с пехотинцем. Всадник описывает на галопе, постепенно суживая, круги вокруг чучела, изображающего пехотинца, вооруженного ружьем, затем бросается на него и наносит удар или укол. Конский состав в полку очень хорош, гораздо лучше, чем в полках, расположенных на северо-западной границе. Лошади преимущественно австралийской породы, но есть даже среди солдатских лошадей арабы. Объясняется это тем, что полк с давних пор квартирует в пределах Бомбейского президентства, сравнительно близко от порта, куда поступает главная масса лошадей, ввозимых в Индию, и мог сравнительно по сходной цене приобретать лучших лошадей. Содержатся лошади отлично; просторные конюшни, крытые гофрированным железом, не имеют передней стены; лошади размещены очень просторно; корм лошадей в жаркое

время — дробленый горох и люцерна; в холодное — к гороху примешивается ячмень в небольшом количестве*. 26 декабря я, по приглашению полковника Paterson'a, присутствовал на двустороннем тактическом учении его батальона. По приезде моем в батальон батальонный адъютант передал мне диспозиции по отрядам. Маневр был назначен в 6-ти милях от Пуны, в окрестностях селения Хандва. Батальон был разделен на два отряда: отряд «А» в составе роты и двух пулеметов Максима; отряд «В» — остальные 7 рот батальона. Согласно общего задания для маневра (*general idea*) сильный разведочный отряд (отряд «А»), высланный южным (мнимым) отрядом, продвинулся вперед с целью произвести разведку Пуны; он принужден отступать под натиском более сильного отряда «В», высланного против него из состава Пунского гарнизона. В развитие этого общего задания были даны частные задания обоим отрядам. Отсюда «В» должен был прогнать противника или попытаться захватить его; начальник же «А», ввиду превосходных сил противника, решил отходить, задержавшись на позиции только до тех пор, пока обоз его не перевалит через горы за сел. Хандва. Отряд «А» выступил часов в 7 утра. Часом позже выступил и отряд «В». Впереди шел головной отряд в составе отделения; за ним роты в порядке №№ в колонне по отделениям, имея в голове хор волынщиков, а за первыми двумя ротами — хор духовой музыки. За батальоном кули тащили крытые носилки (*dandis*) для больных, заменяющие наши санитарные фургоны. Командир батальона, адъютант и помощник командира батальона, командовавший отря-

* Только в одном 33-м полку мне пришлось видеть особый способ клеймения лошадей: на копыте правой передней ноги спереди выжигается № полка и последние две цифры года поступления лошади на службу: на копыте левой передней — № всадника по эскадронному списку и буква эскадрона. Эскадроны в кавалерийских полках не нумеруются, а носят названия по четырем первым буквам алфавита.

дом «В», были верхом, все остальные офицеры, не исключая и ротных командиров, шли пешком. День был жаркий, но, не смотря на это, шли хорошим, размашистым шагом. Местность в ближайших окрестностях Пуны сильно пересеченная, весьма поучительная в военном отношении. Но командир батальона говорил мне, что поблизости от города расположено много могил, чтимых туземцами, поэтому во избежание недоразумений с ними гражданская администрация строго воспрещает войскам производить здесь маневры и стрельбу. Даже для небольших тактических учений войскам приходится ходить довольно далеко от Пуны. Маневр 26 декабря был назначен, как сказано выше, в 6 милях от города. Не доходя с версту до сел. Хандва, отряд «В» остановился и свернулся в резервную колонну. Начальник отряда, вызвав офицеров, прочел им задание и, объяснив свои предложения, отдал приказание выслать патрули (scouts)*. От каждой роты было выслано по 6 человек, которые, разомкнувшись шагов на 15, редкой цепью бегом продвинулись вперед, прикрываясь складками местности. С ними пошло несколько сигналистов с флагами. Вслед за тем от 4 головных рот была выслана редкая стрелковая цепь, которая стала продвигаться за патрулями. Очевидно, было ранее установлено, что маневр разыграется у сел. Хандва, где имелась позиция, очень удобная для обороны небольшим отрядом. Но оказалось, что противник ее не занял. Произошло маленькое замешательство. Командир батальона поехал к обороняющемуся, чтобы поправить его, а начальник отряда «В», немного смущенный тем, что развернул свой отряд неизвестно против кого, объявил, что он решил на-

* Англичане выработали очень практичный способ печатания карт, выдаваемых в войска для полевых занятий. Карты печатаются без иллюминировки³⁷, неровности в горизонталях, на тонком полотне, пропитанном особым составом, предохраняющим ее от намокания: карту можно мять как угодно, причем благодаря мягкости ткани чертеж нисколько не портится.

ступать. Отряд двинулся вперед в боевом порядке. Пройдя сел. Хандва четыре головных роты рассыпали новую, уже 3-ю цепь. Остальные 3 роты составили резерв, который двинулся вперед колонной по отделениям, имея между ротами дистанцию шагов до 50, очевидно, во избежание потерь от огня, хотя в данном случае такая осторожность ничем не вызывалась: огня противник еще не открывал, а местность вполне прикрывала движение резерва. Противник занял позицию примерно в версте от селения на небольшом скалистом кряже, имея на флангах стрелковой цепи по одному пулемету и занимая 2–3 звеньями впереди лежащие кусты и высоту. Пунский отряд, растянувшись версты на 1½, стал охватывать противника с обоих флангов, направив свои резервы за правым флангом с целью отрезать ему путь отступления в горы. Я переехал на позицию обороняющегося.

Наступление Пунского отряда шло длинными редкими цепями, наступавшими одна за другой. С открытием огня обороняющимися с расстояния примерно 2000 шагов патрульная цепь приостановилась, в нее влилась 1-я стрелковая, далее с постепенным движением вливались в линию огня следующие цепи. С вступлением в сферу действительного огня (около 1500–1600 ш.) начались перебежки от закрытия к закрытию небольшими кучками и даже отдельными людьми. Заняв последний гребень шагах в 600 от позиции обороняющегося, противник открыл сильный магазинный огонь. Удара в штыки не последовало. Руководитель маневра объявил, что обороняющийся понес большие потери, в пулеметном взводе выбыли мулы под пулеметами и половина прислуги; начальник обороняющегося отряда приказал отступать. Командир пулеметного взвода быстро заменил убывшую прислугу людьми из прикрытия, ящичные мулы были поданы под пулеметы и взвод, быстро взяв на выюки, рысью снялся с позиции. За ним бегом стала отходить и рота, отдельными

кучками, отстреливаясь на ходу из-за попутных прикритий. Атакующий, заняв позицию противника, преследовал его магазинным огнем, пока не был подаан отбой. После маневра отряд свернулся в резервную колонну и затем, после небольшого отдыха, вернулся в казармы.

В этом небольшом маневре резко выступают основные приемы тактики английской пехоты, установленные, главным образом, по опыту последней войны с бурами и на основании глубокого убеждения в силе огня. Боевой порядок расчленен до крайности и по фронту, и в глубину, что, способствуя уменьшению потерь, подвергает в то же время опасности прорыва. Ясно выступает стремление к охватам. Удар в штыки признается явлением исключительным, поэтому войска идут в бой с отомкнутыми штыками. Огню придается преобладающее решающее значение. Мысль эта подчеркивается и в уставе полевой службы, где сказано: «Значение огня возросло в высшей степени для всех трех родов оружия. Артиллерия — исключительно, пехота — почти, конница — в очень сильной степени пользуются огнем, чтобы одолеть противника. Все движения на поле сражения имеют конечную целью развить огонь в более сильной степени и направить его более действенным образом, чем противник; и хотя штык все еще играет важную роль, превосходство огня — вот, что решает исход боевых столкновений». Для уменьшения потерь от огня войскам, даже при занятиях на ровных плацах, механически прививается привычка пользоваться местными закрытиями и в этом отношении достигнуты крупные результаты. Только на дальних дистанциях наступление ведется непрерывными цепями, в сфере действительного огня наступление идет небольшими кучками от закрытия к закрытию. Для управления растянутым боевым порядком наиболее действительным средством признается сигнализация флагами,

которая в войсках, по крайней мере, в частях пехоты, поставлена хорошо.

На этом же маневре пришлось убедиться в целесообразности формы «хаки». С позиции обороняющегося наступление атакующего можно было заметить только при перебежках, да и то фигуры стрелков вырисовывались резко только тогда, когда они проектировались на темной зелени манговых рощ; залегшие же цепи отличить было весьма трудно — так хорошо подходили они под цвет сухой травы и желтоватых камней.

Этим маневром закончилось мое ознакомление с войсками Пунского гарнизона. В тот же день я уехал в Бомбей. У меня было рекомендательное письмо от нашего генерального консула к генералу Willcocks³⁸, начальнику Бомбейского дистрикта. Генерал обещал дать мне рекомендательные письма к начальникам гарнизонов в Дели, Лагоре, Раваль-пинди и Пешавере: письма эти генерал обещал послать по почте, но, к сожалению, по рассеянности или же по другим соображениям выполнил свое обещание не вполне: не послал писем в Раваль-пинди и Пешавере, что чуть было не поставило меня впоследствии в неловкое положение, не будь у меня письма самого генерала, которым он уведомлял меня об отправке писем, и не запасись я рекомендательными письмами от других лиц.

29 января я уехал из Бомбея по Великой полуостровной железной дороге³⁹ в Агру. У меня было рекомендательное письмо к генералу Richardson'y, начальнику Бунделькундского дистрикта. Но генерал получил в это время другое назначение и уже выехал из Агры; поэтому я не стал здесь задерживаться, а, осмотрев Агрский форт, уехал через Канпур в Лукнов.

Агрский форт расположен на правом берегу Джумны близ крутой излучины реки. В плане форт представляет не-

правильный многоугольник; массивные стены форта и передняя анвелоп⁴⁰ его выложена из жженого кирпича, облицованного камнем. Благодаря значительной высоте стен и многоярусному огню форт может оказать упорное сопротивление противнику, не имеющему при себе артиллерии большого калибра; внутреннее пространство укрепления занято дворцами, мечетями и различными складами. Будучи расположен у вершины крутой излучины Джумны, форт отлично обеспечивает железнодорожный и понтонный мосты через реку, расположенные в сфере близкого артиллерийского и ружейного огня с верков⁴¹.

Лукнов* интересен как образчик города, укрепленного на случай восстания местного населения. Во время восстания сипаев Лукнов был одним из главнейших центров восстания, где к восставшим войскам примкнуло и местное население. Английскому гарнизону пришлось выдерживать в Лукнове весьма жестокую осаду, и восстановление порядка потребовало значительного напряжения английских сил. С тех пор население Ауда, главным городом которого является Лукнов, не пользуется доверием англичан и поэтому в пределах провинции и в частности в Лукнове содержится значительное количество войск, а для обеспечения английского населения Лукнова, значительных складов, сосредоточенных здесь, и железнодорожных сооружений Лукновский кантонмент укреплен. Лукновский кантонмент (военный городок) расположен вне туземного города, отделяясь от него широким и глубоким оврагом (наводняемым). Укрепления кантонмента расположены на его северо-западной окраине, вокруг железнодорожной станции.

Они состоят из 4-х редутов, за №№ 1–4. Редут № 1 представляет почти правильный шестиугольник, обнесенный

* Правильно Лякноу — так произносят англичане и образованные туземцы; простой народ переставляет слоги и произносит «Наклау».

кирпичной стеной с бойницами и выступными барбетами⁴². Вокруг укрепления глубокий ров, прикрытый гласисом⁴³. Редут № 2 — квадратного начертания, в остальном его устройстве одинаков с предыдущим. Оба редута, расположенные к стороне туземного города, отделены от него эспланадой⁴⁴ — не менее 1000 шагов ширины. Внутри редут-ов расположены двухэтажные казармы, приспособленные к обороне. Редуты заняты постоянно небольшими отрядами британской пехоты при пулеметах.

Редуты №№ 3 и 4 по начертанию почти квадраты с выступными фланкирующими постройками; оборонительная стенка их значительно ниже, рвов нет. Редуты эти предназначены для запасов, преимущественно интендантских, и заняты туземными войсками. На площади, охваченной редутами, расположены обширная железнодорожная станция, водоподъемная башня, обе приспособленные к обороне, склад железнодорожных материалов, мастерская, интендантский и продовольственный склады, военная бойня, хлебопекарня и, наконец, обширный пруд, обнесенный валом и железными рогатками. В ближайших к укреплениям казармах расположены английские части: пехота, артиллерия, кавалерия и госпитали, а на более отдаленной окраине — казармы туземных полков.

Разыскивая в Лукнове своего спутника по пароходу доктора Роша, я зашел в офицерскую столовую врачей Лукновского гарнизона (Officers' Mess of Medical Corps) и познакомился с несколькими военными врачами. Один из них, майор МакКлелан, узнав, что я интересуюсь бытом индо-британской армии, предложил мне осмотреть местный военный госпиталь и познакомил меня со старшим врачом гарнизона (Senior Medical Officer) подполковником Моффит, который на другой день любезно показал мне обстановку британского военного госпиталя. В Лукнове расположены два отделения местного британского госпиталя и одно от-

деление госпиталя для туземных войск. Здесь расположено имущество 9-ой роты госпитальных войск (Army Hospital Corps), которая с объявлением мобилизации развертывается в 4 полевых госпиталя, причем кадры их выделяются из состава местного госпиталя.

Лукновский местный госпиталь (Station Hospital) занимает обширное и прекрасное помещение, с одной стороны к нему примыкает обширный сад, с другой — обширный плац, по другую сторону которого расположен флигель для легко больных и выздоравливающих. Медицинский состав госпиталя — доктора, фармацевты, сестры милосердия и высший хозяйственный персонал — евразийцы, а низший служительский персонал — туземцы. В госпитале одно офицерское отделение; сержанты и унтер-офицеры помещаются отдельно от рядовых. Среди больных преобладают с желудочными заболеваниями (дизентерия, гастрит) и перемежающимися лихорадками. Большинство больных — амбулаторных, которые пользуются также в госпитале, так как в британских войсках нет околodков^{45*}. Больные из го-

* Относительно заболеваний и смертности в индо-британской армии за трехлетие, 1899–1901 гг., в Statistical Abstract relating to British India имеются следующие данные:

	Английская армия	Туземная армия
На 1000 чел. среднего списочного состава		
Поступило в госпитали		
1899	1149	705
1900	1143	785
1901	1104	852
Состояло		
1899	73	27
1900	72	30
1901	67	32
Умерло		
1899	12,75	10,7
1900	14,62	14,02
1901	12,38	12,22
Уволено по неспособности		
1899	31,64	Сведений нет
1900	33	Сведений нет
1901	39	Сведений нет

спиталей отправляются преимущественно на санитарные станции, большая часть которых расположена в подгорной полосе Северной Индии или же эвакуируются в Англию, причем срочная эвакуация производится в зимние месяцы по особым расписаниям. Больные грудными болезнями эвакуируются вне сроков на ближайших по времени отхода пароходах. Незадолго до приезда моего в Лукнов в черте английского кантонмента среди туземных войск и в кварталах туземной прислуги европейцев обнаружилось несколько случаев чумы, с давних пор уже не прекращавшейся среди населения туземного города. Все туземные полки были немедленно выведены из казарм и расположились на казарменных плацах в палаточных лагерях, а казармы были подвергнуты тщательному проветриванию и дезинфекции. Этим и исчерпывались все мероприятия по прекращению заразы в войсках. Занятия войск шли обычным порядком.

В кварталах прислуги, где показалась чума, жителям было предложено добровольно оставить свои дома и поселиться в палатках и шалашах тут же поблизости. В тех саклях, где были чумные случаи, потолки были вскрыты с целью лучше проветрить помещения и подвергнуть их действию солнца. Больные и подозрительные были сосредоточены в особые лагеря, расположенные также в черте кантонмента; больные жили здесь же в легких камышовых бараках под наблюдением фельдшера; ежедневно их посещал врач. Изоляция чумных лагерей заключалась в том, что бараки были оцеплены колючей проволокой, а у единственного входа стоял полицейский пост. По словам майора Ньюнема (Newnhem)*, военного полицеймейстера Лукновского кантонмента, ко-

* Майор Newnhem, занимающий должность Cantonment Magistrate — военного судьи и полицеймейстера, женат на русской, уроженке Москвы. Узнав о моем приезде в Лукнов, он сам приехал познакомиться со мной и любезно предложил свои услуги по ознакомлению с Лукновом.

торый показывал мне чумные лагеря, англичане по опыту убедились, что чистый воздух и солнечные лучи лучшее средство для пресечения чумной эпидемии. Они стараются избегать всяких экстренных, а в особенности насильственных мер, как-нибудь нарушающих обычный строй жизни туземца Индии, находя, что такие меры способны вызвать панику населения и послужить причиной еще большего усиления эпидемии. Но в то же время майор должен был признать, что мероприятия в более широком масштабе для борьбы с чумой совершенно немыслимы по недостатку медицинского персонала, в туземных городах в особенности, а главное, по недостатку средств, так как суммы, отпускаемые на борьбу с чумой правительством, совершенно ничтожны.

Следующая остановка моя была в Дели. В первый же день по приезде сюда я осмотрел Делийский форт. Он составляет цитадель туземного города, обнесенного каменной стеной, уже не поддерживаемой и местами обвалившейся. Форт, имеющий вид неправильного четырехугольника, северным и восточным фронтами примыкает к Джумне, а вдоль южного и западного его фасов имеется широкая эспланада, устроенная после восстания 1857 года и отделяющая его от построек туземного города. По профили форт Дели несколько напоминает верки Агрского форта: те же массивные кирпичные стены с каменной облицовкой и многоярусный огонь; ров наводняем. Делийский форт прикрывает железнодорожный мост через Джумну, но и помимо этого англичане, помня роль его в восстании 1857 года и оценивая его значение в глазах местного населения, как резиденции последних властителей империи Моголов, придают ему несколько большее значение, чем другим старым укреплениям внутри Индии. Форт постоянно занят небольшим отрядом британской пехоты и ротой крепостной артиллерии, а вне

форта, но внутри ограды туземного города, расположен 28-й пехотный туземный полк.

На другой день я заехал представиться начальнику Делийского гарнизона полковнику Muir, который сообщил мне, что он получил письмо от генерала Willcocks'a и рад предоставить мне возможность познакомиться с индийскими войсками. Он тут же поручил начальнику своего штаба, генерального штаба капитану Юлиусу, познакомить меня с командиром 28-го полка. Полковник Muir прослужил в рядах туземной кавалерии более сорока лет и, несмотря на свой преклонный возраст, все еще сохранил живость и лихость типичного кавалериста и спортсмена, до сих пор участвуя наравне с молодыми офицерами в поло и охотах на кабанов с дротиками. Участие полковника почти во всех экспедициях и масса боевых отличий не избавили его от участи, которой подверглось много воинов старого закала с назначением лорда Китченера главнокомандующим армией. В нынешнем году полковник выходит в отставку и навсегда покидает Индию.

На следующий день подполковник Филиппс, командир 28-го пех. Пенджабского полка, пригласил меня посмотреть свой полк. Полк был выстроен в ротной развернутой колонне (развернутые роты в затылок друг другу). Полк комплектуется сейками⁴⁶, дограми⁴⁷, пенджабскими мусульманами и каттаками, афганским племенем, населяющим горы в треугольнике Банну — Когат — Пешавер. Народ — рослый, видный и красивый, особенно сейки и каттаки; главная масса людей в возрасте от 25 до 30, но попадались совсем юные, не старше 18 лет, а наряду с ними седые ветераны, прослужившие 20–25 слишком лет.

После обхода было произведено небольшое уставное учение. Впечатление сильно портится несколько натянутым видом, пристукиванием ногами и прикладами при поворо-

тах. Вообще видно, что строевым обучением заведуют не английские офицеры, а туземные, которые ничем не лучше заурядных унтер-офицеров; недостаток в офицерах сказывается сильно. Из 12 английских офицеров, состоящих в полку по списку, на лицо было только 2 командира двойных рот (*double company commanders*) и три младших, включая адъютанта: остальные были в продолжительных отпусках, в командировках, в гарнизонных классах, в составе Сомалийской⁴⁸ и Тибетской экспедиции⁴⁹. После ученья командир полка вызвал и представил мне туземных офицеров. Среди них оказался только один, произведенный в офицеры четыре года тому назад; остальные уже прослужили от 19 до 28 лет, причем до чина джамадара (подпоручика) в среднем не менее 15 лет. Старший из офицеров, субадар-майор Каландар-хан, родом афганец, начал службу в 1872 г. простым музыкантом и, постепенно повышаясь в званиях и чинах, путем 32-летней боевой службы достиг высшего положения, дальше которого туземный офицер уже не может идти. Другой офицер служит в полку с 75 года; несмотря на слабость его здоровья, дряхлость и глухоту, его держат в полку за заслуги его отца, который, служа в этом же полку офицером, остался верен во время восстания 1857 г., когда полк взбунтовался в числе первых и после подавления восстания был распущен и набран вновь. Туземные офицеры расспрашивали меня (разговор шел по-персидски), есть ли в нашей армии офицеры из азиатских народностей и были поражены, узнав, что у нас даже на высших постах есть офицеры, азиаты по происхождению и магометане. Дальнейшей беседе на эту тему помешал подполковник Филиппс, предложивший мне осмотреть казармы.

Последние несколько лучше, чем в Пуне, но очень ветхи. Командир полка говорил, что, придя в Дели, он нашел казармы в таком положении, что в них совсем нельзя было поме-

стить солдат. На ремонт казарм ему было отпущено только 100 рупий, почему лишь трудом нижних чинов и кое-какими остатками от экспедиционных сумм ему удалось привести казармы в более или менее сносный вид. Казарменная обстановка — кровати, одеяла — у людей вся собственная. Все это солдат заводит на те 9 рупий (около 5 руб. 80 коп.), которые он получает в месяц, на них же питается и заводит белье. Правда, солдат пользуется правом на competitions⁵⁰, то есть казна устанавливает цены на жизненные припасы и доплачивает разницу, если цены поднимутся, но, в общем, материально туземный солдат обставлен очень плохо.

Затем были показаны оружейные склады, по одному на роту, где под надзором надежного унтер-офицера, хранятся винтовки, патроны и амуниция. Оружие в ротных помещениях не держится; нижние чины, придя с учения, немедленно сдают его унтер-офицеру, и цейхгауз закрывается на замок. В пограничной полосе, на границе с Афганистаном, такой способ, по словам подполковника Филипса, не практикуется в виду возможности нечаянных нападений; винтовки держат в казармах, но во избежание покраж, их приходится замыкать на цепь.

Подле одного из цейхгаузов несколько человек солдат под наблюдением унтер-офицера производили чистку винтовок Ли-Энфильда, которыми в настоящее время перевооружена уже вся пехота индо-британской армии. Сидя на земле по-туземному и разложив на грязном тряпье принадлежность для чистки, солдаты производили полную разборку, не соблюдая даже примитивных предосторожностей от пыли и грязи. Интересуясь, насколько при таком способе чистки сохраняется оружие, я осмотрел каналы 3–4 винтовок*, все

* Для осмотра канала ствола употребляется очень удобный приборчик в виде наперстка, со вставленной внутри призмой. Наперсток вставляется в патронник. Через прорезь сбоку наперстка отражается поверхность канала.

остались с сильно поцарапанными каналами. Ложе и приклад для предохранения от ссыхания покрываются густым слоем особой мази.

В полковом цейхгаузе количество хранимого имущества крайне незначительно, так как все необходимое для выступления в поход и на походе войска получают из транспортных депо вместе с перевозочными средствами. В цейхгаузе хранятся только выючные водоносные баклаги и кое-какая стрелковая принадлежность (бинокли для туземных офицеров и унтер-офицеров и дальномеры системы Watkin^{*51}). Баклаги из гальванизированного железа, обтянуты серым толстым сукном, а сверху его оплетены бечевкой: сторона, прилегающая к седлу, слегка вогнута; для наливания воды — сверху широкое горло, для выливания на походе, не снимая с седла, внизу резиновая кишка с краном. Для перевозки баклаги по две навьючиваются на мула, по расчету один мул на роту. На походе водоносный транспорт следует непосредственно за 2-м эшелоном мулов с патронами.

При обходе полка подполковник Филипс рассказывал о стоянке полка в Заме, в Вазиристане, где он принимал участие в блокаде Махсуд-вазирей. Тревожная жизнь, постоянное напряжение и сильные лихорадки так подействовали на офицеров, что полк пришлось вывезти на равнину и дать почти половине офицеров продолжительные отпуска. Полк принимал участие и в Тирахской экспедиции⁵², причем среди патанов⁵³, которыми полк комплектуется почти на 1/3 своего состава, ни разу не было, по словам английских офицеров, дезертирства или измены, хотя им пришлось драться против своих же родичей. Этому можно верить, так как патанские племена северо-западной границы, поставляющие

* Не особенно удобный, так как требует двух наблюдателей и измерения базы шнуром.

прекрасные контингенты в войска, настолько, по-видимому, заслужили доверие индийского правительства, что патанами в настоящее время комплектуется уже 76 рот, причем преимущественно в полках, расположенных на границе с Афганистаном.

10 января я приехал в Лагор и в тот же день съездил в Миан-мир представиться генералу Китченеру⁵⁴, командующему войсками Лагорского дистрикта. Миан-мир, Лагорский кантонмент, расположен в 6 милях на юго-восток от Лагора. В Миан-мире расположены были: 1-й бат. 24-го пех. английского полка (South-Wales Borders), 24-й пех. Пенджабский полк, 1-й бат. 4-го стрелк. Гуркасского полка (временно), 11-й Бенгальский уланский полк, 67 и 69-я полевые батареи, 3-я госпитальная рота, 5 и 6-я роты носильщиков, 3 и 4-й кавалерийские муловые транспорты, 21 и 22-й кадры вьючных транспортов и 54-й кадр верблюжьего транспорта и склад медицинских запасов.

Генерал Китченер сказал мне, что, получив обо мне телеграмму полковника Muir из Дели, он уже разрешил начальникам частей Лагорского гарнизона показать мне все, что меня интересует, поэтому мне остается только познакомиться с ними. Генерал в тот же день уезжал в Мультан и в другие места своего дистрикта производить инспекторские смотры.

В штабе дистрикта, где я представлялся генералу, я познакомился с командиром 11-го Бенгальского уланского полка подполковником Delamain, который в тот же день познакомил меня со своим полком.

Бенгальские уланы принадлежат, по словам английских офицеров, к лучшим частям туземной кавалерии индийской армии. Состав людей действительно хорош: полк комплектуется преимущественно сейками (2 эскадрона), затем дограми, пенджабскими мусульманами и патанами (по 1/2

эскадрона). Но конский состав не представляется особенно блестящим. Среди лошадей есть австралийские, арабские, но очень мало, главная же масса из Пробин-абада, небольшого конского завода, основанного генералом Пробином близ Мультана. Лошади этого завода отличаются крупным ростом, сильным телосложением, но для кавалерийской службы слишком тяжелы. По табличкам с изображением №, лет, роста и года поступления лошади на службу, вывешенным в конюшне, видно, что конский состав сравнительно стар; средний возраст от 12 до 14 лет, хотя полк поставлен в лучшие условия в отношении ремонта⁵⁵, сравнительно с другими полками туземной конницы. Пробин-абадский завод поставляет полку ежегодно по 50 лошадей, которые уступаются нижним чинам по льготной цене в 250 рупий (около 160 руб.). На погашение этого долга из жалования нижнего чина ежемесячно удерживается 2 рупии.

Лошади были в крайне плохих телах. Полк недели три тому назад вернулся с маневров под Раваль-пинди, где, по словам командира полка, на долю конницы выпала крайне тяжелая работа — разведка требовалась в широких размерах, действовать пришлось в незнакомой местности, сравнительно бедной, карты оказались весьма плохи, и в довершение всего назначение ночлегов часто не согласовывалось с расположением заготовленных запасов фуража, почему бывали дни, когда лошадям приходилось голодать.

Фураж — горох, перемешанный с ячменем, и очень плохое местное сено, колючее и малопитательное. Клевер в Пенджабе сеют мало, поэтому он не по карману нижнему чину, который, получая в месяц 31 рупию, должен содержать на эти деньги себя, лошадь и вьючного мула (одного на двух всадников).

По окончании обхода полка полковник Delamain пригласил меня посмотреть конное ученье полка, назначенное на

другой день. В тот же день вечером я получил очень любезное письмо от командующего 1-м батальоном 4-го стрелкового Гуркасского полка майора Ryall; он писал, что офицеры батальона, узнав о моем желании познакомиться с гуркаскими стрелками, приглашают меня на другой день посмотреть батальон, а затем в офицерскую столовую на завтрак.

Учение 11-го полка было произведено на довольно сильной рыси, в немую; командир полка предварительно подает свисток, затем условным знаком рукой обозначает построение и, наконец, движением своей лошади — аллюр и направление. Только при некоторых построениях пришлось подать команду, повторенную эскадронными командирами, и то скорее потому, что команды и сигналы не твердо усвоены нижними чинами и даже туземными офицерами. Построение взводной полуколонны (*half column of squadron columns*) не вышло даже по второму разу. Аллюры несколько не выдержаны: при захождении люди суетятся, скачут, много шума. Развертывание полка не сноровисто, слишком долго; эскадрон, шедший в хвосте, так долго не выходил на линию фронта, что командир полка принужден был уменьшить аллюр прочих эскадронов. Развернув полк, командир провел его галопом, но атаки не произвел, отговариваясь отсутствием цели. Затем была произведена скачка через препятствия галопом, в колонне по отделениям, имея между отделениями дистанции от 30 до 40 шагов. Во главе полка шел сам командир с адъютантом и трубачами; эскадронные и взводные командиры проходили препятствия впереди своих эскадронов и взводов. Было несколько падений с лошади, но, в общем, все препятствия были взяты лихо и без особой суеты.

Учение закончилось спешиванием. В каждом 4-х рядном отделении были спешены 6 человек, двое остаются коноводами. Прикрытие коноводам не было оставлено, в виду

учебного характера упражнения; полагается же, при действии отдельного полка, оставлять в конном строю не менее одного эскадрона.

При спешивании резко бросается в глаза особенность пригонки вооружения, принятой в индийской кавалерии. Уланы вооружены легкими бамбуковыми пиками, саблями в мягких кожаных ножнах и карабинами Ли-Энфильда такого же калибра, как в пехоте. Шашка пригоняется к седлу, под левой ногой всадника, и при спешивании оставляется в седле. Карабин носится на погонном ремне, пристегнутом только к верхней антабке⁵⁶. Ремень проходит в широкую кожаную шлемку⁵⁷, которая лежит на спине всадника, между лопатками, затем раздваивается и пристегивается на двух крючках на поясе.

Приклад вкладывается в особый кожаный кабур⁵⁸ на седле с правой стороны, и пристегивается особым ремешком. При спешивании всадник сначала отстегивает ремень у кабура, затем слезает, садится на корточки и отстегивает погонный ремень с крючков, если желает стрелять или заряжать сейчас же; в противном случае он бежит вперед, придерживая карабин за приклад. Принятый способ носки карабина удобен в том отношении, что не беспокоит всадника при быстрых аллюрах и не оттягивает плеча, вследствие передачи тяжести карабина на седло; кроме того, при этом способе всадник не рискует остаться без винтовки, если бы лошадь вырвалась из рук, что случалось при прежнем способе приторачивания карабина непосредственно к седлу.

1-й батальон 4-го Гуркасского полка, возвращавшийся с маневров под Раваль-пинди в свою штаб-квартиру Бакло, был временно задержан в Лагоре до окончания ремонта казарм в своей постоянной стоянке. В этом батальоне мне показали ротные ученья, уставное и тактическое. Первое было произведено по шаблону, второе — на совершенно ровной

местности, поэтому они не дали никакого представления о боевых приемах гуркасской пехоты, специальностью которой является горная война. В настоящее время в составе индийской армии имеется 16 стрелковых гуркасских батальонов, сведенных в 10 полков (с 1-го по 10-й); организация и вооружение их одинаковы с прочими пехотными туземными частями; обмундирование — также хаки, но вместо чалмы гуркасы носят мягкую широкополую шляпу цвета хаки, заменяемую при парадной форме круглой шапочкой с подбородным ремнем, как у всех английских стрелков. В снаряжении прибавлен гуркацкий национальный нож «какри» с кривым обоюдоострым лезвием. Комплектуются гуркассские полки исключительно гуркасами, уроженцами Непала. Англичане по справедливости считают гуркассских стрелков лучшими солдатами своей туземной армии. Происходя от смешения монголов и раджпуттов, гуркасы заимствовали лучшие черты характера и физического сложения смешавшихся народностей. Маленькие, коренастые, живые, вечно веселые, смелые и в то же время стойкие, отличные ходоки и, как природные горцы, обладающие отличным зрением и слухом, гуркасы, как военный материал, во многих отношениях стоят неизмеримо выше прочих контингентов. Гуркассские полки с честью служили почти во всех экспедициях англичан против горцев северо-западной границы, а в 1857 г. магараджа Непала по собственной инициативе выслал отряд собственных войск на помощь англичанам против восставших сипаев⁵⁹. Английское правительство доверяет гуркасам, быть может, больше, чем остальным народностям в составе своей разнородной туземной армии, видимым знаком чего служит полная однородность состава гуркассских полков. Основание такого доверия, нужно думать, скрывается в том, что служба в рядах войск дает исход воинственным наклонностям гуркасов

и хороший заработок, и в то же время они совершенно не испытывают на себе, как остальные туземцы Индии, гнета зависимости от англичан. Непал фактически совершенно независим и сами англичане говорят, что он, подобно Афганистану, скорее их союзник, чем вассал. Индо-британское правительство содержит в Катманду, столице Непала, своего резидента, но этот резидент не имеет права выезда из города без разрешения магараджи; для других же англичан доступ в Непал не менее труден, чем в Афганистан.

В силу ли национального характера гуркасов или исключительности положения Непала, но в отношениях английских и туземных офицеров в гуркаских полках заметно больше товарищества и взаимного уважения, чем в прочих частях индийской армии.

Состав английских офицеров в гуркаских полках показался мне несколько лучше, что, вероятно, объясняется их лучшим материальным обеспечением и лучшими стоянками. Офицеры интеллигентнее, у них больше проявляется интереса к своему делу и больше внимания к солдату.

4-й Гуркацкий полк участвовал в последней китайской экспедиции. Офицеры с удовольствием вспоминали различные эпизоды своей походной жизни и с большим сочувствием отзывались о наших офицерах и, вообще, о наших войсках⁶⁰.

Один из офицеров батальона, капитан Hutchinson, прикомандированный к кадру мулового транспорта, доставил мне случай ознакомиться с устройством обозной части, познакомив меня с начальником этого кадра капитаном Bayers, который весьма охотно показал мне образцы вьючных седел и принятые типы повозок.

Применяясь к характеру местности — вероятного театра действий всей индийской армии — Афганистану и горной полосе северо-западной границы, англичане предполагают

действовать преимущественно с вьючными обозами. Для организации транспортов в мирное время содержится 2 муловых транспорта, 12 муловых кадров, два кадра конского обоза и 9 верблюжьих кадров, но, вероятно, число кадров будет значительно увеличено, так как по смете 1904 г. на расширение их ассигновано до 250 тысяч рупий.

В виду громадной убыли, которой подвергались вьючные животные в прошлые экспедиции от недостатков вьючного седла, на выработку типа последнего было обращено самое серьезное внимание.

В настоящее время для муловых и конских транспортов под вьюки и во всех частях оружия принят один тип вьючного седла. Седло состоит из двух деревянных плоско срезанных лук⁶¹, распертых железными прутьями и прикрепленных железными дугами к двум парам деревянных грядок⁶², заменяющих полки⁶³ обыкновенных седел. Чтобы равномернее распределить груз на поверхности спины, нижней поверхности грядок дан небольшой изгиб к концам; по середине же, на длине около 9 дюйм., они совершенно плоски. Для удобства пригонки ленчики⁶⁴ заготавливаются трех размеров. Седло лежит на потнике⁶⁵ из толстого белого войлока, мягкого, но вместе с тем плотного, с крышей из английской желтой кожи. Для придания еще большей мягкости потнику в крыше с каждой стороны сделаны прорезы, через которые в промежутки между войлоком и крышей набивается мытая верблюжья шерсть. Прорезы не зашивают, поэтому имеется полная возможность вытащить, в случае надобности, шерсть, взбить, растрепать и расправить, чтобы в потнике не образовалось комков.

К седлу полагается две подпруги, шлейка для удержания седла от сползания вперед и широкий нагрудник, пристегивающийся посредством небольшого звена цепи к крюку на грядке. Описанное седло введено после продолжитель-

ных испытаний. До 1892 г. в армии принято было седло артиллерийского образца (the Ordnance pattern saddle) из двух железных луков, прикрепленных к деревянным грядкам, опирающихся на две толстые войлочные подушки, набитые шерстью. Испытывались также вьючные седла с раздвижными луками и на подушках с пробковыми прослойками.

Для нештатных конских перевозов употребляют седла местного типа, так называемые «sund kha», похожие на принятые в Персии и в Вост. Туркестане. Для вьючных ослов принято седло, называемое «чахи», состоящее из двух толстых войлочных подушек и потника. В воловьих вьючных перевозах принято несколько типов седел, но наиболее употребительно седло образца «sund kha». Вьючные верблюжьи седла одинаковы с седлами, встречающимися в Туркестане, Персии и Афганистане.

Повозки в перевозах индийской армии появились сравнительно недавно, и только в последнее время установлен образец их, так как предъявляемые к ним требования были слишком велики; так, кроме простоты устройства, прочности, легкости на ходу, устойчивости в отношении климатических условий, поместительности, требовалось еще, чтобы повозка была одинаково годна для запряжки мулов, лошадей и волов. В последнюю афганскую войну было взято несколько образцов повозок, но все они не были в состоянии выдержать слишком сухой климат Афганистана и развалились. После Египетской экспедиции 1882 г.⁶⁶ в Индии попробовали ввести 4-х колесные капские фургоны, но они оказались настолько тяжелыми, что при полной нагрузке потребовали запряжки десяти мулов, а во время дождей оказались совершенно неприменимы.

В настоящее время остановились на парной двуколке (cart).

Тип двуколки окончательно еще не выработан; на службе имеется два образца двуколки — бенгальский (Bengal

pattern) и бомбейский (Bombay pattern), отличающиеся деталями устройства рамы кузова. В бенгальском образце поперечные связи рамы лежат на трех продольных брусках и прибиты к ним гвоздями, в бомбейском — они пропущены сквозь и закреплены болтами. На будущее время решено заготавливать для всех транспортов двуколки бомбейского образца. В обоих образцах приняты колеса диаметром в 4 фута 4 дюйма⁶⁷, со стальными ступицами, так как оказалось, что деревянные ступицы совершенно не выдерживают сухого воздуха Индии и приграничной полосы. Ступицы состоят из двух полуступиц, надеваемых на коническую бронзовую втулку и стянутых болтами с гайками. Колесные косяки и спицы делаются из акации или андаманского дерева. Рама, осевая подушка и дышло из тика.

Устройство дышла допускает запряжку двуколок мулами, лошадьми или буйволами. В муловых двуколках дышло зацепляется под осью; при воловьей же запряжке оно перестегивается под передний поперечный брус рамы. Двуколки прежнего образца с деревянными ступицами и с низкими колесами (4 фут.) назначены теперь исключительно для запряжки волами и войдут в состав тыловых транспортов. Волы запрягаются в двуколки с помощью ярма.

В муловых и конских запряжках особенно настойчиво добивались возможности переходить в случае надобности от колесного обоза к вьючному. Для этой цели в двуколку запрягаются пара мулов или лошадей во вьючной амуниции. На средних распорках между луками седел укладывается толстый железный прут (arch allachment⁶⁸) с изгибом посредине, куда укладывается конец дышла от двуколки и закрепляется болтом. При таком способе запряжки в случае поломки повозки или же перехода в местность без колесных дорог, половина груза повозки поднимается мулами этой повозки, а оставшийся груз распределяется на

запасных мулов. В этих же видах двуколки никогда не нагружаются до их полной выгрузки. При муловой и конской запряжке на двуколку накладывается не более 8 maunds* при походных движениях в горах и 10 — при движении по хорошим дорогам.

Санитарный обоз состоит из крытых носилок (dhooly или dandis), полевых легких носилок, парных санитарных двуколок и крытых 4-х колесных фургонов. Двуколки — рессорные; приспособлены для перевозки 4-х легкораненых или же, если отпустить среднюю перегородку, двух тяжелораненых; двуколки с муловой запряжкой придаютс я исключительно кавалерии и конной артиллерии; остальным родам оружия и тыловым учреждениям назначаются, преимущественно, двуколки с воловьей запряжкой, санитарные фургоны, также запряженные волами и повозки местного типа, приспособленные для перевозки. Кузов фургона покоится на четырех стальных рессорах: передней, задней и двух боковых; приспособлен он для перевозки двух тяжелораненых лежа или 4 сидя. По словам английских офицеров, санитарные фургоны не отличаются достоинствами, они тряски, валки и тяжелы.

В Лагорском транспортном депо содержатся мулы, волы и верблюды.

В Индии существует несколько пород рогатого скота, но опыт последней Афганской войны показал, что волы индийских пород плохо переносят холод нагорного Афганистана; более стойкими оказались только синдская и майзорская породы, которые чаще других встречаются в составе транспортных депо. Путем скрещивания Гиссарской казенной ферме удалось развести породу волов, которые предназначаются, главным образом, для запряжки осадных парков.

* Maund — около 2½ пуд.

Среди транспортных мулов попадались великолепные экземпляры из Австралии и Южной Африки, но большинство — местной довольно мелкой породы. Привозными мулами ввиду из дороговизны ремонтируются преимущественно горные батареи.

Настойчиво стремясь к усовершенствованию материальной части транспортов и улучшению их живого инвентаря английские военные власти озаботились созданием в войсках кадра, ознакомленного с материальной частью обозов, с укладкой их и с уходом за транспортными животными. С этой целью учреждены 6-ти недельные курсы при транспортных депо (*Training classes at Transport depots*) для офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов, командируемых от каждой части через каждые два года; при полках и батареях два раза в год учреждаются 2-х недельные курсы для унтер-офицеров и нижних чинов под руководством офицеров, прошедших курс в транспортных классах. На всех курсах транспортное дело изучается практически и знания нижних чинов проверяются особыми комиссиями; кроме того, начальникам частей вменено в обязанность один раз в неделю посвящать укладке и выючке обозов со всем наличным составом нижних чинов. Кроме названных уже частей в Лагоре мне удалось еще видеть 69-ю полевую батарею, 20-й Пенджабский полк и Лагорский форт.

69-я батарея недавно прибыла из Мультана и устраивалась на новых квартирах, поэтому мне показали только материальную часть и лошадей. Полевые батареи в Индии вооружены 15-ти фун. нарезными казнозарядными пушками 3-х дюймового калибра с поршневыми затворами. Для уменьшения отката приняты пружинные компрессоры и сошники⁶⁹ в виде заступа. Граната выведена уже из употребления; для стрельбы на все дистанции и по всякого рода целям принята стальная шрапнель с трубкой двойного

действия, но в виду слабого действия шрапнели на малых дистанциях признано необходимым оставить артиллерии картечь, хотя и в небольшом количестве, только по 8 картечей на орудие. Картечью заряжают с дула. Для удобства наводки принято два прицела и две мушки. При стрельбе на дальние дистанции (около 5200 ярдов⁷⁰) наводчики употребляют телескоп, который для удобства прикреплен к квадранту⁷¹. Вся материальная часть артиллерии, то есть орудия, лафеты, передки и зарядные ящики окрашены в цвет «хаки».

Конский состав в батарее великолепен. Лошади преимущественно австралийские, рослые, сильные и отлично содержимые. Ухаживают за ними конюхи-туземцы под присмотром английских солдат. Масть — по взводам, но без особенной строгости, предпочитают гнедые лошади и рыжие.

Во втором батальоне *Wales Borderers* и 20-м Пенджабском полку мне показывали почти то же, что и в других частях, поэтому, не останавливаясь на них, скажу несколько слов только о резервистах 20-го полка. Каждый из туземных пехотных полков индийской армии за исключением гуркаских имеет свой резерв, численность которого по финансовым соображениям ограничена 216 чел. на полк. Из этого резерва в военное время пополняется убыль в полку. В резерв зачисляются желающие из старослужащих, получая за время состояния в списках резервистов небольшое жалование. Ежегодно в январе резервисты собираются в учебные сборы, продолжительностью в один месяц; во время сбора полковые врачи свидетельствуют резервистов и негодные к службе исключаются из списков. Во время сборов резервисты носят форму своего полка, получают все снаряжение и под наблюдением унтер-офицеров и офицеров своего полка проходят повторительный курс строевого обучения

и стрельбы. В видах удобства разрешено резервистам полков, расположенных вдали от их местожительства, отбывать сбор при других полках. В Лагор были собраны резервисты 20, 24 и 27-го полков. Выглядят резервисты не хуже, чем солдаты действительной службы; уставное ученье было проделано ими весьма гладко.

Форт Лагор расположен на северной окраине туземного Лагора и представлял прежде цитадель этого города; но в настоящее время стены, охватывающие туземный город, разрушились и местами даже срыты. Форт квадратного начертания; южный его фронт расположен на уступе, окаймляющем долину р. Рави, северный — у подножия уступа; против фронтов, примыкающих к туземному городу, расположена эспланада шириною до 200 сажен; против северного фаса — широкая долина р. Рави, усеянная усадьбами, заводами и разными строениями. Внутри форта — казармы английского гарнизона, английский госпиталь, склад оружия и разные склады.

Кроме форта, опорным пунктом в Лагоре может служить железнодорожная станция, приспособленная к обороне из бойниц, прорезанных в стенах, и двух фланкирующих башен.

Перед отъездом из Лагора, я зашел к генералу Китченеру⁷², только что вернувшемуся из объезда округа, поблагодарить его за разрешение познакомиться с войсками Лагорского гарнизона.

Генерал — младший брат главнокомандующего — участвовал в Египетской экспедиции и в Суданской против Махди⁷³; считается храбрым солдатом и за свою доброту и заботливость о солдате очень любим войсками, но не пользуется репутацией хорошего генерала: слишком суетлив, мелочен и нервен, много мешает ему сильная глухота.

Во время последних Раваль-пиндских маневров генерал, командовавший северной армией, наделал массу ошибок.

В разговоре с генералом Китченером я, между прочим, упомянул, что желал бы, если обстоятельства и время позволят, вернуться кратчайшей дорогой через Сеистан. Генерал на это ответил, что если бы разрешение на проезд по Нушкинской дороге зависело только от военного начальства, то он охотно устроил бы это через своего брата, так как лично не придает никакого значения проезду русского офицера по этой караванной дороге, тем более что я уже получил разрешение проехать в Кветту. Но Нушкинская дорога находится в ведении Foreign Department, который, по мнению генерала, вряд ли даст разрешение.

На прощании генерал Китченер снабдил меня рекомендательными письмами к генералу Биндон-Блэду⁷⁴, командующему войсками Пенджабского округа и генералу Вудхаузу⁷⁵, начальнику Раваль-пиндского дистрикта.

Из Лагора я проехал в Джелум посетить знакомого офицера 16-го кавалерийского полка и познакомиться с организацией недавно учрежденных ремонтных депо на Джелумском канале.

Силладарная система ремонта⁷⁶, принятая во всех туземных полках, за исключением бывшей Мадрасской армии, оказалась неудачной, так как конский состав в полках оказался весьма неудовлетворительным и по возрасту лошадей, и по качеству их. С целью облегчить туземным войскам приобретение лошадей лучшего сорта, правительство решило принять ряд мер к улучшению коневодства и, между прочим, основать ремонтное депо* на Джелумском канале. Здесь молодые лошади, приобретаемые покупкой у частных предпринимателей, будут выдерживаться, за-

* Breeding stables.

тем частью поступать в ремонт британских кавалерийских полков и артиллерии, частью уступаться по льготной цене в полки туземной конницы.

Дело предположено поставить прочно; по смете настоящего года на организацию депо назначено 63 тыс. фунт. стрл., с текущего года на содержание его и дальнейшее расширение отпустить по 25 тыс. ф. ежегодно.

В тех же целях улучшения конского состава армии на Джелумском канале отведен участок орошенной земли площадью около 30 т. десятин, которую предположено раздавать отставным офицерам и нижним чинам туземной кавалерии, желающим заняться коневодством или муловодством.

Ремонтного депо мне видеть не пришлось, так как оно расположено далеко от города, вверх по Джелуму и, кроме того, по словам офицеров 16-го кавалерийского полка, дело еще далеко не налажено; маленькие частные заводы также не начали еще своей деятельности, так как в распределении участков вышла какая-то задержка чисто формального свойства.

Из частей, квартирующих в Джелуме, 32-й Сейкский пионерский и часть 24-го Пенджабского полка находились в составе Тибетского отряда генерала Макдональда⁷⁷. На лицо был только 16-й кавалерийский полк; среди офицеров этого полка у меня оказались знакомые и по их приглашению я, между прочим, присутствовал на полковом дурбаре⁷⁸. Дурбар — полковое собрание, полковой круг, учреждение, установившееся в войсках индийских раджей времен независимости Индии; дурбары до сих пор существуют и в афганской армии. Англичане нашли нужным сохранить их в своих туземных войсках, строго ограничив круг ведения дурбаров вопросами внутреннего распорядка жизни полка. Дурбары собираются еженедельно или в случае надобности по особому приказанию командира части. На дурбаре 16-го полка председательствовал командир полка полковник Stocley. По

обеим сторонам его по чинам сели английские офицеры, ниже их также по старшинству туземные офицеры; вокруг стали унтер-офицеры и нижние чины. Обсуждались различные хозяйственные нужды полка (заготовка фуража), разбирались жалобы нижних чинов, мелкие проступки их, просьбы об отпусках, женитьбе и разрешении достать семью. Просьбу каждого нижнего чина докладывал туземный офицер, командир соответствующего турпа (взвода); командир полка предоставлял офицерам высказывать свое мнение, со вниманием выслушивая мнение даже самого младшего из туземных офицеров, а затем постановлял решение, которое тут же объявлялось просителю или жалобщику. В заключение полковой клерк начал было читать письменные жалобы частных лиц на нижних чинов полка, но полковник Stocley приказал доложить их в канцелярии после дурбара.

Английские офицеры говорили мне, что туземные офицеры и нижние чины очень дорожат правом дурбаров. Это вполне понятно, в особенности в отношении туземных офицеров и, можно думать, что обычай этот не бесполезен и для англичан, так как при разноязычном и разноплеменном составе полков гласное обсуждение претензий и взаимных жалоб между солдатами является для командира части почти единственным средством оградить себя от обвинения в пристрастии к одной какой-либо народности*.

* Отмечу эпизод, характеризующий разницу во взглядах на караульную службу у нас и у англичан. Гуляя по Джелуму с одним из офицеров 16 кав. полка, я подошел к складу 24 пех. Пенджабского полка, охраняемому часовым. Часовой отдал нам честь, хотя мы оба были в штатском платье. Заметив, что у него какое-то особенное ружье, я подошел и спросил у него, какое у него ружье. Часовой тотчас же отдал мне свое ружье и затем объяснил, что в виду бывших случаев кражи магазинов у часовых, караулам выдаются при заступлении в караул винтовки Снайдера. Бывший со мной офицер подтвердил это и добавил, что в приграничной полосе нередко нападают на часовых, чтобы добыть магазинку⁷⁹.

От Джелума железнодорожный путь к Раваль-пинди на протяжении четырех станций идет по весьма пересеченной местности, прорезывая глубокими выемками ряд узких скалистых кряжей, местами по дамбам среди мелких озер. Ближе к Раваль-пинди местность становится несколько ровнее.

Положение Раваль-пинди в тылу северного участка оборонительной линии Инда, в узле путей от переправ у Торбеллы, Аттока, Кушальгара, а также в обход этого участка через Гилгит придает ему в глазах англичан важное стратегическое значение, поэтому в период преобладания «backward policy», т. е. идеи обороны Индии на ее территории, было предположено превратить Раваль-пинди в обширный укрепленный лагерь, и в этом направлении многое уже было сделано. В настоящее время в Раваль-пинди расположены штабы Пенджабского корпуса и Раваль-пиндского дистрикта, гарнизон численностью до 10 т. чел., обширные склады боевых и других запасов, а также почти треть всех кадров войсковых транспортов с их материальной частью.

Начиная с Раваль-пинди, пришлось уже считаться с подозрительностью англичан, которой мне не приходилось замечать прежде, при поездке по Бенгалу⁸⁰ и восточной части Пенджаба, хотя, вероятно, надзор все-таки установлен. Район путешествий европейских туристов по Индии кончается обыкновенно Лагором; дальше Лагора едет весьма незначительное число, и надзор за путешественниками становится весьма строже. Я приехал в Раваль-пинди поздно ночью и, как только с вокзала перешел в ближайшую гостиницу, мне принесли книгу с просьбой указать подробно фамилию, звание и национальность, что я и исполнил. Сведения эти, по словам хозяина, немедленно сообщат в штаб гарнизона (station staff office), на обязанности которого лежит надзор

за приезжающими. На другой день был четверг, льготный день по обычаю, установленному в индо-британской армии, поэтому, не рассчитывая застать кого-нибудь в штабах, я предполагал разыскать своих знакомых по Кашгару и Сеистану, а на следующий день представиться генералам Блэду и Вудхаузу. Но уже утром мне доставили официальное письмо от начальника штаба дистрикта майора Шоу, который от имени генерала Вудхауза просил сообщить ему, сколько дней я предполагаю провести в Раваль-пинди и в то же время предупреждал, что в виду «неполучения разрешения от высшего начальства на посещение мною фортов, всякая попытка с моей стороны приобрести посредством фотографии или другим способом сведения военного характера может привести к аресту». В тот же день я встретился с майором Шоу и заявил ему, что я крайне удивлен, получив в первый раз за все время путешествия моего по Индии письмо такого содержания; майор объяснил, что относительно моего приезда не было получено телеграммы из Лагора и что по приказанию главного штаба армии предупреждения, подобно полученному мною, адресуются всем иностранным офицерам, посещающим Раваль-пинди. Вечером ко мне приехал в парадной форме адъютант начальника дистрикта майора Шоу и передал письма генерала Вудхауза с приглашением на обед.

На другой день я представился генералу в штабе дистрикта. Генерал подтвердил слова майора Шоу, что письмо, адресованное мне — формальность, принятая в отношении всех вообще иностранных офицеров; но в то же время генерал добавил, что по донесению начальника полиции в Джелуме мною снята фотография железнодорожного моста р. Джелум. На это я заметил, что, по моему мнению, фотография Джелумского моста не представляет такой важности, чтобы ради нее рисковать потерей доверия, которое

до сих пор оказывалось мне английскими военными властями, тем более что фотография моста продается у фотографа в Лагоре; кроме того, при всем желании посмотреть Джелумский мост я, к сожалению, не мог этого сделать, так как проехал его ночью, а весь день пребывания в Джелуме провел в обществе офицеров 16-го кавалерийского полка. Генерал был, видимо, смущен неожиданным оборотом дела и выразил глубокое сожаление, что был введен в заблуждение слишком усердными агентами полиции. В тот же день я представился генералу Биндон-Блэду, командующему войсками Пенджабского округа. Генерал Блэд пользуется в округе репутацией боевого генерала, репутацией упроченной Тирахской экспедицией 1897 г., где он был начальником отряда. Генерал несмотря на свои 57 лет живой энергичный человек, цветущего здоровья, до сих пор со страстью занимающийся охотой, в особенности, охотой на тигров. Он с готовностью разрешил мне посетить Абботабад, Пешавер, Кушальгар и обещал дать рекомендательные письма генералам Барроу⁸¹ в Пешавер и Смит-Дорриен⁸² в Кветту. На выраженное мною желание проехать из Абботабада прямо дорогою в Пешавер через Торбеллу генерал Блэд ответил, что охотно дал бы свое согласие, но для поездки по местности, населенной афганцами-юсуфзями, необходим конвой, который придется вызывать из Пешавера, так как в Абботабаде нет военных частей; не желая доставлять много хлопот английским властям, я отказался от этой поездки.

На другой день генерал Вудхауз прислал мне верховую лошадь и предложил объехать с ним расположение войск Раваль-пиндского гарнизона. Осмотрев мимоходом гарнизонную прачечную и пивной завод, мы выехали на высокий холм, откуда открывается вид на Раваль-пинди и ближайшие окрестности. Прямо на запад, в направлении на Пешавер, близ железнодорожной станции Гассан-абдал, видна

скалистая вершина, которую англичане называли Гибралтаром по сходству ее со скалами настоящего Гибралтара. На севере — широкая долина реки Силь замыкается первым хребтом Кашмирских гор, среди которых темным пятном выделяется ущелье Мюррей, куда на лето переходят все штабы и по очереди все войска Раваль-пиндского гарнизона; на юге в разных направлениях разбросаны мелкие скалистые кряжи; на востоке — горизонт замыкается высотами, пересекаемыми дорогой Раваль-пинди — Джелум.

На южной опушке кантонмента на плоской высоте расположен форт европейской профили в виде неправильного пятиугольника с ложбинами для орудий и траверсами⁸³; горжевой⁸⁴ фас замкнут двухэтажной оборонительной казармой; в тылу форта парк и лагерь тяжелой осадной артиллерии и мулового транспорта; вправо — казармы английских и туземных войск и кантонмент. В тылу форта в направлении с севера на запад тянутся постепенно понижающиеся гребни, отроги Кашмирских гор, разделенные глубокими лощинами; гребни покрыты густыми кустарниками, а в лощинах, ближайших к городу, разбиты парки с великолепными шоссейными дорогами. Описанные гребни представляют в тылу форта ряд отличных оборонительных позиций.

Впоследствии мне удалось объехать на велосипеде северную сторону Раваль-пинди и видеть еще два сомкнутых форта значительно меньших размеров с треугольным рвом; один из фортов был занят гарнизоном и был вооружен артиллерией; кроме того, около первого полустанка по дороге на Пешавер на длинном плоском гребне я видел углубленную батарею, внутренняя покатость бруствера которой одета камнем; такая же батарея имеется в верстах в 2-х севернее на том же гребне. Батареи не вооружены, они составляют часть передовой укрепленной позиции.

В Абботабаде мне пришлось встретиться с офицером гуркаского полка майором Стюартом, который, вспоминая переполох, произведенный в Индии стычкой на Кушке⁸⁵, рассказывал, между прочим, что тогда начаты были обширные работы по укреплению Раваль-пинди, но впоследствии, с изменением взгляда на оборону границы, работы были приостановлены, так как создавать обширный укрепленный лагерь не было нужды: «пока вы дойдете до Инда, мы успеем развить эти укрепления до какой угодно силы». С этим нельзя не согласиться, в особенности, если принять во внимание меры, принятые англичанами для подготовки театра правого берега Инда. Во всяком случае, Раваль-пинди в его настоящем виде далеко не имеет характера сильного укрепленного лагеря; за исключением центрального форта, составляющего, по-видимому, редюит⁸⁶ Раваль-пинди и отличающегося сильной профилею⁸⁷, остальные виденные мною укрепления не отличаются особенной силой и находятся в подготовительном виде.

В бытность мою в Раваль-пинди генерал Блэд произвел очередной смотр Раваль-пиндскому гарнизону*. Не приводя подробного описания смотра, который заключался в прохождении войск в разных строях, а конных частей и разными аллюрами, а также производстве кое-каких эволюций, отмечу только смотр конной и осадной батарей и кавалерии. Конная артиллерия по внешнему виду, подбору людей, лошадей, а также лихости производит в высшей степени приятное впечатление. Вооружена 12-фн. казнозарядными пушками. Осадная батарея (heavy) состоит из 4 казнозарядных пушек калибром 5 дюймов. Запрягается каждое орудие 4 парами волов; но теперь уже решено воловью запряжку

* На смотре участвовало 3 английских батальона, 2 туземных пехотных полка, 2 роты саперного батальона, 2 кавалерийских полка, конная батарея, 2 пеших полевых батареи, 2 горных и 1 осадная.

заменить конской и вместе с тем перейти к другому калибру. В настоящее время из 6-ти осадных батарей, состоящих в Индийской армии, только две запряжены волами, остальные имеют частью конскую, частью воловью.

Кавалерийская бригада, участвовавшая на смотре, состояла из 2-х уланских полков: 9-го английского и 17-го туземного (бывшего 17-го Бенгальского уланского). Первый считается лучшим из полков английской кавалерии в Индии и самым дорогим, так как большинство офицеров принадлежит к аристократическим домам Великобритании. Полк сидит на отличных рыжих лошадях австралийской породы; все движения его и перестроения указывали, что строевое обучение поставлено в полку хорошо. Резко отличался от него 17-й полк, также принадлежащий, по словам английских офицеров, к числу боевых и хороших полков туземной кавалерии. Хотя после Раваль-пиндских маневров, в которых полк принимал участие, прошло больше месяца, лошади были в очень плохих телах, многие выглядели совершенно заморенными. Когда полк пошел галопом, в головных эскадронах еще кое-как держали аллюр, хотя много лошадей рысило; последний же эскадрон представлял беспорядочную толпу, потерявшую всякий строй и равнение. Впечатление было настолько невыгодное, что генерал Блэд, несмотря на всю свою снисходительность, вынужден был сделать замечание командиру полка. Резкая разница между обоими полками наглядно подтверждала, что конский состав в полках туземной конницы сравнительно слаб; кроме того она указывала, как сильно отзывается недостаток английских офицеров в этих полках на обучении части; наконец, эта же разница давала основание заключить, что англичане берегут свою английскую конницу, на маневрах вся тяжесть сторожевой и разведывательной службы ложится на туземную кавалерию.

Из Раваль-пинди я уехал в Абботабад. Близ станции Гассан-абдал железнодорожный путь, прорезав туннелем скалистый кряж, выходит на равнину, которая тянется на запад почти до Кембель-пура.

От Гассан-абдала до Абботабада устроено отличное шоссе, пролегающее сначала по равнине, изрезанной крутыми оврагами, а от Гарипура по междугорной долине речки Тати, покрытой обработанными полями. Ближе к Абботабаду долина суживается, и дорога зигзагами вьется по крутым склонам гор. На всем 60 верстном расстоянии до Абботабада проектирована железнодорожная линия, которую предполагено вывести в Кашмирскую котловину.

Абботабад лежит на высоте около 4½ т. фут⁸⁸, в горной котловине длиной до 4 верст, шириной до 1 версты, обставленной крутыми горами. Всего лет десять тому назад здесь была бедная патанская деревушка, теперь же Абботабад представляет чистенький уютный военный городок, весь утопающий в зелени рощ из ели и гималайской сосны. Верстах в двух от нее расположен обширный барачный лагерь, в котором до прошлого года было заключено около 2 тыс. буров.

В Абботабаде было расположено два гуркаских батальона* и три туземных горных батареи (22 Деражатская, 25-я и 30-я).

Временнокомандующий 3-м батальоном 5-го полка майор Стюарт поместил меня в своем доме и передал приглашение офицеров гуркаских полков считать себя членом их общей мессы⁸⁹. Майор оказался участником Памирских экспедиций полковника Юнгхесбенда⁹⁰, кроме того участвовал в качестве офицера генерального штаба в Китайской экспе-

* 2-й батальон 5-го гуркаского полка и 6-й гуркаский полк (однобатальонный) и депо 1-го батальона 5-го полка (батальон с пулеметным взводом командирован в Читрал).

диции 1900 г., благодаря чему имел много знакомых среди русских офицеров.

Из пехотных частей, расположенных в Абботабаде на лицо оказались только новобранцы обоих батальонов, небольшая команда 5-го полка и две роты 6-го полка, все остальные были в горах, где проходили стрельбу на дальние дистанции (long range). В 5-м полку мне показали ученье пулеметного взвода.

В настоящее время уже окончательно решен вопрос о придаче пехоте пулеметов Максима по два пулемета на батальон. Но выданы они пока только в английские войска и в туземные полки, расположенные на границе. Учение пулеметного взвода заключалось в навьючивании и совьючивании пулеметов и примерной стрельбе по щитам. Переход в боевой порядок из походного и обратно совершается быстро; настойчиво добиваются довести скорость его до 1 минуты.

В 6-м гуркасском полку одна рота производила учебную стрельбу на измеренные дистанции. Англичане высоко ценят природную способность гуркасской пехоты к горной войне и стараются вести обучение солдата так, чтобы эта способность развивалась еще более. Курс стрельбы проходится не на ровных площадях с правильно разбитыми директрисами и выровненными мишенями, а на сильно пересеченной местности. Стрельбище гуркассских полков в Абботабаде устроено на крутых отрогах соседних гор, изрезанных глубокими водостоками. Линии огня на разные дистанции обозначены каменными плитками, где высечено число ярдов. На линии огня местами, где нет естественных закрытий, устроены искусственные валики, ровики или просто ямы. Мишени, изображающие стрелков в разных положениях, вырезаны из досок по фигуре человека и окрашены

в цвет «хаки», они были расположены по скатам в окопах, примененных к местности.

В 6-м полку производилась стрельба на 500 ярдов по поясным мишеням, лежа, пятью патронами в 25 секунд, причем это упражнение предварительно было проделано с незаряженными винтовками. То же упражнение было повторено с 400 ярдов, причем новая позиция была занята перебежкой частями цепи, строго применяясь к местности; гуркасы перебежали поодиночке и небольшими группами, прячась за кустами, камнями и местами буквально ползком. Таким образом, с обучением стрельбе было тесно связано обучение применению к местности. Процент попадания (с первой 25%, со второй 18% попаданий) оказался не высок, но если принять во внимание условия, какими были обставлены упражнения, то результат можно признать более чем удовлетворительным.

Правее 6-го полка и ниже его 5-й полк производил стрельбу по появляющимся мишеням. Стрельба производилась с разных линий огня и в близком расстоянии, но, видимо, англичане не придают преувеличенного значения возможным случайностям, больше всего стараясь создать для учебных стрельб обстановку, близкую к действительности.

Описанным путем производятся только стрельбы на измеренные дистанции. Стрельба на измеренные дистанции одиночная, частями роты, а также боевая стрельба с маневрированием производятся на незнакомой местности, для чего части, назначенные для стрельбы, уходят в горы, где остаются до конца курса, располагаясь лагерем. Каждая стрельба, какова бы ни была по составу стреляющая часть, обязательно связана с исполнением несложной тактической задачи.

В тот же день мне удалось быть на учении 23-й туземной горной батареи, которое производилось на гребне крутых

высот, окаймляющих Абботабадскую котловину. Батарея была в составе 6-ти орудий с 1-м эшелоном зарядных ящиков (по 4 ящика на орудие).

23-я горная батарея комплектуется, как и все остальные туземные горные батареи индийской армии, исключительно сейками и пенджабскими мусульманами. Ремонтируется батарея отборными мулами, большею частью привозимыми из Китая, Америки, Италии и Австралии; мулы местных пород не допускаются.

В настоящее время перевооружение туземной горной артиллерии уже закончено. На вооружении состоят 10 фун. горные пушки, заряжаемые с казны, калибром в 2,75 д., весом 11½ пуд. Значительный вес орудий заставил принять свинтную пушку⁹¹, но все манипуляции с ней, благодаря простоте устройства и незначительному числу составных частей, производятся быстро, мало влияя на скорость изготовления орудия к действию. При выючке одним поворотом среднего навинтованного кольца разъединяется казенная и дульная части орудия, в канал продевается длинный шест, с помощью которого разъединенные части орудия поднимаются с лафета и буквально бросаются на выюки; крючки и пряжки застегиваются на ходу. Выгода принятия свинтных пушек весьма велика; начальную скорость снаряда удалось довести до 1300 фут., а предельную дальность шрапнели — до 4200 ярдов, то есть до 1800 саж. Крупным недостатком горной пушки является недостаточная длина станин лафета, почему часто случается, особенно при стрельбе под большими углами возвышенности, опрокидывание орудия, почему при стрельбе приходится придерживать лафет за оттяжки. Выючные седла и материальная часть к горным пушкам несколько напоминают седла, принятые в войсковых обозах с соответствующими, конечно, приспособлениями.

При выезде батареи на позицию строго применяются правила, выработанные на основании последней войны; командир батареи, выехав вперед, рекогносцирует позицию для батареи, которая подтянувшись, становится открыто за гребнем и снимается со вьюков; командиры взводов (английские офицеры), туземные офицеры и орудийные фейерверкеры пешком, укрываясь складками местности, местами даже ползком осматривают позиции и расположение противника, определяют расстояние и отмечают положение своих орудий железным колышком, затем орудия на руках выкатываются на гребень с установленными прицепами и тотчас же открывается огонь. Заряжание орудий и стрельбу прислуга производит сидя. О тонкой пристрелке не заботятся, но захватив цель в вилку, тотчас же переходят на поражение.

На ученьях целями служат каменные тумбы, которые во множестве разбросаны на окружающих горах.

Проделав несколько раз выезд на позицию, батарея стала спускаться вниз без дороги и, как только вышла на более ровное место, по команде, поданной командиром батареи в рупор, взяла на колеса.

Учение на горах производится не менее трех раз в неделю, и только два дня батареи занимаются на казарменных плацах, на относительно ровной местности. Из этого можно заключить, что англичане придают в высшей степени серьезное значение подготовке своих войск к горной войне. В мае прошлого года войска, расположенные в округах Деражат и Когат и составлявшие особый так называемый Пенджабский пограничный отряд (Punjab Frontier force), были изъяты из непосредственного подчинения главнокомандующему армией и подчинены командующему войсками Пенджабского округа; вместе с тем было решено вывести большую часть этого отряда из гор, а оставшиеся части сменять

через известные сроки на общем основании. Мера эта была встречена очень несочувственно военной прессой Индии* и была признана крайне опасной таким авторитетом, как бывший главнокомандующий граф Робертс. Указывалось, что с расформированием Пенджабского пограничного отряда понизилась боевая готовность пограничной полосы, а главное — Индия лишилась значительного отряда войск, который продолжительной непрерывной службой на границе Афганистана был подготовлен к особенностям войны с горными племенами. Войска этого отряда заменены, как известно, милиционными частями из местных племен (Хайберские стрелки, стрелки Солимановых гор и др.), которые, будучи более привычны к горам, во многом, конечно, уступают войскам бывшего пограничного отряда; на Читральском направлении, заслоном к стороне наших Памиров, англичане держат свои гуркаские полки и горные батареи, отлично подготовленные к горной войне.

Из Абботабада** я поехал в Пешавер через Гассан-абдал на этот раз в сопровождении английского офицера, командированного по распоряжению из Раваль-пинди. По дороге в Гассан-абдал он показал мне казенную случную конюшню в Гарипуре. Здесь содержатся три жеребца, в том числе один выводной Тракенского завода и два арабских; кроме того, три жеребца-осла, рослые, крупные экземпляры, вывезенные из Америки, Италии и с острова Кипра. Случная конюшня устроена для улучшения породы местных лошадей и для развития муловодства. Случка кобыл, принадлежащих местному населению, производится бесплатно.

* См.: Pioneer, Decemb. 1903. "The Frontier Problem".

** В Абботабаде проживает бухарский принц Катта-тюря⁹²; он получает от индийского правительства субсидию и ежегодно подарки. Изредка принц посещает офицерские мессы полков Абботабадского гарнизона; но из слов офицеров можно заключить, что англичане не придают Катта-тюре значение как претенденту.

От Гассан-абдала мы поехали снова по железной дороге. От названной станции местность представляет обработанную равнину, которая по мере удаления на запад становится беднее, а от Кембель-пура почти до Инда расстилается совершенно оголенная степь. Кембель-пур — узловая станция северо-западной и прииндской железных дорог; в недалеком будущем здесь будет обширный кантонмент и штаб вновь учрежденного Аттокского дистрикта; возводятся и большей частью уже закончены казармы для пехотной бригады, но войск еще нет. От Кембель-пура поезд втягивается в гряды обнаженных скалистых высот, сопровождающих левый берег Инда, и по глубокой выемке, высеченной в скалах, подходит к Аттокскому мосту.

Инд у Атока течет по узкому каменистому руслу, с обеих сторон сдавленному скалистыми берегами; ширина реки не превышает здесь 250 саж., при глубине в низкую воду не менее 1 саж., в половодье вода поднимается, говорят, футов на 60 выше ординара. Мост двухэтажный; сверху железнодорожный путь, под ним — проезд для повозок; он покоится на четырех быках, одном устое, расположенном на скалистом острове и двух береговых устоях; ширина наибольшего пролета моста — 296,25 фут., общая длина моста 1522 фут. Для ближайшей обороны моста на береговых устоях и на одном из средних быков расположены каменные парные блокгаузы⁹³, приспособленные для ружейной обороны и для артиллерийской из небольших орудий. Дальняя артиллерийская оборона моста сосредоточена в батареях, расположенных скрытно на высотах левого берега Инда, правее станции Атток, о присутствии которых можно догадываться по высеченным в скалах дорожкам, ведущим наверх, и кое-каким сооружениям, расположенным на восточных скатах высот, в лощинах. От железнодорожной станции Атток, расположенной на левом берегу реки у моста, шоссе, прорублен-

ное местами в скалах, ведет к форту Атток, расположенному верстах в двух выше станции. Форт старой постройки, квадратного начертания; западный фронт расположен на самом берегу, восточный — на вершине холмов; таким образом, с правого берега Инда открывается все внутреннее пространство укрепления и свободно анфилируются⁹⁴ его северный и южный фасы; ниже форта, на островке, расположена старая башня, а на правом берегу у селения Хайрабад — старое сейкское укрепление.

От моста железнодорожный путь круто поворачивает на север, прорезывая высокие скалистые горы, близко надвинувшиеся к реке тремя туннелями, выходы из которых находятся под огнем с высот левого берега; ниже железнодорожного полотна, у подножья береговых утесов, проложено шоссе из Пешавера.

У Хайрабада железнодорожный путь выходит на Пешаверскую котловину, слегка всхолмленную высотами правого берега Кабул-дарьи. От станции Ноушера до Пешавера тянется ровная солончаковая степь. Ноушера — обширный, вновь выстроенный кантонмент; сюда уже переведены на стоянку 2 пехотных и 2 кавалерийских полка и одна туземная горная батарея. От Ноушера отходит узко-колейная железная дорога к Даргаю; через Кабул-дарью у Ноушеры перекинут железнодорожный мост.

В Пешавер мы приехали поздно вечером; на вокзале меня встретил капитан Уотс, адъютант генерала Барроу, начальника Пешаверского дистрикта, с приветствием от имени генерала, а через час мне подали письмо генерала с приглашением присутствовать на другой день на маневре войск Пешаверского гарнизона. Часов в 8 утра я был у крайних казарм кантонмента, где в ожидании приезда генерала Барроу собрался отряд в составе двух английских пехотных батальонов, двух пехотных туземных полков, пешей батареи,

туземного кавалерийского полка, всех обозов и двух полевых госпиталей. Вскоре приехал генерал; я представился ему и передал рекомендательные письма. Познакомив меня с чинами своего штаба, начальником отряда и командирами частей, генерал Барроу объяснил мне задачу, данную отряду. В Пешавере получено донесение, что Хайберские горцы восстали и, взяв Джамруд, наступают к Пешаверу. Гарнизон Пешавера, поднятый по тревоге, получил приказание выступить из города навстречу скопищу. Начальник отряда решил, выдвинув вперед конницу и авангард в составе одного батальона, главные силы отряда до выяснения обстановки расположить биваком у первого блокгауза на дороге Пешавер — Джамруд.

Затем генерал Барроу показал мне полученные накануне вечером телеграммы Рейтера о начавшейся у нас войне с Японией⁹⁵. В Абботабаде это известие еще не было получено, а на маленьких станциях на пути в Пешавер я не имел возможности достать газет, поэтому не знал, что война с Японией уже началась. Генерал и офицеры штаба выразили мне, как представителю русской армии, сочувствие несчастью, постигшему наш флот при первой атаке на Порт-Артур; однако, несмотря на всю корректность английских офицеров, видно было, что наши первые неудачи доставили им немало удовольствия. В связи с известием о вспыхнувшей войне этот неожиданно назначенный маневр, на который войска вышли со всеми обозами и госпиталями, имел, по-видимому, ближайшей целью проверку боевой готовности войск Пешаверского гарнизона, хотя генерал Барроу и говорил, что, вступив незадолго перед тем в командование дистриктом, он желал познакомиться со своими войсками во всех отношениях.

Конный полк продвинулся вперед еще раньше. После объезда генералом войск начальник отряда приказал уста-

новить гелиографическое сообщение⁹⁶ с конницей, и затем отряд начал движение по дороге к Джамруду. Сначала двинулись небольшие пехотные патрули, за ними шел шагав в 300–400 головной батальон английской пехоты, имея впереди для связи с авангардом пехотный патруль (*connecting scout*), за батальоном шли его лазаретные носилки по 2 на роту и мулы с патронами (по 16 мулов на батальон); за головным батальоном шла полевая батарея во взводной колонне, имея за каждым орудием по зарядному ящику; орудийные фейерверкеры и офицеры ехали сбоку своих орудий и взводов. За батареей шел второй английский батальон, а за ним — туземные полки, имея при себе свои лазаретные носилки и патронные ящики. Пехота шла в колонне по отделениям. Английская пехота шла быстрым и широким шагом; в туземных полках люди шли вяло, не в ногу, некоторые солдаты просто брели, хотя отряд только что двинулся с места. Знамен не было*. Все английские офицеры были верхом, туземные — пешком, причем все офицеры за исключением командиров частей, штаб-офицеров и адъютантов, не имели шашек, а были вооружены винтовками пехотного образца, но без штыков; офицер, бывший со мной, объяснил мне, что это — нововведение, установленное лордом Китченером по опыту бурской войны.

Непосредственно за войсками шел обоз в следующем порядке: мулы с водой (*water mules*), мулы с шанцевым инструментом (по 5 мулов на батальон), 40 фургонов двух полевых госпиталей, по два фургона в ряд, сенокосцы (*grasscutters*) на мулах и ослах, затем колесный обоз (двуколки) с кухон-

* В индо-британской армии вынос знамени не обставляется особыми почестями и вообще знамя не считается полковой святыней. На церемониальном марше его несут за задней шеренгой. При выступлении в поход знамена оставляются в полковых депо. Английские офицеры объясняют этот обычай довольно курьезно: полковые знамена, по их мнению, выдают расположение части, и кроме того, число знамен легко ориентирует противника относительно силы отряда.

ными принадлежностями, палатками, подстилочными принадлежностями и запасами продовольствия в ящиках (масло, чай, сахар, консервированное мясо), наконец, запасные мулы во вьючной амунии*. Общее количество двуколок было не менее 300. С обозом шло множество туземцев в качестве погонщиков, офицерской прислуги и camp followers. Прикрытие из английских и туземных солдат редкой цепью охватывало обоз с обеих сторон; в хвосте шла сомкнутая пехотная часть.

Дойдя до первого блокауза на Джамрудской дороге, отряд остановился, перейдя небольшой арык, и стал биваком; в 1-й линии стали два английских батальона, имея между собой батарею; во второй линии — туземные полки, в промежутке между линиями войск стал вагенбург⁹⁷ обоз.

По прибытии на место обоз был выпряжен, и погонщики, ослабив подпруги у мулов, но не снимая седел, повели животных на водопой. После водопоя полагается непременно вываживать мулов, причем применяется очень практичный прием, выработанный долгим опытом: 10–12 мулов привязываются один к другому, затем цепь первого зацепляется за седло последнего и в образовавшийся круг становится погонщик, под наблюдением которого мулы ходят по окружности час, полтора, до тех пор, пока не остынут спины под седлами, тогда мулы расседлываются и становятся на коновязи.

Бивачное расположение пехоты одинаково в английских и туземных полках. Батальоны располагаются в резервной колонне; офицеры в английских полках — при ротах, в туземных — особым биваком в тылу батальона; за ними — обоз; в артиллерии впереди — парк и за ним — коновязи, разбива-

* В нормальном походном порядке 2-й эшелон патронных ящиков, мулы с водой, шанцевый инструмент и санитарные повозки следуют за своей частью.

емые перпендикулярно фронту бивака, люди — в палатках по сторонам коновязей, офицеры и обоз — в тылу.

Меры охранения бивака были ограничены выставлением полковых и задних караулов, так как главный интерес представляла поверка готовности частей к выступлению в поход и укладка обозов. Объехав линии палаток, мы уехали в Пешавер; войска же были оставлены на биваке до вечера, чтобы дать им практику в варке пищи по походному.

С места бивака открывается вид на всю обширную Пешаверскую котловину. Прямо на запад виднеется темное ущелье Кабул-дарьи; несколько левее — седловина Хайберского прохода, впереди которой ясно видна высокая цитадель Джамруда. По дороге из Пешавера до Джамруда расположено 3 караван-сарая в виде небольших квадратных фортов с фланкирующими башнями. Железнодорожный путь к Джамруду уже кончен и по нему совершается правильное движение поездов. Кроме железной дороги от Пешавера к Джамруду проложено шоссе, на всем протяжении которого производился ремонт.

Вечер того же дня я провел в обществе генерала Барроу и нескольких офицеров.

Генерал назначен на пост командующего войсками Пешаверского дистрикта в конце прошлого года; прослужив в Индии много лет в качестве офицера генерального штаба, он хорошо знаком и с ее передовыми театрами по своему участию в русско-афганской разграничительной комиссии 1885 года⁹⁸. В последнюю китайскую экспедицию 1900 года⁹⁹ генерал занимал должность начальника штаба экспедиционного отряда; он — человек средних лет, крепкого здоровья и выдающейся энергии.

Генерал оказался весьма словоохотливым собеседником. Разговор, между прочим, коснулся тибетской экспедиции¹⁰⁰, которая наряду с начавшейся русско-японской

войной занимала внимание всего военного мира Индии. Генерал прямо сказал, что англичане имели целью лишь добиться исполнения договора, заключенного в 1898 году, но шум, поднятый нашей прессой и враждебный тон ее, а также посылка в Лхассу «бурят»¹⁰¹ заставили английское правительство принять более серьезные меры для обеспечения своих интересов в Тибете.

Вспоминая затем разные эпизоды из своей продолжительной службы в Индии, генерал припомнил посылку миссии генерала Столетова¹⁰², которая, по его мнению, была непонятным промахом со стороны такого умного и дальновидного государственного деятеля, как генерал Кауфман¹⁰³. «Эта ошибка генерала Кауфмана дала нам Кветту, — сказал генерал, — точно так же, как посылка французской миссии в Верхнюю Бирму¹⁰⁴ в 1886 году дала нам повод к занятию Бирмы*; но в то же время и мы сделали крупную и непростительную ошибку — не удержали Кандагара¹⁰⁵. Мы должны были и имели полную возможность оставить его за собой. Кандагар — не Кабул; население его не так фанатично¹⁰⁶, условия местности несравненно выгоднее для обороны, а главное — поддержать его из Кветты гораздо легче, чем Кабул из Пешавера».

При дальнейшем разговоре по некоторым замечаниям генерала о положении нашего противочумного кордона в Персии, составе наших консульств, до последних перемен в них включительно, а также о Кушке и Термезе, можно было заключить, что на посту командующего войсками Пешавера, одного из важнейших пограничных районов северо-западной Индии, англичане имеют человека, прекрас-

* Вероятно, генерал имел в виду посещение французской миссией и вскоре после того уступку китайцами французам двух небольших областей — Munglem и Kiang Hung — в верховьях Меконга, что вызвало занятие англичанами в 1897 году левого берега Верхнего Меконга.

но осведомленного с положением дел в соседних странах и внимательно следящего за ним.

Вернувшись в гостиницу, я узнал, что за время моего отсутствия из запертой комнаты выкраден чемодан; явившаяся по моему требованию полиция быстро отыскала его в нескольких шагах от отеля, чемодан оказался вскрытым, деньги были целы, но фотографии, письма, кое-какие книги, фотографический аппарат и бинокль (по виду очень похожий на камеру-бинокль) исчезли.

К счастью для меня, все записные книжки с заметками и вообще все, что могло представлять некоторый интерес для англичан, все это было постоянно при мне и только потому не попало в руки Пешаверской полиции, не без участия которой был произведен наглый грабеж. Все это было проделано, по-видимому, без ведома военных властей Пешавера, так как генерал Барроу и офицеры были непритворно возмущены этим неприятным инцидентом и откровенно высказывали свое негодование по поводу его*.

Из Пешавера я предполагал съездить сначала в Хайбер, а затем через Когат в Кушальгар. Но попытка получить разрешение на эти поездки была отклонена английскими властями, сначала под предлогом отъезда за границу полковника Дина, агента генерал-губернатора в Пограничной провинции, с которым будто бы необходимо было предварительно снестись, а затем мне довольно ясно дали понять, что разрешение не будет дано, так как при настоящих условиях посещение русским офицером приграничных районов английские власти находят неудобным. В виду этого я решил отправиться в Кветту, избрав для этой цели железнодорожный путь от Кембель-пура в Рори, левым берегом

* Очевидно, английская полиция не нашла ничего интересного в моих вещах и фотографиях, так как по возвращении в Бомбей я получил извещение, что все пропавшие вещи разысканы.

Инда, а оттуда по дороге через Болан. Береговая линия от Кембель-пура до Рори* однокорейная нормальная ширина (то есть 5 ф. 6 д.), которую имеют все важнейшие стратегические железнодорожные линии Индии. Обыкновенное движение по линии крайне слабо, так как она пролегает по пустынной малонаселенной местности. Линия имеет преимущественно стратегическое значение. Связывая все железнодорожные пути, подходящие к Инду от главнейших центров расквартирования войск в Пенджабе и Бенгале, она дает возможность с удобством перебрасывать войска с Хайберского направления на Кветтское и обратно.

От Кембель-пура до станции Dagote дорога прорезывает гряды высот левого берега Инда, пролегая местами в глубоких выемках, врезанных в скалах, или прорезывая их туннелями. Около станции Jalhar имеется 6 туннелей, каждый не менее 1000 фут. длиною. От ст. Джанд отделяется небольшая также ширококорейная ветка к станции Кушальгар Восточный; на правом берегу продолжением ее служит узкокорейная (2 ф.) линия Кушальгар — Когат — Таль, которую в недалеком будущем предположено протянуть к Банну. У Кушальгара через Инд перекинут висячий проволочный мост. Дальше описываемая дорога дает ветви к переправам на Инде у Иса-келя, Дера-исмаил-хана и Дера-гази-хана; все эти ветки предположено развить в обширную железнодорожную сеть на правом берегу Инда.

От Dagote'a, даже несколько выше, местность принимает степной характер; степь, покрытая песчаными буграми и поросшая густым чиём¹⁰⁷ попеременно с редкими кустами колючки и купами древовидного тамариска, занимает весь угол между Индом и Ченабом. Изредка встречаются

* Состоит из части главной линии Синд — Сагар (идущей от ст. Лаламуса к Шир-шаху на Ченаб) и ветви ее Кукдиан — Кембель-пур.

бедные деревушки, населенные патанами и белуджами; из более крупных населенных пунктов по дороге встречается лишь один городок Лия (Leiah), возникший, по-видимому, недавно, судя по новым двухэтажным домам, типа почти не встречающегося в Индии.

За Индом, течение которого обозначается темной линией леса, синее высокая горная цепь, первая гряда Сулеймановых гор. Ближе к Махмуд-коту, где отделяется ветка на Дера-гази-хан, местность несколько оживляется. В селениях попадаются небольшие рощицы пальм, заросли становятся гуще, но ближе к Ченабу местность принимает прежний характер. Подходя к Шир-шаху, железная дорога пересекает Ченаб. Река течет в низких пологих берегах высотой не более 1½ арш.; течение ее весьма медленно, масса отмелей. Железнодорожный мост, длиной в 3650 фут., имеет 17 пролетов каждый в 200 фут. На одном уровне с железнодорожным полотном устроен проезд для повозок, шириной в 15 фут. Мост обносится из таких же каменных блокаузов, как и индийский мост у Аттока.

У Шир-шаха (Sher-Shah) к береговой железной дороге примыкает железнодорожная линия из Лагора через Мультиан. Станция Шир-шах пока небольшая, но уже приняты меры для ее расширения — укладываются запасные пути и строится новая платформа.

За Шир-шахом характер местности прежний. У станции Бахаваль-пур железнодорожный путь пересекает Сетледж по мосту длиной в 4200 фут. Из 16 пролетов такого же устройства и с такими же приспособлениями для обгоны, как и Ченабский мост, и снова тянется по ровной степи, покрытой мелким кустарниками. У станции Самасата прибрежная дорога соединяется с дорогой Дели — Самата, главной линией для переброски войск из Бенгала на

Кветтское направление. Ближе к Рори растительность становится богаче, появляются посевы, пальмы.

Рори (Rohri) — небольшая станция, расположенная на известковых холмах левого берега Инда; в настоящее время здесь устраивается обширная система запасных путей, для чего приступлено к спланированию местности на значительном протяжении. Со станции железной дороги путь, прорезав узкую полосу песчаных бугров, вступает на Индский мост, состоящий из двух мостов: первый — одним пролетом длиною 900 фут. соединяет левый берег Инда с островом Буккур, второй — Буккур с правым берегом и состоит из трех пролетов (270, 230 и 90 фут.). Мост приспособлен к проезду повозок и движению пешеходов; обороняется из каменных блокгаузов, расположенных по концам моста и на острове Буккуре. Этот остров, покрытый густыми зарослями, имеет старые укрепления туземного типа.

С моста железнодорожный путь огибает западную опушку городка Суккур, расположенного на совершенно обнаженных известняковых и песчаниковых холмах. В Суккуре хороший вокзал, что редко встречается в Индии, и обширная система запасных путей (не менее 10). Верстах в двух от Суккура железнодорожный путь выходит из холмистой полосы, сопровождающей правый берег Инда; дальше до подножья гор Белуджистана, полосой шириною до 200 верст, тянется ровная степь, которая еще недавно носила название Синдской пустыни. В настоящее время, благодаря обширным ирригационным работам, произведенным индийским правительством*, Синдская степь уже далеко не представляет безотрадной пустыни как прежде, отличавшейся притом нестерпимыми летними жарами. Ближе к Инду, меж-

* Весной этого года вышел официальный отчет ирригационной комиссии Колэн-Скотт-Монхрифта (The Report of the Indian Irrigation Commission 1901–1903).

ду Суккуром и Шикарпуром, по сторонам дороги тянутся посевы пшеницы, кукурузы и джугары¹⁰⁸; дальше — обработанные поля прерываются широкими полосами степи, покрытой колючкой. Шикарпур и Джакобабад — небольшие уютные городки, утопающие в зелени садов; в обоих из них расположены небольшие гарнизоны из туземной кавалерии. Шикарпур кроме того до сих пор сохранил значение главного складочного места в торговле Индии шелком с Афганистаном.

За Шикарпуром тянется ровная степь, поросшая редкой колючкой и покрытая галькой. В Сиби отделяется ветвь в Бостан через Гарнай, поэтому здесь устроена обширная система запасных путей; имеются склады угля и паровозное депо. Отсюда главный железнодорожный путь направляется на северо-запад к станции Мушкаф, где втягивается в горы. Дорога проложена по высотам, составляющим левый край долины Болана, и местами прорезывает их туннелями, которых на одном перегоне Осепур — Панир имеется шесть; местами путь выходит из гор и тянется над долиной по скатам высот. От станции Панир поезд круто поворачивает почти на юг и пересекает долину Болана, шириною в этом месте не менее 6 верст; от станции Аби-гум, расположенной на другом краю долины, путь становится двухколейным, а подъем настолько чувствителен, что поезд движется с помощью двух паровозов — одного спереди, другого сзади. От станции Мач железнодорожный путь втягивается в Боланский проход, ширина которого местами не превышает двух — трех десятков сажень. Этим узким ущельем, загроможденным обломками скал, путь идет до станции Кольпур, где выходит на Шалькотскую или Кветтскую котловину; дальше путь вновь становится однокольным. Участок Мач — Кольпур наиболее интересный на всем протяжении пути и в техническом, и в воен-

ном отношении. Здесь строителям дороги пришлось считаться с крутыми подъемами, крутыми изломами ущелья, недостаточной его шириной и, наконец, с необходимостью обеспечить путь от разрушения разливами. Здесь чуть ли не на каждом шагу встречаются туннели и мосты, перекинутые через русло Болана на громадной высоте; местами рядом с действующими туннелями видны старые, расположенные ниже, ближе к руслу, и оставленные из опасения размыва, но до сих пор поддерживаемые на случай порчи верхних туннелей. На случай порчи тормозов или разрыва вагонных сцеплений устроены боковые ветви с обратным уклоном. На станциях, расположенных в проходе, имеются по три запасных пути, а на станции Мач — 6, кроме того запасные пути имеются при входе в туннели; на всех станциях имеются угольные склады, на некоторых содержатся партии рабочих, всегда готовых к исправлению повреждений. Все эти дорогие и трудно заменимые сооружения, порча которых надолго могла бы закупорить важнейший путь сообщения с Кветтой, приходится охранять даже в мирное время ввиду крайней ненадежности местного населения. Офицер, ехавший со мной в Кветту, рассказывал, что всего года четыре тому назад белуджи произвели нападение на пивной завод, расположенный в нескольких верстах от нее, разграбили его и перебили всех, кто там был; бывали также попытки попортить и дорогу. Для охраны наиболее важных сооружений поблизости от них расположены башни, занимаемые постами; небольшие военные посты расположены на станциях, где имеются кроме того железнодорожные полицейские-туземцы (Railway Police), вооруженные 6-ти линейными курковыми ружьями; эти стражники выходят к приходу каждого поезда и время от времени обязаны патрулировать свой участок пути.

От Кольпура до Кветты поезд идет по Шалькотской котловине, покрытой мелкой верблюжьей колючкой и изредка посевами, принадлежащими местным белуджам.

Дополнением Боланской железнодорожной линии служит шоссе, отлично устроенное на протяжении Боланского прохода, где оно часто перекрещивается с железной дорогой; шоссе с каменными мостами, барьерами и с каменной облицовкой скатов к реке; ниже Мача в расширенной части ниже Болана шоссе представляет простую грунтовую дорогу, расчищенную от камней в ширину сажени на 2.

Подъезжая к Кветте, я решил остановиться на почтовой станции (*dak-bungalow*), но на станции Аби-гум в отделение вагона, где я сидел с двумя английскими офицерами, случайными спутниками от Шикарпура, вошел пожилой штатский и, отрекомендовавшись майором Ramsay, вр. исполняющим, за отъездом полковника Йета, должность агента генерал-губернатора в Белуджистане, пригласил меня остановиться у него, в агентском доме. Я отговаривался, но майор заявил, что в дак-банголоу производится ремонт, а других помещений нет, и настойчиво повторил свое приглашение. Делать было нечего; пришлось принять приглашение майора. Возможно, что приглашение это было вызвано желанием иметь меня постоянно под своим непосредственным надзором, но, во всяком случае, майор и его жена оказались в высшей степени гостеприимными и радушными хозяевами.

На другой день по приезде в Кветту я представился командующему войсками Кветтского дистрикта генералу Smith-Dorrien. Генерал принадлежит к числу боевых и наиболее выдающихся генералов индо-британской армии. Ему всего 46 лет; он участвовал во многих экспедициях, между прочим, в экспедиции против зулусов¹⁰⁹, но особенно выдвинулся в последнюю южно-африканскую войну¹¹⁰, которую начал подполковником, а кончил генерал-майором,

получив вместе с тем пост начальника дивизии. Его бригада решила исход сражения при Падерберге. Небольшого роста, плотный, коренастый человек, отличный ездок. Генерал пользуется цветущим здоровьем; обладая ровным, спокойным характером, он в то же время слывет за человека в высшей степени энергичного и настойчивого; среди своих подчиненных генерал пользуется большим авторитетом, как знаток военного дела и человек с широкими взглядами. Общее мнение таково, что генерал Китченер не мог сделать лучшего выбора на такой важный пост начальника Кветтского дистрикта.

Генерал принял меня весьма приветливо. Узнав, что я желал бы вернуться в Россию через Сеистан, генерал Смит-Дорриен заявил, что при других обстоятельствах он постарался бы сам выхлопотать мне это разрешение, не придавая никакого значения проезду русского офицера через Белуджистан и, во всяком случае, собственною властью разрешил бы мне побывать в Чамане и Нушки; но теперь, когда носятся слухи о мобилизации войск Туркестана^{III}, индийское правительство не находит возможным разрешить мне проезд через Белуджистан. В заключении генерал добавил, что он не считает нужным скрывать от меня, что им получено категорическое указание не пускать меня далее Кветты. Вечером того же дня я получил в ответ на свое частное письмо, посланное с дороги полковнику Дину, военному секретарю вице-короля, телеграмму такого содержания: «В ответ на письма Ваше от 13 февраля я сожалею, что позволение проехать по Нушкинской дороге в Сеистан не может быть дано, так как эта дорога еще не открыта для иностранцев»*.

* To Your letter of 13th February I regret that permission to proceed by Nushki route to Seistan cannot be given as this route is not as yet open to foreigners.

Ссылку на то, что дорога не открыта для иностранцев, очевидно, нужно понимать в том смысле, что под иностранцами разумеются европейцы, так как сеистанским торговцам, персидским подданным, проезд не воспрещен. Познакомившись с условиями, которыми обставлен пропуск караванов из Кветты, я убедился, что выйти отсюда незамеченным было невозможно, а без каравана, хотя бы в самом минимальном составе, идти в Сеистан было немыслимо.

Убедившись, что пройти в Сеистан не удастся, и, замечая, что пребывание мое в пограничной полосе становится нежелательным для англичан, хотя английские власти по-прежнему были корректными и любезными, я решил вернуться в Бомбей. Генерал Смит-Дорриен разрешил мне осмотреть в Кветте все, что я найду интересным. Но, к несчастью, во время пребывания моего здесь стояла отвратительная погода: каждый день шел снег попеременно с дождем. Войска не производили никаких занятий, но в первый же более сносный день мне показали ученье английской горной батареи, 126-го Белуджистанского полка, 2-й и 14-й кадры муловых транспортов, военную хлебопекарню и форт Мири.

В состав гарнизона Кветты в это время входило 2 английских батальона, 3 туземных полка, один туземный кавалерийский полк, 3 горных батареи, рота саперов и 2 роты крепостной артиллерии. Из состава артиллерии в Кветте были только две горные батареи. Остальные артиллерийские части были передвинуты, по-видимому, в Пишин или в Чанам, так как ввиду сведений о наших военных приготовлениях в Туркестане уже начались кое-какие изменения в дислокации индийской армии; около того же времени 36-й кавалерийский полк, стоявший в Джакобабаде, был передвинут в Пишин.

Горные английские батареи организованы так же, как и туземные, и вооружены точно такими же пушками. Ан-

глийские офицеры говорили, что предполагается приступить к перевооружению горной артиллерии скорострельными пушками, но образец ее окончательно еще не выработан; вместо револьверов, которыми вооружена теперь артиллерийская прислуга, решено дать всем артиллеристам в полевых, конных и горных батареях карабины кавалерийского образца.

126-й пехотный Белуджистанский полк комплектуется белуджами, афганцами (каттаки и вазирь), сейками и хезаринцами. Оседлого хезаринского населения в пределах Индии мало, главная масса солдат этой национальности уроженцы Уджаристана и Урастана, горных областей в верховьях Гильменда. Сильно притесняемые афганцами хезаринцы в большом числе бегут из Афганистана в пределы Персии и частью в Индию; англичане очень охотно принимают их и вербуют их в свои войска, преимущественно в пехотные полки.

Хезаринцы — потомки монголов, загнанных в недоступные горные тущобы центрального Афганистана позднейшими завоевателями. Среднего роста, крепкие, привычные к горам, воинственные, хезаринцы представляют отличный военный материал, притом надежный в случае столкновения с афганцами, по их кровной вражде с этим народом.

В настоящее время хезаринцами комплектуются 8 рот в составе 4 полков, но, по словам английских офицеров, предполагается пользоваться этими источником комплектования в значительных размерах.

2-й и 14-й кадры муловых транспортов организованы почти одинаково; вся разница заключается в том, что при мобилизации первый из них развертывается в транспорт из 834 повозок, второй из 860. Материальная часть их одинакова с материальной частью транспортов, осмотренных

мною в Лагоре, но муловый состав показался мне несколько лучше, в особенности во 2-м транспорте, предназначенном для обслуживания кавалерийской дивизии 3-х полкового состава. При обходе кадров я заметил, что производился пересмотр и приведение в порядок материальной части кадров; возможно, что это было вызвано теми же слухами, в силу которых были произведены передвижения некоторых войсковых частей.

Гарнизонные хлебопекарни готовят белый хлеб для всех английских войск Кветтского гарнизона; производительность одной выпечки 2200 двухфунтовых булок, что составляет около 110 пуд. В военное время гарнизонная хлебопекарня выделяет полевые хлебопекарные отделения, сопровождающие войска. Хлеб превосходного качества из белой чистой муки.

Форт Мири, цитадель Кветты, расположен на северной опушке английского кантонмента, близ железнодорожного вокзала; по начертанию почти квадрат, охваченный толстой глинобитной стеной, высотой до 2-х саж., прикрытый спереди сухим рвом и небольшим гласисом. Для фланкирования фасов имеются по углам полукруглые выступы — барбетты. Центральную часть форта занимает высокий, почти круглый холм, приспособленный к обороне. Длинная аппарель¹¹² ведет в коридор, который дает разветвления в каменные казематы¹¹³, расположенные на середине высоты холма, а также к открытым барбетам и банкету¹¹⁴, расположенным наверху холма. Башни и барбетты приспособлены к артиллерийской и ружейной обороне; под барбеттами имеются казематы, приспособленные только для ружейной обороны; в стенах коридора расположены погреба и ниши для артиллерийских запасов.

В промежутках между наружной стеной форта и холмом расположены казармы гарнизона, склады и железнодорож-

ные мастерские. Форт не представляет особенно сильного укрепления и имеет значение лишь опорного пункта.

С вершины холма открывается вид на всю Кветту и ее ближайшие окрестности. Кветта, занятая во время первой афганской войны¹¹⁵, лежит почти в центре овальной долины, окаймленной с востока скалистым хребтом Мадар, с севера — Такату, с запада — Машалык, с юго-запада — Чильпан и с юго-востока — хребтом Зирхун, соединенными между собою пониженными перемычками. Котловина имеет до 12-ти миль в длину и около 5-ти миль в ширину. Кветта представляет чистенький, красивый городок, разделенный широкими аллеями тополей. По долине разбросаны хутора, окруженные абрикосовыми садами. Благодаря значительной высоте местности (около 5½ т. фут.), умеренному климату, а, главное, энергичным мерам, принятым англичанами для оздоровления местности, Кветта в настоящее время является одною из лучших в санитарном отношении стоянок англо-индийских войск. Всего 15–20 лет тому назад Кветта считалась худшей, так как стоянка в Кветте губительно отражалась на здоровье войск; с особенною силою свирепствовал здесь тиф, что приписывалось, главным образом, близости грунтовых вод и дурному качеству питьевой воды. Теперь произведен дренаж почвы, устроена кяризная система орошения¹¹⁶ и с особенною заботливостью организовано снабжение войск водою из ключей, защищенных и обеспеченных от загрязнения. Санитарные условия настолько улучшились, что за последнюю зиму в английском гарнизоне было наблюдено только 27 случаев легких заболеваний, преимущественно простудных.

Укрепления Кветты заключаются в описанном выше форте. Кроме того, у подошвы Такату, по сторонам железнодорожной линии в Чаман видны линии укреплений; главные же оборонительные средства англичан на направлении

Кандагар — Кветта сосредоточены, как известно, у Чамана и Пишина.

С целью хотя бегло познакомиться с Пишинским плато, я хотел проехать из Кветты на Бостан и вернуться по Синд — Пишинской дороге, но майор Рамсей заявил мне, что у Котри там до сих пор не исправлен путь, разрушенный оползнями, происшедшими незадолго перед тем между станциями Манги и Дирги. Хотя движение было уже восстановлено, я, видя, что английские власти решили не пропускать меня далее Кветты, принужден был вернуться по Боланскому проходу и от ст. Рук свернул на юг, чтобы осмотреть переправу и познакомиться с характером местности вдоль линии Гайдерабад — Марвар, прорезывающей южную часть Биканирской или Великой Индийской пустыни.

Котри — небольшой город, расположенный на правом берегу Инда у подножия плоской гряды, которая тянется верстах в $1\frac{1}{2}$ от берега. Левый берег Инда у Котри низкий, болотистый, поросший камышом и редкими кустарниками. Мост из 6-ти пролетов, общей длиною 1984 фут., с одноколейным железнодорожным полотном и узким проходом для пешеходов и всадников; обороняется мост из каменных блокгаузов, такого же устройства, как и на остальных индийских мостах. Верстах в 5-ти от моста на левом берегу расположен г. Гайдерабад со старым фортом, расположенным на высоте. От Гайдерабада до Ахмедабада железнодорожный путь имеет метровую колею (metro-gauge-3 фут. $3\frac{3}{8}$ д.).

От Гайдерабада путь протекает по ровной глинистой степи, поросшей мелкой колючкой; изредка встречаются небольшие селения и посевы. За станцией Тандо-Джам, верстах в 35 от Инда, показываются сначала мелкие глинисто-песчаные бугры, поросшие колючкой, которые близ станции Шор (Chhor, 90 миль от Инда) переходят в высо-

кие (до 10-ти саж.) барханы, залегающие грядами, почти параллельными Инду; на барханах изредка встречаются колючки, а в обширных плоских котловинах между буграми поросли чия.

Этот характер местности сохраняется почти до станции Люни, которая лежит уже за пределами Биканирской пустыни.

Население вдоль описанного участка пути крайне редко, изредка встречаются соломенные шалаши пастухов-раджпутов со стадами коз. Станции малы; воды очень мало; добывается она из колодцев и расходуется так скупно, что даже пассажирам выдается с особого разрешения начальника станции. Неудовлетворительное водоснабжение, плохой балласт¹¹⁷ и малый вес рельсов, а также недостаток разъездов обуславливают слабую провозоспособность этой важной в стратегическом отношении линии, которая представляет ближайший железнодорожный путь для подвоза войск и грузов из Бомбея к Кветте, поэтому в последнее время поднят вопрос или о капитальной перестройке ее*, или же о постройке ширококолейной линии Ахмедабад — Гайдерабад через Диза (Deesa) и Наггур. Ввиду неудовлетворительного оборудования линии Гайдерабад — Марвар европейцы избегают ее, направляясь из Бомбея в Кветту через Карачи или же кружным путем через Батинду, Лагор и Мультиан.

От станции Люни снова появляется растительность, которая становится все богаче и разнообразнее по мере приближения к станции Марвар, где Биканирская дорога примыкает к линии Дели — Ахмедабад, также однокорейной и метровой. От Марвара железнодорожный путь протекает уже по густонаселенной местности, покрытой цветущи-

* До 1901 г. на участке Haiderabad-Shadi-palli шла широкая колей.

ми кустарниками, деревьями, густой травой и отдельными остроконечными вершинами, постепенно втягиваясь в гористую полосу Западной Индии.

От Ахмедабада метровая колея заменяется широкой колеей.

Вернувшись в Бомбей, я воспользовался случайно зашедшим туда французским пароходом и на нем вернулся в Европу.

Закончив общий очерк моей поездки, я попытаюсь сделать на основании своих впечатлений и наблюдений, местами пополненных сведениями из военной литературы, несколько замечаний относительно индо-британской армии, вообще в связи с общим военным положением англичан в Индии.

С назначением лорда Китченера главнокомандующим индийской армией по всем отраслям управления последней началась небывало оживленная деятельность. Человек с широкими взглядами, обширным боевым опытом, вынесенным из войны франко-прусской, в которой он участвовал в рядах французской армии, из экспедиций: египетской, суданской и из последней южно-африканской войны, человек непреклонного характера — лорд Китченер с железной энергией принялся проводить меры, направленные к усилению боевой готовности индо-британской армии с целью создать из нее силу, пригодную не для одних экспедиций против пограничных горцев, но для большой войны, войны европейского масштаба. Суровый режим нового главнокомандующего, составляющий резкую противоположность мягкости и снисходительности его предшественника генерала Памэра¹¹⁸, сильно не нравился английским офицерам; лорд Китченер, видимо, не пользуется их симпатиями, но в то же время его энергия, настойчивость и трудолюбие внушают общее уважение.

Требую от своих подчиненных серьезной и вдумчивой работы, он сам, по отзывам офицеров, работает больше всех. Некоторые намеченные им меры встречены несочувственно военным миром Индии (иногда по причинам чисто личного свойства), но общее мнение таково, что в сравнительно короткий срок своего пребывания во главе армии лорд Китченер сумел заметно поднять общий уровень ее боевой готовности.

Однако из важнейших мер, принятых в этом направлении, следует признать освежение высшего командного состава армии. Генералы, занимающие наиболее высшие и ответственные посты, заменяются лицами, сравнительно молодыми. Генералы Гентер, Смит-Дорриен, Барроу и Вилькоккс¹¹⁹ — все это люди еще не достигшие 50-ти летнего возраста и выдвинувшиеся своей боевой службой.

Офицерский состав в английских частях, принимавших участие в южно-африканской войне¹²⁰, сравнительно очень молодой; приходилось встречать капитанов не старше 30-ти лет; в полках, не участвовавших в этой войне, и состав европейских офицеров в туземных полках, очень стар; чин майора достигается не ранее 22–24 лет службы. Для освежения состава офицеров в этих частях лорд Китченер с неумолимою строгостью стал применять закон о предельном возрасте и об увольнении в отставку командиров частей, прокомандовавших частью установленный срок и не получивших назначения на высшую должность.

Специально-военная теоретическая подготовка английских офицеров, по-видимому, несколько ниже наших. Затем, английские офицеры, смотря на военную службу как на ремесло, обеспечивающее им известный заработок и положение в обществе, не увлекаются ею и даже мало интересуются ею; не заботятся, без побудительного воздействия сверху, об усовершенствовании

в своей специальности и приобретении познаний по другим отраслям военного дела. В массе офицеры мало читают и мало ознакомлены с тем, что делается в соседних с Индией странах*. Для пополнения запаса сведений, выносимых из военных училищ, в армии заведены разные курсы, а с назначением лорда Китченера установлены прикомандирования офицеров пехоты и кавалерии к артиллерийским полигонам, саперным частям, обозным кадрам, введены тактические занятия и полевые поездки строевых офицеров (*Regimental tours, Staff Rides*); в общем офицеры приобретают преимущественно практическим путем вполне достаточный запас сведений, чтобы сознательно руководить действиями своих подчиненных при всякой обстановке действий войск в поле.

Следует также отметить, что до лорда Китченера младшие английские офицеры почти не принимали участия в деле подготовки войск; в туземных полках деятельность их ограничивалась наблюдением за ведением дела туземными офицерами; теперь же они все более и более привлекаются к непосредственной работе по обучению войск и некоторые отделы обучения: стрельба, тактическая подготовка, сигнализация, занятия с пулеметами всецело ведутся ими. При новых порядках, введенных лордом Китченером, офицерам приходится несравненно меньше времени посвящать всевозможным видам спорта и играм и пользоваться продолжительными отпусками. Право на 11-ти месячный отпуск через каждые пять лет сохранено, но новый главнокомандующий строго ограничил разрешение кратковременных отпусков, а также практиковавшиеся в прежнее

* Что не мешает, однако, главному штабу армии и пограничным штабам быть прекрасно осведомленными обо всем, что делается у нас в Туркестане, благодаря хорошо организованной системе разведок через пундитов¹²¹ и постоянных агентов, содержащимся в важнейших пунктах края.

время в широких размерах отсрочки, в силу которых офицер по 1½–2 года не являлся в часть.

В туземных войсках главная масса работы все-таки по-прежнему лежит на туземных офицерах. По своим познаниям они стоят не выше наших унтер-офицеров, но благодаря продолжительной службе из них выработался такой опытный и прочный кадр, каким не обладают европейские армии. Положение туземных офицеров в армии, мне кажется, вполне удовлетворяет их материальным и нравственным запросам. В отношении нижних чинов они пользуются должным авторитетом, который заботливо поддерживается их английскими сотоварищами. Отношение этих последних к туземным офицерам, во всяком случае, нельзя приравнять к отношению англичан вообще к туземцам, какое отличается полным и нескрываемым презрением. В отношениях же английских офицеров к своим туземным сослуживцам замечаются уже признаки товарищества и взаимного уважения. Правда, туземные офицеры, независимо от чина, считаются младше всех английских офицеров части, они не состоят членами офицерских месс, английские офицеры не подают им руки, но, с другой стороны, они принимают участие в различных спортивных развлечениях своих английских товарищей, напр. в игре в поло, что невозможно для других туземцев, пользуются правом голоса на полковых дурбарах, наконец, в обращении к ним английскими офицерами соблюдаются известные формы вежливости. Только командир полка позволяет себе называть туземных офицеров просто по имени, другие же английские офицеры, обращаясь к туземным офицерам, называли их по чину с прибавлением слова «сахиб»^{122*}.

* По крайней мере, так делалось в моем присутствии.

Туземные офицеры лишены надежды на повышение до должности командира части, но на это они, сознавая недостаточность своей подготовки, вряд ли претендуют. Причины, вызывавшие неудовольствие офицеров и поведшие в связи с другими к восстанию 1857 г., теперь до некоторой степени устранены установлением в туземных полках для английских офицеров должностей командиров двойных рот, что открыло туземным офицерам должности ротных командиров. Вопрос о дальнейшем повышении обострится, когда в рядах армии появятся питомцы недавно учрежденного кадетского корпуса¹²³; пока же положение туземных офицеров нельзя назвать неудовлетворительным, во всяком случае, оно настолько удовлетворяет их, что звания офицера в туземной регулярной армии добывается молодежь из вполне обеспеченного землевладельческого туземного населения Индии. Это обстоятельство в связи с принимаемыми правительством мерами по обеспечению старости офицеров, указывает, что англичане имеют основание рассчитывать на преданность туземных офицеров своей армии.

Состав английских войск не изменился к лучшему, так как система комплектования осталась без изменений. Но в отношении туземной армии лорд Китченер провел меру, которая, по общему мнению, должна значительно улучшить ее состав.

С прошлого года отменена существовавшая раньше нумерация полков отдельно по корпусам (прежним армиям) и установлена новая, общая по всей армии. Пехотные полки получили №№ с 1-го по 130-й (с пропуском некоторых №№), причем некоторым полкам кроме № присвоены наименования, указывающие на преобладающий элемент комплектования (напр. сейкские полки, дограсские, джатские, патанские); гуркаские стрелковые полки имеют свою особую

нумерацию с 1-го по 10-й; кавалерийские полки носят №№ с 1-го по 39-й (с пропуском № 24-го).

Эта мера была встречена в армии не очень сочувственно, говорили, что отмена прежних названий, под которыми полки составили себе боевую репутацию, подрывает традиции полков, обезличит армию. Но большинство все-таки сходитсся во мнении, что с установлением общей нумерации по армии явилась возможность с большей свободой изменять дислокацию армии и в связи с этим пользоваться для комплектования ее лучшими контингентами.

В прежнее время во избежание крупной ломки мирной организации полки Мадраасской армии приходилось держать почти исключительно в пределах соименной провинции; в силу этого приходилось пользоваться почти исключительно контингентами из местных племен, которые по своим физическим и нравственным качествам представляют несравненно худший военный материал, чем уроженцы Пенджаба, сейки, догры и др. туземцы Северной Индии. С другой стороны, ввиду отдаленности Мадраса и нездоровости его климата среди северных племен охотников служить в Южной Индии находится мало. Теперь же с уничтожением нумерации по корпусам решено через каждые 3–4 года менять дислокацию, переводя части из района одного корпуса в другой; вместе с тем решено приступить к замене контингентов Южной Индии уроженцами Северной, преимущественно сейками и пенджабцами. Несколько полков бывшей Мадраасской армии уже распущено и набрано вновь из других контингентов. Таким же переформированиям подвергнутся, по-видимому, и некоторые части Бомбейского корпуса, состав которых признается не совсем удовлетворительным.

Из всех родов оружия индо-британской армии слабее других показалась мне туземная конница.

Не вполне удовлетворительный конский состав, а также недостаточный оклад содержания, получаемого нижними чинами, недостаточный в сравнении со всей суммой расхода по содержанию себя и лошади, не дают возможности предъявлять к конным частям строгие требования относительно слаженности и подготовки к полевой службе. Но так как правительство уже обратило усиленное внимание на улучшение конского состава туземных кавалерийских полков, то нужно полагать, что успех, достигнутый в этом направлении, не замедлит отозваться на боевой подготовке туземной конницы.

В артиллерии предстоит перевооружение полевых батарей скорострельными 18½ фунт. пушками; необходимый расход уже внесен в военную смету будущего года, но пока на вооружении стоят еще прежние 12½ фунт. пушки 3-х дюйм. калибра.

Относительно горной артиллерии уже было отмечено, что английские пушки, будучи свинтными, обладают весьма большою начальною скоростью и дальностью. В настоящее время индо-британская армия располагает 20-ю шести-орудийными горными батареями*.

Свинтными горными пушками вооружены и все горные батареи афганской армии, которых насчитывается также не менее 20-ти. Таким образом, в случае столкновения в ближайшем будущем с соединенной англо-афганской армией нам придется иметь дело с противником, располагающим подавляющим числом горной артиллерии, значительно превосходящей нашу, и дальностью и действительностью стрельбы.

* По английским источникам, состав афганской регулярной армии следующий: 80 бат. пехоты, в среднем по 700 чел. в батальоне, 40 полков кавалерии, по 400 чел. в полку, и 100 шести-орудийных батарей (горных, полевых и осадных). Кроме того, 4 пехотных гвардейских батальона, в каждом по 1000 человек и 3 полка гвардейской конницы по 800 человек.

Выше, в общем очерке уже были отмечены некоторые недочеты в строевом обучении индийских войск, особенно туземных: плохая выправка, отсутствие молодцеватости, стройности движений; все это довольно резко бросается в глаза, но, по-видимому, не имеет особенного значения в глазах англичан, выдвигающих на первый план стрельбу и тактическую подготовку войск.

При обучении стрельбе, как уже было сказано выше, большое внимание обращается на поучительность стрельбы в тактическом отношении, но выбиванием процентов увлекаются мало. Двухсторонние маневры с назначением лорда Китченера получили широкое применение в деле боевой подготовки. В прошлом году, кроме больших маневров под Раваль-пинди, где маневрировали сводные корпуса и практиковалось массирование кавалерии, маневры отрядами силою до бригады пехоты с придачей соответствующего количества кавалерии и артиллерии были произведены в Бенгале близ Аллахабада и в районе Бомбейского корпуса близ Пуны, причем в последнем случае войскам указано было особенное внимание обратить на оборону и атаку переправ и ночные действия.

Вопрос об устройстве санитарной части разработан детально; заведены кадры и имущество для формирования санитарных учреждений, формируемых с приведением армии на военное положение.

Многочисленность обозов по-прежнему составляет большое место индо-британской армии, но ее следует приписать привычке английских офицеров и солдат к излишнему комфорту. Устройство же обозной части по принятому типу материальной части, подбору вьючных и упряжных животных, а также по подготовленности личного состава обозных кадров — удовлетворяет самым строгим требо-

ваниям. За исключением пушечных заводов* в Индии уже имеются учреждения и заведения для снабжения армии всеми видами довольствия, чем достигнута полная независимость Индии от средств метрополии и уменьшена опасность перерыва морских сообщений.

В последнее время лордом Китченером проектирована еще одна мера, которая должна усилить мобилизационную готовность индо-британской армии, а именно — прочная организация войсковых штабов, во избежание импровизации их в военное время и создание отдельного генерального штаба для индийской армии.

Подготовка офицеров генерального штаба, получаемая ими в Staff College¹²⁴, действительно мало превышает средний уровень знаний строевого офицерства и совсем не отвечает особенностям службы в Индии. Для подготовки офицеров генерального штаба специально для индийской армии проектировано учреждение академии в Кветте¹²⁵, выбор которой объясняется, прежде всего, благоприятными климатическими условиями этого города, а, во-вторых, быть может, стремлением ознакомить будущих офицеров генерального штаба уже во время прохождения курса с районом, наиболее важным в стратегическом отношении.

В отношении увеличения численности индо-британских вооруженных сил пока ничего крупного не сделано, но настоятельная необходимость его уже признана и, как известно, служит предметом обсуждения военной прессы и правительственных сфер. Наряду с этим возбужден вопрос о резервах регулярной англо-индийской армии. Туземная регулярная армия имеет свой резерв численностью до 23-х тыс. человек, по своему назначению соответствующий

* Пушечный завод предполагено устроить в будущем году в Косипуре.

нашим запасным батальонам. Английская армия не имеет своего резерва, и возможность получения ею укомплектований находится в полной зависимости от безопасности морских сообщений Индии с метрополией. В начале этого года, незадолго до начала нашей войны с Японией, индийская пресса обсуждала вопрос о силах, какими располагает Англия в Индии на случай столкновения с Россией и вопрос о подкреплении их из метрополии. По словам наиболее осведомленной из военных газет Индии Pioneer'a безопасная перевозка войск из Англии могла бы начаться не ранее 6-ти месяцев со дня объявления войны при условии свободного пользования Суэцким каналом, и не менее 9-ти месяцев, если канал будет блокирован флотом противника. Газетой указывалась настоятельная необходимость иметь при всех английских пехотных батальонах, расположенных в Индии, 9-е роты (полковые депо), чтобы поставить их в более независимое положение от округов комплектования. Проект этот, по-видимому, имеет много сторонников, но будет ли он проведен, пока неизвестно.

В настоящее время численность индо-британской регулярной армии определяется в 236 тысяч человек, в том числе 78 тысяч английских войск и 158 тысяч туземных. С волонтерами, резервами туземной армии и войсками имперской службы общая численность вооруженных сил в Индии достигает 300 тысяч человек.

Бурская война сильно подорвала боевую репутацию английской армии. Конечно, основная причина ее неудач — система комплектования — осталась неизменной, но необходимо иметь в виду, что на устранение других недочетов, обнаруженных этой войной, направлена теперь вся энергия лорда Китченера и нам, в случае столкновения с англичанами, придется иметь дело с противником, для которого его неудачи прослужили спасительным уроком.

Туземная армия состоит из лучших контингентов, какими только располагает 280-ти миллионное население Индии и представляющих отличный военный материал. Искусным сочетанием составных элементов этой армии англичане ослабили опасность ее в смысле оружия, которое может обратиться против них же самих. Мерами привлечения на свою сторону офицеров они обеспечили себе до некоторой степени преданность армии, так как преданность ее есть, прежде всего, и, пожалуй, всецело, вопрос преданности туземных офицеров. С другой стороны, разнородность армии и отсутствие идеи, которая сплачивала бы ее и могла бы поддержать в минуту испытания, составляют источник ее слабости; но, во всяком случае, осторожнее будет рассчитывать, что до тех пор, пока не будет нанесено тяжелого удара, эта армия останется преданной англичанам и будет драться за них так же хорошо, как дралась она против афганцев под начальством лорда Робертса на высотах Чар-асиба и на полях Кандагара¹²⁶.

Является вопрос, где вероятнее всего будут использованы вооруженные силы Индии в случае столкновения с нами. За исключением Раваль-пинди на территории Индии нет ни одного укрепленного пункта, который можно было бы назвать крепостью европейского характера. Линия Инда укреплена слабо; все имеющиеся здесь укрепления представляют или форты азиатского типа или блокгаузы для ближайшей обороны железнодорожных постов. Это может служить указанием, что англичане отказались от идеи обороны Индии непосредственно на ее территории. Стремление отдалить район борьбы от своих индийских владений из опасения восстания местного населения, конечно, имело существенное значение в плане обороны, но вряд ли решающее.

Англичане не без оснований говорят, что «Индия скорее континент, а не страна». Действительно, Индия представ-

ляет ряд областей, объединенных одним именем, но резко различающихся между собой физическими условиями, и населенных племенами, которые не только не имеют ничего общего по своему этническому происхождению, языку, обычаям и вероисповеданию, но некоторые даже питают друг к другу в силу исторических условий непримиримую ненависть. Отдельные вспышки против англичан, конечно, возможны, но трудно сказать, что могло бы объединить 280-ти миллионную массу населения Индии и поднять ее против англичан. Ненависть к англичанам? Об ней мы знаем из рассказов угодливых гидов и людей, личные интересы которых пострадали с водворением английского господства, напр. потомков мелких владетелей. Но еще вопрос, что считает лучшим народная масса: теперешнюю ли зависимость от англичан, правда тяжелую экономически, но обеспечивающую народу возможность предаваться мирным занятиям, или прежний порядок, когда бесконечные и постоянные взаимные счеты и распри мелких владетелей и частые вторжения внешних врагов лишали индуса всякой уверенности в завтрашнем дне. С этой точки зрения можно думать, что население Индии в борьбе нашей с Англией будет играть, во всяком случае, второстепенную роль; вернее, борьба решится без его участия.

Можно полагать, что решающее значение в выборе плана обороны Индии имели другие факторы и прежде всего — стремление англичан использовать сильные оборонительные свойства приграничной за-индской полосы, на подготовку которой, как театра военных действий, обращено теперь самое усиленное внимание индийского правительства.

Прежде всего, следует отметить ряд железнодорожных линий, проложенных к важнейшим перевалам в приграничных хребтах, таковы линии: Ноушера-Даргай — к Малакандскому перевалу, Пешавер-Джамруд — к Ходжакскому,

Кветта-Нушки — к перевалу Калян-Барак; в последнее время проектирована еще линия от Дера-исмаил-хана к Гарнаю, долиной Схоба, имеющая важное значение для ближайшей связи войск, оперирующих на Хайберском и Кветтском направлениях.

На развитие укреплений лагеря на Пишинском плато ассигнованы большие суммы и в декабре прошлого года там производились обширные работы. Сильные укрепления возводятся по последним сведениям у Чамана.

Значительно увеличивается численность войск в приграничной полосе. В Пешавере, Наушера и Кембель-пуре я видел новые еще не занятые войсками казармы и вновь строящиеся. Новые казармы, не менее как на бригаду, предположено построить и в Дера-гази-хане. Изменение дислокации вызвано отчасти учебными целями — стремлением лорда Китченера, отказавшись от прежней разброски войск по всей территории Индии, сосредоточить их в нескольких пунктах крупными гарнизонами, чтобы возможно поучительнее обставить занятия войск и дать практику в командовании крупными частями старшим войсковым начальникам. Но так как новые пункты расквартирования войск избраны в пограничной полосе или вблизи ее, то произведенные изменения дислокации имеют в основе стратегические соображения и, по-видимому, находятся в связи с общим изменением дислокации армии в направлении к северо-западной границе, проектированным лордом Китченером.

Перемещение главной массы армии на северо-запад Индии в связи с направлением, которым отмечена в последнее время пограничная политика индийского правительства, дает основание полагать, что англичане намерены придать обороне своих владений более активный характер, не останавливаясь даже перед захватом далеко выдвинутых вперед

районов, важных в стратегическом отношении. Не останавливаясь на замыслах англичан относительно Сарыкола и Раскема, которые не имеют непосредственной связи с северо-западной границей, отмечу только попытки продвинуться в долину Кунара и Свата. Занятие этих долин, обеспечивая сообщения с Читралом, в связи с усилением войск в последнем и сведениями о рекогносцировке и разработке дорог через перевалы Гиндукуша в Бадахшан, указывает на возможность появления в Бадахшане сильного англо-афганского отряда, который, угрожая флангу наших войск, оперирующих в Кабульском направлении, может воздействовать на население горных бекств Восточной Бухары, которое до сих пор помнит времена своей независимости от Бухарского эмира. На левом фланге своего стратегического фронта англичане уже успели продвинуться до Сеистана, оккупация которого в сущности уже состоялась, так как там до сих пор пребывает миссия Мак-Магона¹²⁷ с многочисленным военным конвоем. Занятие этой области обеспечивает англичанам в высшей степени важную позицию на фланге операционного направления Герат-Кандагар и пользование богатыми продовольственными средствами Сеистана. Надлежащее оборудование Нушки-Сеистанской дороги, которое настойчиво ведется англичанами*, уменьшит опасность значительного удаления этого отряда от Кветты, тем более что он может, в случае надобности, базироваться на Персидский залив, пользуясь полным господством там английского флота.

В общем, приходится заключить, что, если напряженное положение, вызванное в Средней Азии событиями на Дальнем Востоке¹²⁸, поведет к столкновению нашему с англича-

* Подробное маршрутное описание этой дороги имеется в книге Ronaldshay «Sport and Politics under an Eastern Sky» 1902 года. С. 262–289.

нами, нам придется иметь дело с противником, который настойчиво и энергично готовился к войне.

Подполковник Корнилов.

*Корнилов Отчет о поездке по Индии
Генерального штаба полковника Корнилова // Отчеты о поездке по Индии. Добавление № 8 к Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1905. С. 1–90.*

Примечания

- ¹ Л. Г. Корнилов на конец 1903 — начало 1904 г. имел чин подполковника, по «Высочайшим приказам о чинах военных» он был произведен в полковники за отличие 26 декабря 1905 г. По-видимому, Добавление, где публиковался его отчет, выходило в самом конце 1905 г., и издатель ориентировался на действующий чин автора.
- ² Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), русский военачальник, военный разведчик, путешественник-исследователь. Соч.: Нушки-Сеистанская дорога. Маршрутное описание Нушки-Сеистанской дороги (участок Кала-и-Рабат—Кветта) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1905. Вып. LXXVIII.
- ³ Л.Г. Корнилов прибыл в Индию 12 декабря 1903 г.
- ⁴ Начальником штаба Туркестанского военного округа в 1899–1904 гг. был генерал-лейтенант Сахаров Всеволод Викторович (1851–1935).
- ⁵ Нушки-Сеистанская железная дорога, которая проходила по пустынной местности вдоль южной границы с Афганистаном и предназначалась для выхода в Персию, минуя Афганистан, очень интересовала российский Главный штаб.
- ⁶ В январе 1902 г. переводчик Российского Императорского генерального консульства в Бомбее капитан А.И. Выгорницкий, не афишировавший перед англо-индийскими властями своего воинского звания, намеревался проехать по Кветта-Сеистанской дороге. Консул В.О. фон Клемм поддержал его ходатайство, «...надеясь, что, ввиду усиленного зазывания на новый путь торговцев и путешественников со стороны британских консулов в Персии, ему удастся выхлопотать г. Выгорницкому необходимое разрешение. С этой целью он снесся официально с секретарем департамента иностранных дел в Калькутте и частным письмом с политическим агентом в Белуджистане полковником Йеттом, своим личным знакомым. Г. Йетт

любезно ответил, что Кветто-Сеистанский путь закрыт не только для одних русских ввиду небезопасности его от разбойничьих нападений и трудности снабжать проезжающих конвоем, провиантом и фуражом. Он просил не усматривать в отказе индийского правительства какого-либо специального недоверия к Выгорницкому и в заключение распространялся относительно доступности Индии в отличие от строгостей и стеснений, существующих в русских Среднеазиатских владениях. Что же касается до ответа непосредственно от правительства в Калькутте, то и оттуда получился решительный отказ, даже без приведения мотивов» (АВПРИ. Ф. 147 Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 921. Л. 124 об. —125).

- ⁷ Панафидин (Понафидин) Петр Егорович в 1895 г. участвовал как представитель МИД в разграничении на Памирах, служил консулом в Багдаде и Исфагане (1897), консул в Мешхеде (Хорасан) в 1898–1903 гг., с 1903 г. — генеральный консул в Константинополе.
- ⁸ Имеется в виду командирование в Индию в 1899 г. подполковника А. А. Полозова и штабс-капитана А. Е. Снесарева. По-видимому, первоначально рассматривалось несколько кандидатур, в том числе и Л. Г. Корнилова. Подробнее см.: Рус. — инд. в XIX. С. 331–334.
- ⁹ Клемм Василий (Вильям) Оскарович фон (1861–1938), дипломат, окончил Лазаревский институт восточных языков и с сентября 1883 г. занимался на учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД, со 2 июля 1885 г. зачислен в Азиатский департамент МИД России, с 23 апреля 1886 г. — драгоман Политического агентства в Бухаре, с 1897 г. — чиновник МИД для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области, в 1900–1906 гг. — Генеральный консул в Бомбее, в 1907–1908 гг. — Генеральный консул в Мешхеде, в 1908–1911 гг. — чиновник особых поручений при министре иностранных дел, в 1912–1914 гг. — член Совета МИД, старший советник, в 1914–1917 гг. возглавлял созданный в МИД Третий (Среднеазиатский) политический отдел, после событий октября 1917 г. ушел в отставку. В 1919 г. он стал дипломатическим представителем правительства Колчака во Владивостоке, затем жил в Китае.
- ¹⁰ Из донесения Генерального консула в Бомбее В. О. фон Клемма в Первый департамент МИД от 10 февраля 1904 г.: «Согласно преподанной ему секретной инструкции он имел объехать северную часть Индии, не открывая своего звания, как совершенно частное лицо. Но так как имя этого офицера, много разъезжавшего по Персии, в Кашгар и на Памирах, хорошо известно в Индии и так как он был узнан одним английским офицером еще на пароходе, на котором ехал сюда, мы решили с ним, что скрывать его звание будет не только неудобно, но и небезопасно и что лучше будет действовать открыто, полагаясь на любезность англо-индийских военных властей» (Рус.-инд. в 1900–1917. С. 134–135).
- ¹¹ Китченер, Гораций Герберт (Horatio Herbert Kitchener, 1850–1916), генерал-лейтенант, с 1909 г. — фельдмаршал, главнокомандующий британскими войсками в англо-бурской войне, в 1902–1909 гг. — главнокомандующий англо-индийскими войсками, провел реформы в армии. Л. Г. Корнилов в своей записке не раз обращал внимание на его реформы.

- ¹² Кордит — название одного из видов нитроглицеринового бездымного пороха. Он был изобретён английскими химиками — сэром Ф. Абелем и профессором Дж. Дьюаром — в 1889 г. После надлежащего испытания принят на вооружение в Англии как метательный состав для личного стрелкового оружия и артиллерии.
- ¹³ Хантер, Арчибальд (Archibald Hunter; 1856–1936), генерал-лейтенант, в 1903–1907 гг. командовал Бомбейской армией (с 1905 г. — Западный армейский корпус), с 1907 г. командовал Южной армией в Индии.
- ¹⁴ Робертс, Фредерик Слей, Кандагарский (Frederick Sleigh Roberts, 1st Earl Roberts of Kandahar; 1832–1914), фельдмаршал (1895), в 1885–1893 гг. — главнокомандующий англо-индийской армией, участник второй англо-афганской, англо-бирманской, второй англо-бурской и др. войн. В 1901–1904 гг. — главнокомандующий всеми британскими войсками, пока этот пост не был упразднён.
- ¹⁵ Смит-Дорриен, Гораций (Sir Horace Lockwood Smith-Dorrien; 1858–1930), генерал-майор, с конца 1901 г. — генерал-адъютант англо-индийской армии, в 1903–1907 гг. — командир округа, а затем дивизии, в 1906 г. получил звание генерал-лейтенанта.
- ¹⁶ Королева Виктория (1819–1901, правление 1837–1901) стала императрицей Индии 1 мая 1876 г., провозглашение в Индии произошло 1 января 1877 г.
- ¹⁷ Кантонмент — кварталы или целые районы города, где размещались армейские или полицейские силы.
- ¹⁸ Так в тексте, шотландская мужская юбка называется kilt.
- ¹⁹ Гордонские хайлендеры или горцы (The Gordon Highlanders) — пехотный полк Британской армии, сформированный из шотландских горцев, участвовал во второй англо-бурской войне, проходил службу в Британской Индии (в том числе в северо-западной ее части).
- ²⁰ Кадр — мирный уменьшенный состав отдельных частей войск (от 1/4–1/5 состава военного времени). Кадровая система военной организации предполагает содержание в мирное время всех элементов вооружённых сил, которые развёртываются во время войны по готовым планам мобилизации.
- ²¹ 1 английский фунт равняется примерно 0,454 кг, т. е. в данном случае вес вьюка был не более 81 кг.
- ²² 1 сажень равняется примерно 1,83 м, т. е. в данном случае длина моста равнялась 11 м.
- ²³ Железная дорога дековилевского типа — переносная рельсовая железная дорога.
- ²⁴ Фашина — связка прутьев, пучок хвороста, перевязанный скрученными прутьями, верёвками или проволокой.
- ²⁵ Тур — корзина, в данном случае из железных обручей, набиваемая землёй; служила для защиты от пуль.

- 26 Серебренников Иван Константинович (1865 — после 1930), генерал, окончил Рижское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба, в 1884–1899 гг. — на разных должностях в войсках и при военном губернаторе Самаркандской области, 1899–1900 гг. — обер-офицер и штаб-офицер при штабах армейских корпусов Туркестанского военного округа; в 1900–1902 гг. — старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, с 1903 г. служил в Финляндии, участник Первой мировой войны, после 1917 г. — в РККА, в 20–30-е годы состоял штатным сотрудником ОГПУ. В 1901 г. закончил офицерские курсы хиндустани при штабе Туркестанского военного округа и был командирован в Индию. По результатам поездки им был опубликован труд «Индо-британская армия». Вып. 1–2. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903–1908.
- 27 Прикладка — принятие необходимого для прицеливания положения.
- 28 В 1903 г. в Дели был проведен имперский дурбар, собрание князей Индии (Native Rullers), в честь нового императора Эдуарда VII.
- 29 Имеется в виду правитель княжества Хайдарабад, носивший титул низам. Низамом княжества в то время был Мир Махбуб Али Хан Бахадур Асаф Джах VI (1866–1911).
- 30 Керзон, Джордж Натаниел (George Nathaniel Curzon, 1859–1925), английский государственный деятель, лидер консерваторов, русофоб, вице-король Индии в 1899–1905 гг., в 1919–1923 гг. — министр иностранных дел Великобритании.
- 31 Резидент — представитель англо-индийской администрации при дворе индийского князя, который следил за выполнением князем договора с центральным правительством, через него велись все внешние сношения этого княжества. Мелкие княжества группировались в агентства во главе с резидентом. На практике княжество находилось под контролем резидента, который вмешивался не только в дела управления княжеством, но и в частную жизнь князя.
- 32 Хаки — на фарси и хинди «пыльный», «землистого цвета». Впервые идея красить военную форму в цвета, защищающие военнослужащего, была внедрена в 1848 г. офицерами британской Ост-Индской компании, впервые широко использовалась в армиях Компании при подавлении Народного восстания 1857–1859 гг., но только во время второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. подразделения британской армии полностью перешли на униформу цвета хаки.
- 33 Басон (галун, тесьма) — текстильные изделия из бумажной, шерстяной или шелковой пряжи, к которой иногда приплетаются металлические нити, золотые, серебряные и медные, предназначенные для украшения; в военном деле: басон, или тесьма различной ширины и цветов нашивались на различные предметы обмундирования младших офицеров и нижних чинов.
- 34 Швальня — портняжная мастерская.
- 35 Банкета — широкий земляной вал, обычно ограниченный бревнами, на который лошадь должна запрыгнуть, сделать 2–3 шага-прыжка и спрыгнуть.

- ³⁶ Къямкхани — раджпутский род, основателем которого считается некий Къям-хан — раджпут из клана Чауханов, принявший ислам во времена Делийского султаната, в период правления Фируз-шаха Туглака (1351–1388). Къямкхани называют себя «мусульманскими раджпутами».
- ³⁷ Иллюминировка — окраска карты условными цветами, указывающими на характер рельефа или земельного угодья. Окраску часто заменяют условными знаками, вычерченными тушью.
- ³⁸ Виллкокс, Джеймс (James Willcocks, 1857–1926), генерал, принимал участие во второй англо-бурской войне, был переведен в Индию, в дистрикт Белгаум.
- ³⁹ Великая полуостровная железнодорожная компания (Great Indian Peninsula Railway Company или просто Great Indian Peninsula Railway) была основана в конце 1840-х годов со штаб-квартирой в Бомбее. Первая пассажирская железнодорожная линия в 34 км от Бомбея до г. Тханы была открыта в 1853 г. Строительство других железнодорожных веток продолжалось высокими темпами, и одна из них вела в Джабалпур, где соединялась с участком Джабалпур — Аллахабад Восточно-Индийской железной дороги; была открыта в июне 1867 г. В результате образовался прямой маршрут из Бомбея в Калькутту.
- ⁴⁰ Анвелоп (от англ. envelope — обёртка) — наружная вспомогательная постройка в крепостях, предназначенная для прикрытия стен сухих рвов и главного вала крепости от разрушения артиллерийским огнём.
- ⁴¹ Верк — отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону.
- ⁴² Барбет — насыпная площадка для размещения орудий, прикрытая бруствером, стрельба с которой производится поверх парапета, что даёт лучшие горизонтальные углы для стрельбы, но меньшую защиту, чем амбразура.
- ⁴³ Гласис — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости, служит для улучшения условий обстрела впереди лежащей местности, маскировки и защиты укрепления.
- ⁴⁴ Эспланада — пустое незастроенное пространство между крепостью и городом.
- ⁴⁵ Околодок — здесь: устаревшее обозначение для врачебного пункта при воинской части.
- ⁴⁶ Сейки или сикхи — этноконфессиональная группа, последователи сикхизма, религии, возникшей в качестве ереси индуизма, отрицающей многобожие, деление на касты, отказ от сложных ритуалов и др. Традиционно каждый мужчина-сикх обязан в своей жизни стремиться стать святым-воином, дабы защитить угнетённых. Сикхи всегда отличались доблестью и верностью воинскому долгу, составляли значительный контингент британской армии в Индии.
- ⁴⁷ Догры — этнолингвистическая группа, обитающая в предгорьях Гималаев, воинственные кланы раджпутов-догра пришли сюда с юга. Их храбрость британцы оценили ещё в середине XIX в., считая их одной из лучших «воинских рас» Индостана.

- 48 В конце 1880-х годов по инициативе нескольких сомалийских кланов на севере Сомали был создан протекторат Британский Сомалиленд. В конце XIX в. Саид Мохаммед Абдилле Хасан создал военизированное государство дервишей для борьбы с экспансией европейцев, для чего была сформирована армия дервишей. В 1900–1901 гг. произошло первое столкновение армии дервишей и эфиопов, союзников британцев, и англичане с эфиопами были вынуждены отступить. В феврале–июне 1903 г. начался следующий этап противостояния, в котором британцы убедились, что нуждаются в помощи итальянцев. В 1903 г. МИД Италии позволил англичанам ввести войска в султанат Хобьо. С большим отрядом всадников на верблюдах и конных Хасан вынудил британцев отступить. Только в начале 1904 г., объединив все войска, генерал Эгертон сумел разбить отряд Хасана.
- 49 В конце XIX — начале XX в. духовным наставником Далай-ламы XIII, духовного правителя Тибета, был русскоподданный бурят Агван Доржиев. В 1900–1901 гг. он посетил Петербург и был принят Николаем II, которому передал приветствие от Далай-ламы. В 1899–1902 гг. в Тибет совершил путешествие и долгое время проживал в Лхасе другой русскоподданный бурят Цыбилов. Эти события были расценены в Лондоне как начало русской экспансии в Тибете, актом Большой игры. В 1901 г. вице-король Индии лорд Керзон попытался вступить в переговоры с Далай-ламой XIII, но его письмо было возвращено нераспечатанным. В июне 1903 г. в Тибет был отправлен полковник Янгхазбенд с целью заключения договора по вопросам торгового и пограничного урегулирования. Тибетцы затягивали переговоры, миссия вернулась в Индию ни с чем. Англичане под начальством генерал-майора Д. Макдональда начали военные действия. Тем не менее, и вторая попытка переговоров провалилась. Англичане предприняли новую военную экспедицию во главе с полковником Янгхазбендом. Он штурмом взял столицу Тибета Лхасу. Далай-лама XIII и его двор бежали в Монголию, чтобы там ожидать военную поддержку с российской стороны, однако из-за начавшейся Русско-японской войны Россия не смогла оказать помощь Тибету. В это же время оставшиеся в Лхасе светские политики были вынуждены заключить неравноправный договор с Великобританией.
- 50 Возможно, это опечатка, имеется в виду *compensation* — компенсация, т. е. выплата разницы между реальными затратами сипая и его заработной платой.
- 51 Дальномер системы Воткина — артиллерийский инструмент, позволяющий определить расстояние до цели.
- 52 90-е годы XIX в. были периодом непрекращавшихся восстаний на северо-западе Индии, в полосе проживания независимых пуштунских племен. В 1897 г. началось восстание афридиев в районе Тираха, которое было особенно важно подавить, поскольку восставшие захватили Хайберский проход. Восстание получало негласную моральную и материальную поддержку со стороны афганского эмира и возглавлялось духовенством. Пограничный пост Кохат был выбран отправной точкой кампании, откуда было решено вести наступление всеми силами по одному маршруту. В эту кампанию у англо-индийской армии не было крупных

сражений, столкновения носили характер партизанской войны с небольшими, но постоянными потерями со стороны англо-индийской армии. В 1898 г. восстание было подавлено, но на это потребовалось бросить значительные силы англо-индийской армии: в кампании участвовало более 40 тыс. солдат всех родов войск.

- 53 Патаны (индийские пуштуны) — одна из народностей, проживающая как на территории Афганистана, так и в Индии, издавна славившаяся своим свободолюбием и воинственностью.
- 54 Младший брат главнокомандующего, см. далее по тексту.
- 55 Ремонтирование — пополнение конного состава армии.
- 56 Антабка — приспособление для крепления и передвижения ремня ручного огнестрельного оружия или арбалета, страховочного шнура пистолета или револьвера.
- 57 По-видимому, опечатка, имеется в виду шлейка — ремень, шлея, лямка.
- 58 Кабур или кобура — футляр (из кожи или из другого материала) для пистолета или револьвера, кожаная сумка, прикрепленная к седлу у передней луки. Первоначально применялась только в кавалерии.
- 59 Имеется в виду Джанг Бахадур Рана (настоящее имя Бир Нарсингх Кунвар; 1817–1877), премьер-министр и фактический правитель Непала в 1846–1877 гг., основатель династии премьер-министров семьи Рана, правившей Непалом до 1951 г.
- 60 Имеется в виду подавление Ихэтуаньского (Боксерского) народного восстания (1899–1901 гг.) в Северном Китае, в котором принимали участие войска Германии, Японии, США, Франции, Италии, Австро-Венгрии, а также Великобритании и России.
- 61 Лука — согнутая в дугу полоса чего-либо: дерева, железа и т. п.
- 62 Грядка — шест, жердь или перекладина.
- 63 Полки — составная часть ленчика, см. ниже.
- 64 Ленчик или арчак — твердый каркас седла. Ранее изготовлялся из берёзы. Современные ленчики делают из клееной древесины, стекловолокна и пластмассы. Ленчик состоит из двух полок, скрепленных металлическими скобами. Форма ленчика, его ширина и расположение скоб определяют размер и форму седла.
- 65 Потник — войлок, подкладываемый под седло.
- 66 К началу 80-х годов XIX в. акциями Суэцкого канала владела англо-французская компания. Полковник Араби-паша, националистически настроенный военный министр Египта, выдвинул лозунг «Египет для египтян» и попытался устранить влияние иностранцев. На международной конференции летом 1882 г. Турция и Франция (союзники Великобритании) отказались участвовать в этой кампании. Вторжение британских войск началось с бомбардировки и последовавшим захватом Александрии. После ряда

сражений в начале осени был захвачен Каир. Армия Араби была разбита, сам он попал в плен. Египет стал протекторатом Великобритании.

- ⁶⁷ 1 дюйм равен примерно 2,54 см, т. е. диаметр колеса примерно равнялся 1 м 32 см.
- ⁶⁸ По-видимому, здесь опечатка. Надо attachment, arch attachment — дуговой крепеж, арочное навесное устройство.
- ⁶⁹ Сошник — устройство, используемое в конструкции артиллерийских орудий для фиксации ствола в боевом положении, а также его стабилизации.
- ⁷⁰ 1 ярд равен примерно 0,91 м, т. е. дистанция примерно равнялась 4700 м.
- ⁷¹ Квадрант — артиллерийский угломерный прибор, используемый для регулировки угла подъема орудийного ствола при ведении огня.
- ⁷² Китченер, Фредерик Волтер (Walter Kitchener, 1858–1912), генерал-лейтенант, по примеру старшего брата вступил в армию в 1877 г., принимал участие во второй англо-афганской войне, в кампании против Махди в Судане, был назначен военным комендантом Хартума, с 1899 г. служил в Южной Африке, принимал участие во второй англо-бурской войне. В 1902–1908 гг. служил командующим войсками Лахорского района. С 1908 г. — губернатор Бермудских островов.
- ⁷³ Имеется в виду подавление восстания в Судане под руководством Мухаммада Ахмада, в 1881 г. объявившего себя «Махди» (мессией). Он провозглашал отмену налогов и начал собирать армию для священной войны против турок и египтян. К 1885 г. в его руках оказалась почти вся страна. Установленный Мухаммадом Ахмадом режим (Махдийя) основывался на традиционных исламских ценностях. После смерти Мухаммада Ахмада в 1885 г. его преемники продолжили начатый Махди джихад, но потерпели несколько поражений в Эфиопии, Конго и Эритрее. В 1896 г. англо-египетские войска под командованием Г. Китченера начали наступление на махдистский Судан. В 1898 г. в битве под Омдурманом махдисты были разбиты, а их государство было уничтожено.
- ⁷⁴ Биндон Блэд (Блад) (Bindon Blood, 1842–1940), генерал, военный инженер, служил в Индии, Африке, принимал участие во второй англо-афганской войне, второй англо-бурской войне, с сентября 1901 г. в чине генерал-лейтенанта командовал войсками Пенджаба.
- ⁷⁵ Вудхауз, Джоселин (Sir Josceline Heneage Wodehouse, 1852–1930), генерал, принимал участие в англо-зулусской войне, главнокомандующий египетской армией в 1892 г., с 1897 по 1907 г. — в Индии (Бенгалия, Синд, Секундерабад, Лахор и др.).
- ⁷⁶ В 1861 г. в Бенгальской и Бомбейской армиях была принята так называемая силладарная, схожая с русской казачьей, система комплектования кавалерии, при которой каждый кавалерист являлся на службу со своим конем и вооружением, а не снабжался им централизованно. Это имело свои исторические корни. В феодальных армиях служили члены состоятельных землевладельческих семей из высоких каст, главным образом джаты и раджпу-

ты, для которых военная служба была традиционным занятием. Обычно они приходили служить в армию со своим конем.

- ⁷⁷ Речь идет о дипломатической миссии в Тибет 1903 г., которую возглавлял полковник Янгхазбенд. Ее сопровождал военный отряд во главе с бригадным генералом Джеймсом Мак-Дональдом. Янгхазбенд (Юнгхасбенд, Янгхасбенд и Янгхазбэнд), Фрэнсис Эдуард (Sir Francis Edward Younghusband, 1863–1942), полковник, разведчик, путешественник, видный участник Большой игры, путешествовал по Дальнему Востоку и Центральной Азии. В 1886–1887 гг. проделал путь из Пекина в Яркенд, совершил две экспедиции на Памир, автор многих работ по Центральной Азии, внешней политике и религиозному мистицизму.
- ⁷⁸ Дурбар в XX в. — собрание владетельных князей Индии, иногда — влиятельных лиц, в данном случае — офицерского корпуса военного подразделения.
- ⁷⁹ Подполковнику Корнилову показалось, по крайней мере, странным, что часовой отдал честь двум людям в штатском, потому что в русской армии, согласно «Правилам воинского чинопочитания...» 1884 г., отдание чести предполагалось лицам во время ношения ими военной формы. Кроме того, русским офицерам не разрешалось ходить в штатском без особого разрешения, за исключением особых обстоятельств, например, во время нахождения за границей вне официальных церемоний. В британской армии военная форма считалась служебной, и вне службы офицеры носили штатское платье. Поэтому любой европеец, хотя бы и в штатском, мог оказаться офицером, и сипай отдал им честь и выполнил просьбу Корнилова отдать ружье. На этот счет в Уставе гарнизонной службы 1890 г. русской императорской армии были прямые указания: «Часовой должен исполнять приказания караульного начальника, караульного унтер-офицера и своего разводящего. Только эти лица имеют право сменить часового или снять его с поста. Часовой должен ... не выпускать из рук и никому не отдавать своего ружья, за исключением того случая, когда получит на то личное повеление ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА...». Т. е. в русской армии часовой мог передать свое оружие только после того, как его сняли с поста.
- ⁸⁰ Неизвестно, что имеется в виду: Л. Г. Корнилов не был в Бенгалии.
- ⁸¹ Барроу, сэр Эдмунд Джордж (Sir Edmund George Barrow, 1852–1934) в 19 лет вступил в армию в 1871 г., участник второй англо-афганской войны, англо-египетской войны 1882 г., Тирахской экспедиции, подавления Ихэтуаньского восстания; с 1903 г. командовал войсками Пешаверского района, в 1908 г. переведен в Южноиндийскую армию. Во время Первой мировой войны был военным секретарем Индия офис.
- ⁸² Смит-Дорриен, сэр Горацио Локвуд (Sir Horace Lockwood Smith-Dorrien, 1858–1930), генерал, вступил в армию в 1877 г., участник кампаний против зулусов, Египетской, Тирахской, в 90-х годах XIX в. служил в Бенгалии, после небольшого перерыва, в 1901 г., вернулся в Индию и был назначен командовать войсками в Кветте, принимал деятельное участие в открытии здесь военного колледжа в 1907 г. Впоследствии вернулся в Англию и служил на родине. В Первую мировую войну воевал во Франции.

- 83 Траверс — элемент открытых фортификационных сооружений в виде поперечного вала, который располагают на протяжённых прямолинейных участках для прикрытия входов, защиты от рикошетов и т. п.
- 84 Горжа, горже — тыльная часть крепости.
- 85 В 1884 г. туркмены — жители Мервского оазиса — добровольно приняли подданство Российской империи. Старая текинская крепость Мерв вошла в состав Закаспийской области. Позднее туркменские племена салоров и сарыков, проживавшие к югу от Мерва, также изъявили желание принять российское подданство. Однако самый южный оазис Пенде (Пенджде) оставался под контролем афганского эмира. Это повлекло за собой возникновение острого кризиса в ходе Большой игры в Центральной Азии, связанного с так называемым афганским разграничением. Определением границ между Россией и Афганистаном занималась англо-русская комиссия. Афганский эмир Абдуррахман-хан, стремясь захватить как можно больше спорных территорий, 18 марта 1885 г. попытался захватить туркменский оазис Пенде, русский отряд под командованием генерала А. В. Комарова одержал победу. На другой день старейшины оазиса обратились к А. В. Комарову с прошением на имя императора о принятии Пенде в русское подданство. Эмир отказался от дальнейших военных действий против России, и Англия, уже начавшая военные приготовления, была вынуждена их приостановить. 29 августа (10 сентября) в Лондоне состоялось подписание протокола, оформившего англо-русскую договоренность о северо-западной границе Афганистана. Оазис Пенде остался за Россией. Афганистану передавался район Зулфагара. Поскольку любое расширение Российской империи в Средней Азии рассматривалось Лондоном как шаг по направлению к Индии, то реакция военных вполне понятна.
- 86 Редюит — укрепленный пункт внутри крепости или полевого укрепления, служащий последним оплотом обороняющегося гарнизона.
- 87 Профиль — продольный, отвесный разрез предмета, здания. Профиль рва и вала, поперечный разрез, на котором видна высота, толщина, глубина и пр.
- 88 1 фут примерно равен 30,48 см, т. е. примерно на высоте 1400 м.
- 89 Месса (от англ. mess) — питание за общим столом, группа людей, питающихся за общим столом (на судне, в армии), столовая, клуб-столовая.
- 90 См. сноску 77.
- 91 Свинтные или свинчиваемые пушки, т. е. разбираемые для перевозки и собираемые на месте употребления, предназначались для осадной и горной артиллерии.
- 92 Катта-тюря (полное имя Сеид Абдумалик-хан Катта-Тура 1848–1909) старший сын эмира Бухары Музаффара, представитель правящей бухарской узбекской династии мангытов, зять афганского эмира Шер-Али хана. Недовольный проводимой эмиром политикой и сдачей Самарканда России, он поднял мятеж против отца и протектората Российской империи над Бухарой. Мятеж потерпел поражение, и Катта-тюря вынужден был бежать сначала в Хиву, потом в Кашгарию и, наконец, в Индию.

- ⁹³ Блокгауз — полевое фортификационное укрепление для ведения кругового ружейного и артиллерийского огня и проживания гарнизона.
- ⁹⁴ Анфилировать — стрелять из пушек сбоку вдоль фронта войск, моста, теснин или линии крепостных укреплений.
- ⁹⁵ 24 января/6 февраля 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а в ночь на 27 января/9 февраля 10 японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру, стоявшую без должных мер охранения на внешнем рейде Порт-Артура, и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер. В тот же день 6 японских крейсеров и 8 миноносцев напали на крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в корейском порту Чемульпо. «Варяг» был затоплен командой, а «Кореец» взорван. На следующий день Япония объявила войну России.
- ⁹⁶ Гелиограф — светосигнальный прибор для подачи сигналов с помощью азбуки Морзе. Принцип действия заключается в направленном отражении световых лучей зеркалом. «Сигнализация посредством гелиографа была в сильном употреблении», — отмечали в своем отчете о поездке на маневры в Индию Генерального штаба полковник А. К. Тимлер и полковник князь Н. И. Одоевский-Маслов еще в 1886 г. (Рус. — инд. в XIX в. С. 262).
- ⁹⁷ Вагенбург — укрепление из повозок в форме четырехугольника, круга или полукруга, иногда усиливалось рвом и другими препятствиями.
- ⁹⁸ См. сноску 85.
- ⁹⁹ Имеется в виду подавление Ихэтуаньского восстания.
- ¹⁰⁰ См. сноску 49.
- ¹⁰¹ В 1899–1901 гг. в Тибете побывала группа бурятских и калмыцких паломников (Овше Норзунов и др.), а также востоковед и путешественник Гомбожаб Цыбиков.
- ¹⁰² Столетов Николай Григорьевич (1834–1912), генерал от инфантерии, окончил курс в Московском университете кандидатом математических наук и Николаевскую академию Генерального штаба. На военной службе с 1854 г., участник русско-турецких войн 1853–1856 гг. и 1877–1878 гг., завоевания Кавказа, Средней Азии; заложил город Красноводск. Летом 1878 г. в период подготовки похода на Индию к эмиру Афганистана была послана военно-дипломатическая миссия во главе с генералом Н. Г. Столетовым с целью заручиться поддержкой со стороны эмира и разрешить проход русских войск через свою территорию. Появление русских при дворе эмира Афганского дало повод англичанам требовать допустить свою миссию в Кабул. Решительный отказ эмира привел к вторжению англо-индийской армии в пределы Афганистана. Так началась вторая англо-афганская война. См.: Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг.: из дневников И. Л. Яворского: В 2 т. СПб.: Тип. М. А. Хана, 1882–1883.
Соболев Л. Н. Англо-афганская распря (Очерк войны 1878–1880 гг.). Вып. 1–8. СПб.: Тип. М. А. Хана, 1880–1881.

- 103 Кауфман Константин Петрович (1818–1882), генерал-адъютант, почетный член Петербургской академии наук (1873), с 1867 г. — туркестанский генерал-губернатор, руководил завоеванием Средней Азии. В 1878 г. в период между заключением Сан-Стефанского прелиминария и Берлинским конгрессом для отвлечения внимания Великобритании от европейского театра была спланирована демонстрация силы в Туркестане. Из войск округа был сформирован отряд, и он двинулся в поход по направлению к Индии. Поскольку надо было проходить по территории Бухары и Афганистана, к обоим правителям были направлены миссии. Бухарский хан беспрекословно дал разрешение на проход. Отряд генерала Н. Г. Столетова прибыл в Кабул одновременно с известием о заключении Берлинского трактата, который перечеркнул саму цель миссии. Все действия генерала К. П. Кауфмана в этот период нельзя называть ошибочными, потому что он действовал в соответствии с приказами, которые поступали из военного ведомства. (См.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов / сост. Т. Н. Загородникова. М.: ИВ РАН. 2005.)
- 104 В противостоянии Британии правитель Бирмы Тибо (1859–1916) попытался опереться на Францию: подписал договор с Францией о строительстве железной дороги из Лаоса в Мандалай и организации совместного военного флота на р. Иравади.
- 105 В ходе второй англо-афганской войны англо-индийская армия захватила Кандагар и удерживала его до конца военных действий. После заключения мирного договора началась эвакуация отрядов англо-индийской армии в Индию. Одним из последних ушел 10-тысячный отряд из Кандагара.
- 106 По-видимому, имеются в виду события первой (1838–1842) и второй (1878–1880) англо-афганских войн, когда уже после взятия столицы страны Кабула и отхода основных сил обратно в Индию начинались восстания горожан. 2 ноября 1841 г. была вырезана вся английская миссия вместе с ее главой Александром Бернсом. За этим последовала карательная экспедиция англо-индийской армии и жестокое усмирение мятежа. Подобные события произошли и во время второй англо-афганской войны, когда 3 сентября 1879 г. был убит английский резидент Луи Каваньяри вместе со своей свитой.
- 107 Чий (ахнатурум) — однолетнее травянистое растение семейства злаковых или мятликовых; в прошлом широко использовался народами Центральной Азии при плетении циновок для утепления жилищ, изготовления метел, а также как сырьё для бумажного целлюлозного производства. Бумага из этого злака получается очень высокого качества.
- 108 Джугара (белая дурра) — однолетний засухоустойчивый злак из рода сорго, возделывается как зерновое и кормовое растение, содержащее до 70% крахмала, перерабатывается на крупу, муку, спирт, крахмал, скармливается животным и птице, стебли служат топливом.
- 109 В 1877 г. Великобритания аннексировала Трансвааль как часть будущей Южно-Африканской конфедерации. Присоединение государства зулу-

сов, Зулуленда, было только вопросом времени. В конце 1978 г. губернатор Наталя предъявил верховному правителю зулусов Кечвайю ультиматум, основными условиями которого были роспуск зулусского войска, допущение английских миссионеров в Зулуленд, размещение в Зулуленде британского резидента, который должен был следить за соблюдением условий ультиматума. Ультиматум был отвергнут, что и стало поводом для начала англо-зулусской войны. Военные действия велись с переменным успехом, но к началу июля 1879 г. британская армия окончательно разгромила армию зулусов. Страна была поделена между вождями крупных племен, которые вскоре начали воевать друг с другом. В 1887 г. произошла аннексия Зулуленда англичанами.

- ¹¹⁰ Имеется в виду Трансваальская (англо-трансваальская или вторая англо-бурская) война 1899–1902 гг. Великобритании против бурских республик Трансвааля (официальное название — Южно-Африканская Республика) и Оранжевой (Оранжевое Свободное государство). Территории этих республик перешли к Англии после окончания Наполеоновских войн. После открытия в 70-х годах XIX в. месторождения золота в Трансваале началось соперничество Англии и Германии за доминирование в этой части Африки. В начале войны ополчению буров (потомков голландских первопоселенцев на юге Африки) сопутствовала удача, но после того, как Великобритания перебросила значительную часть своих войск в Африку, они были вынуждены перейти к тактике партизанской войны. Война закончилась подписанием мирного договора, по которому признавалось присоединение обеих республик к Британской империи.
- ¹¹¹ Это был только слух. На самом деле мобилизация войск в Туркестанском военном округе не объявлялась.
- ¹¹² Аппарель — пологая площадка, насыпь или платформа для подъёма и спуска техники, грузов, животных и т. п.
- ¹¹³ Каземат — отдельное внутреннее помещение в укреплённом фортификационном сооружении, защищённое от вражеского артиллерийского огня и бомбардировки и служащее для размещения гарнизона, складов боеприпасов, продовольствия и т. д., а иногда и вооружения.
- ¹¹⁴ Банкет или стрелковая ступень — дополнительная насыпь или ступень с внутренней стороны слишком высокого для человека бруствера для размещения на ней стрелков, ведущих огонь поверх бруствера.
- ¹¹⁵ Кветта была занята английской армией на короткое время в 1839 г., во время первой англо-афганской войны, но окончательно была присоединена к территории Британской Индии только в 1876 г., когда отряд Роберта Сандемана занял город, сам он был назначен политическим агентом Белуджистана и управлял Кветтой и ее окрестностями от имени хана Калата. Кветта имела большое стратегическое значение, так как была расположена около границы с Афганистаном на пути в Кандагар около Боланского перевала.
- ¹¹⁶ Кяризная система орошения — известная с древности традиционная подземная гидротехническая система, совмещающая водопровод и систему

орошения, представляет собой подземный канал (глиняная горизонтальная штольня), соединяющий место потребления с водоносным слоем. Кяризы, как правило, имели галерею с поперечным сечением, позволявшим свободно проходить людям. Эта система использовалась в городах и селениях Азербайджана, Ирана, Средней Азии.

- 117 Балласт — минеральный сыпучий материал для верхней части железнодорожного пути, который обеспечивает устойчивость пути под воздействием нагрузок и изменяющихся температур. От конструкции и качества балластного слоя зависят общее состояние железнодорожного пути, уровень допускаемых скоростей движения и т. д.
- 118 Пальмер, Артур (Sir Arthur Power Palmer, 1840–1904), генерал, с 1857 г. служил в Индии, принимал участие в нескольких кампаниях англо-индийской армии, в 1900–1902 гг. — главнокомандующий англо-индийской армией.
- 119 Вилькоккс, Джеймс (Willcocks James, 1857–1926), генерал, большую часть своей карьеры прослужил в Индии и Африке, участник второй англо-афганской войны, суданской кампании 1885–1886 гг., бирманской кампании 1886 г., в 1891 г. — участник экспедиции в Манипур, с 1897 г. служил в Белуджистане, участник второй англо-бурской войны, после служил в Северо-Западной Индии, в Первую мировую войну командовал корпусом англо-индийской армии во Франции.
- 120 Имеется в виду вторая англо-бурская война 1899–1902 гг.
- 121 Пандит (pundit) — знаток традиционных наук, ученый, получивший классическое индусское образование. Именно пандиты становились переводчиками, проводниками и любыми другими посредниками для иностранцев в Индии.
- 122 Сахиб — хинди «господин», «хозяин», при обращении — показатель высокого статуса человека.
- 123 В Индии действительно существовало учебное заведение вроде кадетского корпуса для детей индийских князей. Кадетов было очень мало, и готовились они не для действительной военной службы. Консул В. О. фон Клемм сообщал в донесении от 23 августа 1905 г., что из этого корпуса было выпущено всего четыре поручика, которые были сыновьями крупных индийских князей. Все они были назначены адъютантами, но не в полки. «Разве вы не знаете, — сказал в беседе с российским генеральным консулом один из лидеров национально-освободительного движения Б. Г. Тилак 28 декабря 1904 г., — что это просто комедия. Никогда ни один из этих кадетов не попадет не только в британский, но и в туземный полк, потому что английские офицеры решительно отказываются принять их в свою среду равноправными членами». (Рус.-инд. в 1900–1917. С. 170.)
- 124 Staff College — английский штабной колледж, подобие академии Генерального штаба.
- 125 Первое военное учебное заведение для офицеров было открыто 7 июля 1905 г. сначала в Деодали (военный лагерь в Бомбейском президентстве), с 1907 г. — в Кветте. Первоначально в нем преподавали 6 профессоров и об-

учалось 24 офицера, затем штаты были увеличены. Программа обучения была аналогична европейской с добавлением связанной с Индией тематики. Хотя в начале века он считался академией, более точное его название Командно-штабной колледж. Военная академия была открыта только в 1932 г. в Дехрадуне.

¹²⁶ Имеются в виду события второй англо-афганской войны 1878–1880 гг.

¹²⁷ Британская миссия под руководством полковника Генри МакМагона (Arthur Henry McMahon, 1862–1949) была направлена в Афганистан для определения границы между Персией и Афганистаном в Сеистане в 1903–1905 гг.

¹²⁸ Имеются в виду события Русско-японской войны.

№ 5

Не ранее 1907 г. — Отрывок¹ из мемуаров Александра Александровича Половцова² о его пребывании в Индии в должности Российского императорского генерального консула в Бомбее

В Петербурге я пробыл до апреля³, изучал в Министерстве Бомбейские дела⁴, ездил и в Лондон для беседы с послом графом Александром Константиновичем Бенкендорфом⁵, теперь моим прямым начальником. У меня было много друзей в Foreign Office'е и они мне давали всякие справки и сведения об Индии. В числе их был L. Mallet⁶ (потом посол в Константинополе), познакомивший меня с разными чиновниками, о которых он говорил, что они могут мне быть полезны. Это было время сближения России с Англией по азиатским вопросам⁷, задуманным Ламсдорфом⁸, говорившим со мной про него, но приведенного в окончательную форму его преемником А. П. Извольским⁹ (которому история ошибочно приписывает инициативу его). Соглашение еще только нащупывалось и считалось в высшей степени секретным, так как по персидским вопросам еще не вполне ясна была почва, на которой она состоится. Раз я был в F.O. и Mallet мне скороговоркой сказал, что кто-то хочет со мной разговаривать, но кто — я не расслышал. Я пошел за ним, и он привел меня к почтенному старцу, который посадил меня и сразу окупнулся в подробности соглашения. Я в ужасе подумал, что это ловушка, и не высказывал никаких взглядов, не выказывал никакого знания подробностей этих столь близко мне знакомых вопросов. Разочарованный

старец, видя это, скоро пресек разговор. Оказалось, что это Sir Edward Grey¹⁰, министр иностранных дел. Когда я вернулся в посольство и рассказал об этом Бенкендорфу, он чуть не катался от смеха и несколько дней подряд дразнил меня.

Мне было тоже назначено свидание с министром по делам Индии, стариком John Morley¹¹. Я давно знал книги, написанные им за много лет до того: монографии о французских энциклопедистах XVIII в. и восхищался изяществом его слога не меньше, чем тонкостью его анализа. Он мне назначил свидание в 10.45. Я понял, что новому русскому Ген. Консулу в Бомбее отведено в распределении на министра 10 минут. После обмена несколькими банальными фразами я высказал ему мою радость, что мне пришлось познакомиться с автором прелестных книг. Старик растаял, и мы перешли на Вольтера и Дидро. Но от них мы вернулись к Азии уже совершенно в другом духе. Наконец он мне сказал: «Объясните мне, почему мы, англичане, и вы, русские, достигаем в Азии столь различных результатов. Вы подвигаетесь вперед без всякого усилия и, где только вы не были, у вас все идет гладко. Ни сопротивления текинцев, ни вспышки восстания в Андижане¹² нельзя считать серьезными явлениями. Нам же все так трудно дается, и мы вечно на краю вулкана» (не ручаюсь за слова, но таков был смысл). Я мигом сообразил, что, если отвечать по существу, придется говорить два часа. Я улыбнулся и ответил: «We are such easy-going people» (с нами так легко ладить, мы не придирчивы). Старик прыснул от хохота, и мы с ним долго еще говорили, а он все повторял: «Well you easy-going people!». Я вышел от него не через 10 минут, а час и 10 минут.

В Индию я отправился в апреле, пришел в Бомбей, кажется, 26 апр. по новому стилю. Пост Российского Ген. Конс. в Бомбее был единственный русский пост в Индии.

Консульской работы не было никакой. За год в порт заходил один, много — два русских парохода, а российских поданных являлось в канцелярию Ген. Консульства с десятков за год. Весь смысл, с нашей точки зрения, был в политическом наблюдении, довольно нелегком, особенно потому что центр управления был в Калькутте, резиденции вице-короля, а не в Бомбее. После моего ухода Ген. Конс. было переведено в Калькутту, а затем вместе со всем управлением вице-короля в Дэли¹³. Британская Индия была разделена на три области в отношении администраций: Калькутта, Бомбей, Мадрас¹⁴; на севере вице-король был в деле управления на таких же правах, как Бомбейский и Мадрасский губернаторы, но, разумеется, председательствовал во всех советах и совещаниях, имевших обще-индийский характер. Я добросовестно учился по книгам до приезда туда, но надо много прочесть, чтобы разобраться в Индийских делах. Сравнить Индию с Туркестаном не приходится. Жителей в мое время было 300 миллионов*; туземных владетелей, покоренных или добровольно признавших английскую власть по самым разнообразным трактатам, недалеко от 700. Из этих 680 вассалов Бомбею подчинено около 450 (у нас их было всего 2: Хива и Бухара). От юга Индии до севера дальше, чем от Петербурга до Мадрида. Это не страна, а материк. Поехал я туда один. Жене надо было проделать предписанное врачами лечение, а к тому же я знал, что климат Индии во время дождей считается пагубным для европейских женщин, которые бегут от него либо в Европу, либо в горы, а мне предстояло сидеть в Бомбее, так как с моим приездом вице-консул¹⁵ уезжал в продолжительный отпуск. При образовании Ген. Консульства первым был назначен туда Клемм, не сумевший ладить с местными властями¹⁶.

* Приписано сверху строки рукой автора: теперь уже 315.

Когда я был назначен, мне приказано было со всеми любезничать елико возможно. Это было после Японской войны и после революции 1905 г. Престиж наш в Азии стоял невысоко. Моей задачей было показать англичанам (выражаясь огульно), что «жив курилка». С Клеммом вышли трения на почве его нежелания подчиняться англо-индийскому этикету. Этот этикет — невероятная китайщина, сами англичане над ним смеются, однако все ему подчиняются. Один из парадоксов его заключается в том, что самым важным властям (губернатору, командующему войсками) расписываются, но карточек не оставляют. Клемм считал, что должен следовать русскому порядку, по которому расписываются только своему начальству и оставил губернатору карточки. Ответных карточек он не дождался. При свидании Губернатор ему высказал сожаление: до него дошел слух, что Клемм у него был с визитом, но туземная прислуга так не привыкла обращаться с карточками, если он таковые оставил, что они до него никогда не дошли. Так дело и осталось на весу. Клемма звали в Губ[ернаторский] Дом (то есть «ко двору») в пачке с другими консулами на официальные приемы. Больше ничего. Продолжать такое кривое положение мне не следовало. Изменить его, подчинившись этикету, значило бы косвенно признать, что мой предшественник был неправ. Этого тоже не следовало делать. Судьба мне помогла.

Я достиг Бомбея в разгар жаркого сезона. В Индии не бывает лета. С половины марта начинается жара, а начала июня — дожди. В жару губернатор уезжает в горы Mahabaleshwar, самый высокий пункт президентства в сравнительной близости к Бомбею, сезон дождей проводит в Пуне, где влаги выпадает значительно меньше, чем в Бомбее, и где у него великолепная резиденция, огромный дворец. В Бомбее же средних размеров вилла в саду у моря. Когда я прибыл Lord Lamington¹⁷ был в Mahabaleshwar'e.

Я сейчас же поехал туда, остановился в гостинице и написал его секретарю, что я, вновь назначенный Рос[сийский] Ген[еральный] К[онсул], приехав на свой пост, желаю представиться губернатору и испрашиваю указаний, где и когда могу это сделать. В ответ я получил любезное письмо, извещавшее меня, что Lord Lamington в ужасе при мысли, что я живу в Mahabaleshwar'ской гостинице и просил переселиться к нему. Я так и сделал, и мы встречались за завтраком. Я очень подружился с ним. Он хороший был человек и в тяжелом положении в это время. Жена его была в нервной санатории; потом ей стало лучше, и она приехала к нему после моего отъезда, но ее болезнь его угнетала, и при беспрестанных приемах, требовавшихся его должностью, ему было трудно без хозяйки. К тому же здоровья он был слабого. Во время дождей он предложил мне приезжать к нему, когда я хочу, и жить у него, сколько мне вздумается. Раз, впрочем, я получил приглашение к определенному числу. Приехал я перед обедом и узнал, что он захворал и лежит в кровати. Был большой обед, потом бал. Уже поздно ночью я поднялся в свою комнату. Только я лег, услышал, что где-то упорно звонит телефон. Я вышел в коридор и по звуку дошел до площадки лестницы этажом ниже. Какой-то ревностный адъютант требовал разговора с его превосходительством (His Excellency — так все зовут Губернатора), чтобы узнать какие последовали распоряжения для маневров. Войска должны были выступать в 6 часов утра, но до сих пор не было приказано, каким путем. Я спросил, каким, по его мнению, путем лучше их направить. Он мне все изложил, советуя выбрать один путь, а не другой. Я с ним согласился и приказал ему сделать все диспозиции в этом смысле. Повесив трубку, я поднялся по лестнице и на верхней площадке увидел встревоженного Lamington'a, стоящего в пижаме. «Что случилось?» — спросил он меня. «Идите,

ложитесь, вы больной человек» — отвечал я. «Это из штаба просили указаний относительно завтрашних маневров. Не беспокойтесь, я всем распорядился». Он хохотал долго и очень благодарил меня. Позднее, когда я чуть не умер от малярии и лежал изнуренный по неделям, он был одним из тех очень немногих людей, коих присутствие меня не утомляло; он приходил и сидел у моей кровати, рассказывая мне всякие истории из своей административной практики.

Круглый год он принимал у себя туземных властителей, то порознь, то группами, и мне приходилось присутствовать при его деловых беседах с ними. Отпуская их, он говорил, что не скоро их опять увидит и напоминал каждому, чего он от него ожидает до следующего свидания: построй-ки стольких-то миль дорог, или больницы, или школы. Вся английская администрация в Индии являет собой удивительный пример торжества духа над плотью. Чиновники отборные, прошедшие трудный экзамен на I.C.S. (Indian Civil Service)¹⁸. В мое время на 300 млн их было 6000. Среди раджей у Lamington'a я встречал магараджу Идарского Sir Pertab Singh¹⁹, худенький подвижный старик, ходит на кривых ножках. Когда он был юношей, он раз стоял с братом на террасе, т. е. на плоской крыше дома. Брат сказал: «Ведь ты трус: ты отсюда бы не прыгнул вниз». В ответ он прыгнул и сломал обе ноги. Костоправ плохо их починил. Он мне объяснял, что люди вообще не умеют охотиться на кабанов. Ведь не тратить же пороха на свинью, а надо поймать ее за одну переднюю и одну заднюю ногу, животное падает, перевернувшись на спину, тут-то его и надо зарезать. Он и сыновей учил так делать и теперь маленьких внучат приучает ловить и опрокидывать поросят на скотном дворе. «Но разве, — спросил я, — кабаны Вас не ранили, когда Вы с ними так обращались?» «Ранили, ранили! У меня на теле 26 рубцов, нанесенных кабаньими клыками». Lamington спросил

меня, заметил ли я, что Pertab Singh носит на чалме миниатюру королевы Виктории, окруженную крупными бриллиантами, и, не желая объяснить, почему это так, советовал мне спросить раджу за обедом, почему он так делает. Все мусульманские раджи носят на чалмах ювелирные украшения, но эти драгоценности, «сарпэдж»²⁰, имеют мистическое значение, вроде погонов русского офицера. Сарпэдж — мистический символ головы, и с его неприкосновенностью связано понятие о чести. За столом я спросил старика, почему у него такой необычный сарпэдж. Он рассказал, что, когда поехал в Лондон на юбилей королевы²¹, в India Office²² ему сказали, что ей никаких подарков подносить не полагается.

Когда в день торжества он занял свое место в шеренге раджей, он увидал, что все другие держали в руках заготовленные несмотря на запрет подношения. Достать подарок было поздно. Тогда он вырвал сарпэдж из чалмы и поднес его королеве, говоря: «В Индии моя голова для Вашей службы, здесь, в Англии, примите на память символ ее». Королева улыбнулась и горячо его благодарила. В ответ она послала ему свою миниатюру, которую он и носил вместо сарпэджа. Когда благоговейно улыбающееся молчание воцарилось среди гостей, он прибавил: «Королева дала мне миниатюру, бриллианты — это я сам поставил». Добрая королева Виктория никогда не отличалась щедростью своих даров.

Остановившись на первых порах в гостинице Taj Mahal, я стал искать себе дома. Бомбей большой город, построен он на острове, соединенном теперь с материком мостами. По размерам, по разбросанности, по кишасей массе населения, по связанности с морем он напоминает Неаполь. Он перешел от португальцев к англичанам как часть приданого Екатерины Браганцкой, жены короля Карла II в 60-х годах XVII века, так что он, я полагаю, старейшая английская коронная земля в Индии. Первоначальный европейский

квартал уже потонул в океане туземных построек, и белые постепенно уходили все дальше на запад, теперь их лучший квартал (особняков с садами) расположен на Malabar Hill, довольно высоком, хотя отлогом гребне, спускающемся к океану. Здесь, на Malabar Hill я снял дом, bungalow, старой постройки: на высокой каменной террасе три отдельных павильона стояли соединенные общей крышей под разными углами. Перед ним сад уступами спускался до дороги, спрятанной густой изгородью деревьев и кустов. От верхней дороги тоже отделяла его часть сада. Из жилых комнат вид открывался через сад на Индийский океан, в который садилось солнце.

Мне было приказано по возможности угождать властям и поддерживать хорошие отношения со всем местным «обществом». Мы взяли с собой посуду и серебро на обеды в 24 прибора. Обед играет первостепенную роль в Бомбейском общении. Мы обедали в гостях шесть раз в неделю, бывало, и раз в неделю давали обед у себя. В этой стране чудесных цветов я выискивал дотоле неведомые мне растения и убирал ими обеденный стол. Англичане, жившие здесь годами и тщательно занимавшиеся собственными садами, с изумлением спрашивали у меня, что это такое. Сами они выписывали из Лондона гвоздику да петунии, печально хиревшие в тропическом климате, но все «туземное» оставалось для них чужим — трогательное проявление патриотизма. Такое отсутствие интереса ко всякой другой стране, кроме своей собственной, создает огромную нравственную силу и переносит во все английские колонии ту же атмосферу средней руки англичан с кругозором, ограниченным недальнозоркими, но вековыми традициями. Бессознательно в умах их все подвергается суду, основанному на критерии: «Is it respectable?» У меня, сумасшедшего русского, видеть на столе цветы из джунгли могло быть забавно, но у себя

дома идти дальше тщедушных роз и герани было бы «not-respectable». Я подружился с одним англичанином, крупным виноторговцем, живо интересовавшимся тропической природой. Он основал общество любителей естественных наук и знал наизусть всю местную флору. Я прибег к его помощи для устройства своего сада. Он хорошо говорил на местном наречии и не гнушался туземцев. Доставать растения садовые в Бомбее довольно трудно. Англичане вообще держат свои растения в горшках, в случае переезда в другой город их продают с аукциона. Я же хотел засадить сад, надеясь провести в Бомбее несколько лет. Промышленных садоводств нет. Великолепный ботанический сад, образованный еще в XVIII веке и разросшийся в какое-то волшебное царство, теперь перешел в ведение муниципалитета, следовательно им управляют туземцы, и потому кроме несбыточных обещаний оттуда ничего не получить: правильного ухода за саженцами нет. Можно только достать растения, побираясь по знакомым, и у моего приятеля было много знакомых не только англичан.

Я поехал в Бомбей в апреле, и жена должна была подъехать ко мне в октябре; я хотел к этому времени иметь все в порядке. Раз я сказал своему приятелю, что жена моя очень любит растения с душистыми белыми цветами и что я хочу целый угол засадить такими растениями. «Вы не можете этого сделать», — вырвалось у него. «Почему?» — спросил я. «Да ведь это во вкусе туземцев» (действительно, они, например, любят засаживать подъезды своих домов туберозами). Я рассмеялся. «Это и мой вкус», — сказал я. Тут и он рассмеялся: «Вы совершенно правы, — сказал он. — Что значит сила привычки!» Мощь природы там баснословна. Хотя я уехал из Бомбея через год (в июне 1907 г.), были, например, деревья (не помню их имени: с большим листом и кроной красных трубчатых цветов наверху ствола), я посадил их

двухгодичными саженцами в июле, десять месяцев спустя они уже доросли до крыши. К сожалению, после моего отъезда дом этот был куплен хайдерабадским низамом, снесен и заменен «дворцом» в новейшем вкусе. Весь засаженный мною сад погиб.

На Malabar Hill'e рядом с этим местом стоят Башни Молчания, место, куда парсы, огнепоклонники, свозят своих покойников на съедение большим орлам-стервятникам²³. В саду у нас часто прогуливались эти огромные птицы и по их усталой сытой походке, видно было, что они только что нажрались мертвых парсов.

С первых дней июня до примерно 20-го августа льет дождь непрерывно. Около 20-го августа бывает перелом, знаменуемый большим праздником туземцев и потом уже до начала октября бывают иногда просветы, так что в иные дни солнце светит по несколько часов подряд. В октябре дожди кончаются, и солнце принимается печь всерьёз. Это самая влажная и малярийная пора. Жена должна была приехать в середине октября. Я уже снял дачу в Mahabaleshwar'e, куда собирался везти ее на следующий день после ее приезда; сам я сидел все время в Пуне, но спустился в Бомбей за три дня до прихода парохода, чтобы привести хозяйство в порядок. За эти три дня меня уловчил искушать малярийный комар, и несколько дней после нашего приезда в Mahabaleshwar я слег и провалялся шесть недель.

Как только я привез жену в дом на Malabar Hill, мы вышли на террасу, и она меня спросила: «Здесь нет змей?» Я ответил, что ни одной не видел. В это время по лужайке перед нами проползла длинная черная змея сажени в две длиной. Я созвал прислугу, которая с гиканьем и веселым шумом прогнала непрошенную гостью, но в тот же вечер хозяин дома, туземец, живший неподалеку, прислал мне сказать, что просит не трогать и не обижать этой хорошо ему зна-

комой змеи: она добрый гений его дома и только приходила приветствовать мою жену. Позднее в этом же доме у нас был другой курьезный случай. Раз обокрали все драгоценности моей жены: кольца, броши т. д. Я обратился к начальнику полиции, очень умному английскому офицеру. Он думал, что никогда ничего не найдут. «Ваши вещи, — говорил он, — уже, вероятно, на базаре в Дэли, камни вынуты из оправ, и опознать ничего не удастся. Сам я здесь во главе полиции шесть лет и только теперь начинаю понимать, что я ничего не могу и не смыслю. В этом океане черных людей, лживых и изворотливых, я проведу еще 16 лет и буду так же беспомощен, как теперь». Воры очень удачно выбрали для кражи день приезда эмира Афганского²⁴, когда вся полиция была в наряде по пути прохода эмира. Однако начальник полиции посоветовал мне для безопасности нанять помещика туземного городского («рамосья»²⁵), чтобы он проводил у меня ночь, не потому что он сумеет поймать вора, но каста городских сродни касте воров и последняя никогда не опозорит члена родственной касты. Это стоило всего 10 рупий в месяц (7 рублей с полтиной). Я так и сделал. Рамосей мирно храпел по ночам на террасе (даже мои ночные обходы не будили его), но ничего больше в доме не пропало.

Приезд эмира Афганского был большим происшествием. Все жаростно обсуждали, как надо будет себя держать с ним, женщины кричали, что, хотя он и самостоятельный властелин, они никогда не будут приседать «черному», но, когда эмир вступил в британские владения, король Эдуард приветствовал его телеграммой, называя его «Величеством». Это разрешило вопрос: все должны приседать ему в лучшем виде, и мы говорили ему: «Sir». Он по-английски понимал, но предпочитал беседовать только через переводчика. Им особенно занялась одна дама, Lady Jenkins, жена верховного судьи²⁶, очень умная и образованная осо-

ба. Она устраивала ему вечеринки, возила его на скачки и так удачно его развлекала, что вместо 3-х дней, предположенных по программе, он остался в Бомбее 17 дней, пока уже все власти не знали, как от него избавиться. В день его отъезда мы обедали у Ламингтона, после проводов эмиру должны были еще показать на море какие-то флотские маневры, с которых он, уже не слезая на сушу, должен был отплыть в Карачи. Во время обеда вдруг слышна была пушечная пальба. «В чем дело?» — спрашивали друг у друга гости. «Это эмир, — сказал я губернатору. — Вот увидите, как дошло дело до отплытия, он приказал везти себя назад на берег. Он так нас всех полюбил, что не хочет с нами расстаться». Lamington не на шутку перепугался. Послал телефонировать во все стороны, но оказалось, что это только прощальный салют.

Эмир Хабибулла был завсегдатаем на скачках. Скаковое поле отстояло довольно далеко от Malabar Hill, за той старой частью города, которая потонула в океане туземной жизни. В тех же краях стоял старый Bysulla Club²⁷, самый древний и почтенный клуб в Индии. Ввиду его близости к скаковому полю существовало правило, по которому жены членов вправе заказывать столы к завтраку в Bysulla и угощать там своих друзей перед скачками. В остальное время дамы не были вхожи в клуб. В день скачек раз Lady Jenkins угостила там завтраком эмира. Через дня три в газетах было напечатано, что в тот же день комитет получил запрос от некоторых членов, с ведома ли Комитета в клубе завтракал «a nature of Asia», и напечатан был ответ Комитета, что это случилось без его ведома и по недоразумению, но что меры приняты, дабы такой инцидент никогда не мог возникнуть вновь. В Bysulla бывали периодически обеды в огромной высокой столовой, прелестных пропорций комнате, за одним общим столом. Туземцы в ливрейной однообразной одежде цветов

клуба стояли за стульями обедающих с огромными опахалами из пальмовых листьев вместо ужасных электрических вееров, пронзающих вам голову холодной струей воздуха, как водится в дешевых гостиницах и на вокзалах. В Bussula царила атмосфера 1820-х годов. Я иногда играл там вечером в бридж на террасе перед прелестным садом. Под конец вечера выползали на террасу мускусные крысы²⁸, садились вокруг играющих и как бы с досадой смотрели на нас, точно думали: «Когда же эти посторонние личности, наконец, уберутся!». Мускусных крыс никто не трогает. Простые крысы не уживаются с ними в одном доме, чума распространяется простыми крысами, или, вернее, укусами блох, переходящих от зачумленных крыс на людей.

Чума в Бомбее никогда не переводится; покойников туземцы переносят на открытых носилках с незавешенным лицом, и на базаре каждый день вплотную мимо вашего экипажа проходят такие носилки с чумными, выделяющимися безобразными опухольями шейных желез; однако белые в обычное время не заболевают чумой и принимают меры против нее только при разгаре эпидемии.

В Mahabaleshwar'e я пролежал очень долго. Единственный врач этой небольшой горной станции несколько раз говорил жене, что я могу не дожить до следующего дня. Mahabaleshwar затерян в лесистых горах в довольно диком углу. Дачникам не рекомендуется оставлять на ночь домашних собачек на террасах, т. к. пантеры приходят их красть. Почти каждую ночь слышен рев пантер. Появился там и тигр, и доктор мой раз пропустил время своего визита ко мне: он ходил в надежде застрелить его. После шести или семи недель меня положили на матрас, матрас на автомобиль и свезли вниз в Бомбей. Тут врачам, видимо, не хотелось, чтобы я умер у них на руках, и они прописали мне поездку вон из тропиков. Мы отправились в Каир и в Луксор...²⁹

Мы провели около двух месяцев в Египте, но и после возвращения в Бомбей малярия меня не покидала: поочередно я проводил несколько дней на ногах и столько же в кровати. Из-за этого не пришлось мне путешествовать и видеть все знаменитые памятники Индии. Единственное туземное государство, которое я посетил на первых порах после своего приезда в 1906 г., была Барода. Гаэквар³⁰ был в Европе, регентом за него был его старший сын³¹, умерший с тех пор еще молодым, он только что вернулся из Оксфорда и хотел блеснуть передо мной своими знаниями английских спортивных особенностей, но я сказал ему, что меня всего больше интересует индусская туземная жизнь. Я попал в Бароду со своим голландским коллегой и со старым голландским литератором, собиравшимся написать книгу про Индию, но куда мы ни попадали, интерес был сосредоточен на русском генеральном консуле, и мои голландцы считались лишь придатком ко мне. В Бароде нас поселили в одной из дворцовых построек, дачке, стоящей в отдельном саду, и после проявления мною интереса к туземной жизни нам поставили палатку на пути великолепной процессии, имевшей место на следующий день после нашего приезда. Смысл ее был тот, что раджа отвозил в храм Шивы дары для испрошения хорошего урожая. Оксфордский студент сидел на огромном слоне, расписанном всеми цветами радуги, и за ним шла вереница других расписанных слонов. Пара белых коров тащила серебряную колесницу. Все и вся было увешено гирляндами и ожерельями цветов с фольгой, и слуги, ехавшие на слонах, обильно посыпали толпу разноцветными порошками³².

Вечером регент прислал нам своих лучших баядерок, их было две, одна — молодая красавица, довольно бесталанная. Другая — женщина лет за 30, удивительная артистка. Я спрашивал ее, где она училась своему искусству. «В боль-

шом храме в Танджоре», — отвечала она. Я еще спросил ее, кто там преподает, вероятно, состарившиеся баядерки. «Нет. Никогда — сказала она, — преподаватели исключительно мужчины». Между тем, искусство баядерок не только касается пляски в прямом смысле, но мимики, кокетства и любовной игры при невероятной развитости мускульных движений и самостоятельных сокращениях отдельных мускулов лица и рук.

В Бароде вследствие моего интереса ко всему туземному регент позвал нас разделить его трапезу. Он, разумеется, ел исключительно растительную пищу с фестончатой тарелки (ему подали золотую, нам серебряную); я раньше видел такие тарелки, не понимая их смысла, а между тем в каждом фестоне помещается отдельное блюдо, а гора риса в середине; едят, конечно, пальцами. Идя к столу, регент сказал мне, что, если я хочу завтракать совсем так, как он это делает ежедневно, то мы пройдем в другую комнату и будем сидеть на полу, но что для гостей сегодня он приготовил стол и стулья. При виде выражения отчаяния на лице старшего голландца я поспешил сказать, что нам надлежит не пренебречь любезной заботой хозяина и что мы будем завтракать на стульях. Этот вопрос стульев значительно мешает общению туземцев с европейцами. На стульях, для них непривычных, у них затекают ноги, что даже вызывает острую боль. Признаваться в этом они не хотят, но обедать с белыми или сидеть вечером в гостиной для них мучение.

Когда стал подходить период дождей, я решил вернуться домой и попробовать избавиться от малярии, но и в Европе врачи продолжали настаивать на лечении хинином, от которого я большой пользы не видел. Ездил я даже в Лондон к знаменитости по части тропической малярии; этот умный старик при первом взгляде на меня спросил: «Вы ее в Бомбее схватили? Вы, должно быть, жили на Malabar Hill».

Но и с его лечением я то и дело лежал несколько дней подряд безо всякого участия к тому, что происходило вокруг меня³³. Я решил в Индию не возвращаться, но А. П. Извольский, бывший тогда министром иностранных дел говорил, что это все вздор и причуды и требовал моего немедленного возвращения в Бомбей, грозя в противном случае не предлагать мне никакого другого поста.

*ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 118. Л. 247об. — 210об.*³⁴ *Автограф.*

Примечания

- ¹ А. А. Половцов писал свои воспоминания для публикации, но уже после его смерти было напечатано только начало, небольшая часть, касающаяся его детства и юношества. См.: Половцов А. А. Воспоминания // Возрождение. Париж. 1949. № 2. С. 128–141.
- ² Александр Александрович Половцов (1867–1944), государственный и общественный деятель, этнограф, ориенталист. Соч.: Половцов А. А. (совместно с Андреевым М. С.) Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахан. СПб., 1911.
- ³ Имеются в виду события 1906 г.
- ⁴ Автор писал о том, что он ходил в архив МИД и изучал донесения и переписку с генеральным консульством в Бомбее.
- ⁵ Бенкендорф Александр Константинович (1849–1917), дипломат, на дипломатической службе с 1869 г., в 1897–1903 гг. был послом России в Дании, в 1902–1916 гг. — Чрезвычайный и Полномочный посол России в Великобритании; принимал участие в англо-русских переговорах 1903, 1907 гг. относительно политики на Среднем Востоке и в Лондонской конференции послов великих держав в декабре 1912 г.; остался жить в Англии, где и умер.
- ⁶ Маллет, Луис дю Пан (Louis du Pan Mallet, 1864–1936), английский дипломат, в 1905–1907 гг. был личным секретарем министра иностранных дел Великобритании Э. Грея, в 1907–1913 гг. был помощником заместителя министра иностранных дел по Ближнему Востоку, после этого получил пост посла в Турции.
- ⁷ Англо-русское соглашение (Петербургский договор), подписанное в августе 1907 г., определило и разграничило сферы влияния Российской и Британской империй в Центральной Азии. Афганистан признавался сферой влияния Британии, также был признан суверенитет Китая над Тибетом и признавалось деление Персии на три зоны влияния: русскую, английскую и нейтральную. Этим соглашением был положен конец Большой игре в Центральной Азии и завершено формирование Антанты.

- ⁸ Ламсдорф Владимир Николаевич (1844–1907), дипломат, на службе с 1866 г., с 1897 г. — товарищ министра, а в 1900–1906 гг. — министр иностранных дел. Имеются в виду соглашения 1907 г. по разграничению сфер влияния в Центральной Азии, приведшие к формированию Антанты. (См. сн. 7.)
- ⁹ Извольский Александр Петрович (1856–1919), дипломат, на службе в МИД с 1875 г., служил в США, Ватикане, Сербии, Германии, Японии, в 1906–1910 гг. — министр иностранных дел. Он подписал соглашения 1907 г. В 1910–1917 гг. — посол в Париже, выйдя в отставку, остался жить во Франции.
- ¹⁰ Грей Эдуард, лорд Феллодон (Edward Grey, 1st Viscount Grey of Fallodon, 1862–1933), государственный деятель, в 1905–1916 гг. — министр иностранных дел.
- ¹¹ Морли, Джон (John Morley, 1838–1923), государственный деятель, в 1905–1910 гг. — министр по делам Индии. С его именем связаны проводившиеся в 1907–1909 гг. реформы управления и избирательной системы Индии (Реформы Морли-Минто), введение отдельных избирательных курий для индусов и мусульман.
- ¹² Имеются в виду события 17 мая 1898 г. Во главе мятежа стоял ишан Мухаммед-Али, который поднял недовольных русским правлением местных жителей на захват городов Маргилан, Ош и Андижан; его конечной целью было восстановление Кокандского ханства и последующее изгнание русских из Туркестана. Мятеж был подавлен в тот же день.
- ¹³ 4 ноября 1908 г. британский МИД выразил свое согласие на перенос нашего генерального консульства из Бомбея в столицу Индии Калькутту. 22 февраля 1910 г. новый Российский императорский генеральный консул Борис Константинович Арсеньев оповестил дипломатический корпус Калькутты об открытии Российского императорского генерального консульства в этом городе. В декабре 1911 г. во время коронационного дурбара Георга V было торжественно объявлено о переносе резиденции британского вице-короля Индии из Калькутты в Дели. На жаркое время, на полгода, вице-король вместе со всеми главами департаментов переезжал из Дели в летнюю столицу Симлу. Российский генеральный консул тоже переселялся туда же, оставляя в Калькутте внештатного вице-консула. Генеральные консулы других европейских стран были поставлены в такое же положение: новая столица только строилась, разместить дипломатический корпус там было просто негде. Эта проблема не была решена до начала Первой мировой войны.
- ¹⁴ А. А. Половцов описывает старое административное деление Индии, к XX в. оно значительно усложнилось: кроме основных трех названных президентств существовали провинции (например, Соединенные провинции Агры и Ауда или Северо-Западная пограничная провинция и др.) под управлением комиссаров и др.
- ¹⁵ В штате Российского Императорского генерального консульства в Бомбее не было вице-консульской должности, был лишь секретарь. Эту должность занимал Сергей Виссарионович Чиркин (1875–1943).

С. В. Чиркин в 1901 г. окончил Санкт-Петербургский университет, проработал год техником в группе русских инженеров-путейцев, проводивших разведку для строительства железной дороги в Северной Персии, там он занимался персидским языком частным образом, после этого поступил в учебное отделение восточных языков при МИД Российской империи по специализации «арабский язык», с 1902 г. был приписан к персидскому отделению МИД и с 1903 г. начал служить в Персии, сначала стажёром в миссии в Тегеране, затем секретарем генерального консульства в Бендер-Бушире, потом исполнял должность генерального консула в Исфагане.

В 1906–1910 гг. С. В. Чиркин был секретарем генерального консульства России в Бомбее. В 1911–1914 гг. он работал секретарём генерального консульства Российской империи в Сеуле. В 1915 г. был назначен на должность дипломатического представителя Российской империи в Ташкенте. После событий 1917 г. С. В. Чиркин с женой переехал из Туркестана в Персию, далее в Бомбей, а затем в Сеул, где до конца жизни преподавал русский язык в японском университете, французский — в Сеульской иностранной школе, давал частные уроки английского языка.

В 1906 г. С. В. Чиркин должен был покинуть консульство в Бушире, где он служил, и отбыть в отпуск на родину, но получил «приказание Министерства немедленно по прибытии моего заместителя Григорьева выехать в Бомбей для принятия генерального консульства от назначенного генеральным консулом в Мешхеде В. О. фон Клемма и передачи его новому генеральному консулу А. А. Половцову. Это, казалось, была довольно необыкновенная и странная комбинация, так как между отъездом одного и приездом другого проходила ровно неделя времени, и, несомненно, или Клемм мог устроить свой отъезд неделей позднее, или Половцов прибыть неделей раньше, но дело в том, что назначение последнего совпало с поворотом нашей политики в отношении Великобритании, с которой мы вступали на почву соглашений и доверчивости, ввиду чего признавалось желательным устранить встречу наших представителей двух противоположных течений, вклинив меня между ними». (Чиркин С. В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь. 2006. С. 130–131.)

¹⁶ Дело было не в том, что В. О. фон Клемм не сумел «ладить с местными властями» и не вел себя соответственно местному этикету, а в обстановке Большой игры, когда каждый русский рассматривался англо-индийскими властями как противник. На посту генерального консула в Бомбее В. О. Клемм в полной мере ощутил недоброжелательное отношение к себе британских властей. В то же время у него сложились неплохие личные отношения с некоторыми чиновниками и даже военными. Так, в 1906 г., перед тем как окончательно покинуть Индию, В. О. фон Клемм с семьей прожил некоторое время в доме адмирала Поэ, командующего индийской флотилией, с которым они были очень дружны семьями.

¹⁷ Чарльз Воллас Александр Напиер Кокрайн-Бейли, барон Ламингтон (Charles Cochrane-Baillie, 2nd Baron Lamington, 1860–1940), политик и колониальный администратор, с 1885 г. служил в секретариате премьер-министра Великобритании лорда Солсбери, в 1896–1901 гг. — губернатор Квинсленда, а в 1903–1907 гг. — губернатор Бомбейского президентства. В Индии заинтересовался идеями бехаизма.

- 18 До середины XIX в. от чиновников Индийской гражданской службы (Indian Civil Service, ICS) не требовалось подтверждения каких-либо знаний или квалификации. В 1853 г. было принято решение о проведении экзамена на замещение должностей в ICS, и с 1858 г. такой экзамен стал проводиться в Лондоне на английском языке, поэтому если теоретически индийцы, как британские подданные, тоже могли претендовать на место в ICS и сдавать этот экзамен, то практически они не могли этого сделать, и чиновниками ICS в описываемое время были только выходцы из верхних слоёв британского общества.
- 19 В 1902–1911 гг. магараджей (правителем) княжества Идар в Гуджарате был Пратап Сингх.
- 20 Слово «сарпэдж» происходит от «сар» — голова и «пэдж» — притороченный, прикрепленный (хиндустани).
- 21 По-видимому, имеется в виду празднование в 1897 г. бриллиантового (60 лет) юбилея правления 78-летней королевы Виктории.
- 22 «Индия оффис» — британское Министерство по делам Индии и других колоний, возглавлявшееся государственным секретарем (министром) и контролировавшее деятельность там английской колониальной администрации и вооруженных сил.
- 23 Около башен молчания обитают грифы-падальщики.
- 24 Хабибулла-хан (1870–1919), эмир Афганистана с 1901 по 1919 г., в начале своего правления пытался ослабить зависимость Афганистана от Англии, проводить реформы с целью укрепления центральной власти и развития экономики, но в 1905 г. он подписал с Великобританией договор о полном отказе от самостоятельной внешней политики в обмен на субсидию в 160 тысяч фунтов стерлингов в год, таким образом страна стала протекторатом Британской империи. В том же году был подписан договор о дружбе с Индией. В 1907 г. он нанёс в Британскую Индию официальный визит.
- 25 Рамуси — племя, которое в колониальной Индии считалось преступным.
- 26 Имеется в виду супруга верховного судьи Бомбея (1898–1908) сэра Лоуренса Хью Дженкинса (Lawrence Hugh Jenkins, 1857–1928), урожденная Катерина Минна Браун, дочь владельцев сахарных плантаций в Натале.
- 27 Байкулла клуб — старейший клуб с пансионом для британцев в Бомбее, был открыт в 1833 г. В XIX в. это был район уважаемых вилл богатых индусов и парсов, постепенно к западу начал расти европейский квартал, здесь была построена церковь и ипподром. В период Первой мировой войны он был переоборудован в госпиталь, в 20-х годах продан.
- 28 Мускусная крыса — это ондатра.
- 29 Опущено описание пребывания семьи Половцовых в Египте.
- 30 Имеется в виду гаэквар (или гаеквар — титул правителя княжества Барода) Сайеджи Рао III (1863–1939), который правил с 1881 г.

- ³¹ Фатех Синх Рао Гаквар (1883–1908) был наследным принцем, носил титул ювараджи.
- ³² Возможно, имеется в виду индусский праздник холи, одним из элементов которого является посыпание друг друга цветными порошками и поливание подкрашенной водой.
- ³³ Как следует из дальнейшего повествования А. А. Половцова, он излечился от малярии инъекциями мышьяка.
- ³⁴ Автор писал свои Мемуары в большом блокноте или тетради с переплетом сверху на лицевых сторонах листов; исписав все лицевые стороны, он перевернул блокнот и стал писать на оборотах с конца к началу, от последней к первой странице. Нумерация листов в архиве проводилась обычным порядком, считалось, что на обороте идет продолжение текста лицевой стороны листа. Публикуемая часть мемуаров написана на оборотах, поэтому такая странная нумерация листов.

№ 6–8

*10–29 апреля/12 мая 1908 г. — Документы о секретной
командировке в Индию штабс-капитана Петра
Петровича Атаева¹*

№ 6

*10 апреля 1908 г. — Рапорт командированного в Индию
7 Мервского резервного батальона штабс-капитана
П. П. Атаева начальнику штаба
Туркестанского военного округа*

Бомбей

По выезде из Ташкента в декабре 1906 года, как было предположено, я поехал в Тифлис, и оттуда немедленно после получения необходимых бумаг я отправился по назначению через Персию.

Дорогой нигде особо не задерживался кроме необходимых ожиданий пароходов, экипажей и каравана и попал я в Калькутту только 2 апреля 1907 года.

Проскочил я прекрасно, так как после Исфагана я превратился в бывшего торговца зерном из Тавриза, а проездом через Бендер-Бушир я раздобыл персидский паспорт без всяких затруднений и при некотором содействии армян; таким образом, в таможне в Карачи меня сочли за одного из персидских армян, которые ежегодно сотнями едут в Индию и обратно, и был вне всяких подозрений.

По приезде в Калькутту, ровно через две недели, я принужден был отправиться в госпиталь и после 23-х дневного пребывания там лечиться порядочно времени на дому, так как я заболел желтухой, причиной чего была чрезмерная

и непривычная жара в Калькутте, которая там доходит до апогея в апреле и мае месяцах.

Оправившись от болезни, которая мне стоила более 1½ месяца времени, я решил заняться выполнением моей задачи под видом торговца, для чего я нашел компаньона армянина и, забрав товар, — предметы роскоши японского изделия — во второй половине июня прошлого года выехал в Лагор, где и открыл лавку с начала июля.

Как и следовало ожидать, лавка моя прогорела, а компаньон сбежал в самом начале, и это все мне стоит около 500 рублей, но зато я приобрел себе положение купца, то есть твердую почву под ногами и вне всякого подозрения. Одно только было неудобно, это то, что я до некоторой степени был прикован к одному месту. С другой стороны, такая обстановка дала мне возможность помимо сбора сведений усиленно заниматься усовершенствованием в языках, особенно в английском, знание которого, кстати сказать, оказалось слишком недостаточным.

В начале сентября прошлого года я в первый раз заехал в Бомбей, чтобы явиться в наше консульство и послать донесение, но, к сожалению, я без посторонней помощи не мог найти наше консульство, для чего даже ездил в Пуну, но с тем же результатом; расспрашивать же других, даже армян, я не хотел во избежание подозрений, так как я здесь отказался не только от каких бы то ни было отношений к России, но даже и от знания русского языка.

Тогда я послал краткое донесение в виде частного письма капитану Муханову² с копией полковнику Ягелло³, каковое донесение, по-видимому, дошло по назначению.

Вернувшись в Лагор, я в начале продолжил мою торговлю, а потом мало-помалу начал объезды ближайших мест, для чего каждый раз брал товару с собой, а с начала текущего года я начал дальние поездки по Пенджабу, и таким

образом до сего времени я объехал весь Пенджаб и осмотрел все форты и укрепления, укрепленные железнодорожные станции и все более или менее значительные мосты с их укреплениями. По окончании этого объезда я снова вернулся в Лагор, продал с аукциона остаток товара и 7-го апреля снова приехал в Бомбей.

На сей раз после недолгих розысков я нашел наше консульство, где я узнал вчерашнего числа, что мне разрешена отсрочка на 3 месяца.

Но, к сожалению, срок этот уже истек, а работы осталось еще на месяц приблизительно — осмотреть Кветту с ее окрестностями, куда я намерен выехать на днях, захватив с собой немного товара для продажи на ходу, так как поездка туристом не приведет к цели, и, таким образом, я просрочу еще на 2 месяца с лишним, считая эту поездку и проезд домой.

Я решился на эту просрочку, если бы даже мне грозило за это предание суду, но я не могу выехать без осмотра Кветты, так как при таком условии одна из важных частей моей задачи не будет выполнена.

Покорнейше прошу, если возможно, отнестись снисходительно к этой моей просрочке.

При этом присовокупляю, что помимо моей задачи, изучая языки, я составил словарь, или вернее справочник на английском, индустанском и русском языках, который, по-моему, будет служить большим подспорьем у нас на курсах индустании. Слова на нем расположены не в алфавитном порядке, а они рассортированы сообразно с их значениям и употреблением. На каждой странице — левая часть служит для английского языка, правая — для индустанского, середина оставлена для русского языка.

Слова выбраны самые обиходные и самые употребительные. Число английских слов, уже рассортированных

доходит до 10 000, из которых около 2 000 переведены на индустанский язык, и для перевода остальных потребует-ся работы приблизительно на месяц или немного более при помощи хорошего знатока языков.

Если найдете нужным и возможным разрешить мне эту отсрочку с разрешением выехать отсюда в июле месяце сего года, то покорнейше прошу не отказать мне в этом и о результате Вашего решения сообщить телеграммой нашему генеральному консулу в Бомбей. Если затруднение будет только в суточных деньгах, то я готов согласиться на меньший оклад или даже вовсе отказаться от них, лишь бы только плодотворная работа была доведена до конца.

Что касается положения вещей в Индии, то оно не особенно блестяще. Политические партии туземцев работают усиленно; крупные народные волнения и беспорядки почти повсеместно, в которых участвуют большей частью индусы, и иногда не обходится без вызова войск; мелкие же в виде нанесения ран, побоев и словесных оскорблений на улицах европейцам-англичанам довольно часты.

В окрестностях Пешавара положение еще хуже: одна карательная экспедиция только что окончилась и теперь начинают уже вторую⁴. Разбойничьим нападениям афридиев⁵ нет счета и конца; редкий день проходит без мелких грабежей и убийств с той же целью как в городе, так и в окрестностях; но иногда эти грабежи доходят до крупных размеров, как, например, нападение на городскую железнодорожную станцию, на туземных менял-саррафов, на туземных ювелиров и т. п.

Оборона страны не особенно сильна: только ограниченное число фортов — в Равалпинди, Фирузпуре и в Когате, редуты — около Равалпинди и отдельных батарей около крепости Аттока, сооружены англичанами; все же остальные укрепления и форты — работа бывших туземных пра-

вителей, правда, некоторые из них сооружены довольно прочно, но вопрос о маскировке их совершенно игнорирован.

Оборона железнодорожных станций и мостов поставлена прекрасно.

Намечена замена сабель золингенской⁶ работы таковыми же английской работы, и для пробы присланы по 10 сабель на эскадрон.

/Подп[исал]/ Штабс-капитан Атаев.
АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1072. Л. 2–4. Копия.

№ 7

*29 апреля/12 мая 1908 г. — Ходатайство управляющего
Российским императорским генеральным консульством
в Бомбее Сергея Виссарионовича Чиркина начальнику
штаба Туркестанского военного округа о продлении
командировки штабс-капитана П. П. Атаева*

Господину начальнику штаба
Туркестанского военного округа
Секретно

Препровождая при сем подлинный рапорт от 10 апреля сего года № 3 командированного в Индию 7 Мервского резервного батальона штабс-капитана Атаева имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что названный офицер при свидании со мной просил моего ходатайства перед Вами о продлении ему срока командировки, желательность и даже необходимость какового он мотивирует в прилагаемом рапорте.

Не входя в оценку трудов штабс-капитана Атаева, нельзя не согласиться, что избранная им система для выполнения намеченной задачи не лишена оригинальности и практиче-

ского смысла, благодаря чему, он, пожалуй, будет в состоянии раздобыть сведения, не всегда доступные обыкновенному путешественнику, и посему желание названного офицера, действующего, по-видимому, с большой осторожностью, задержаться еще на некоторое время в Индии и довести порученное ему дело до конца кажется не лишенным основательности.

К сему прилагаю отдельный пакет, содержащий частные письма Атаева к разным лицам.

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1072. Л. 5. Копия.

№ 8

*Б/д. — Из воспоминаний Сергея Виссарионовича Чиркина,
бывшего секретаря императорского
Российского генерального консульства в Бомбее,
о встрече с П. П. Атаевым*

Кстати сказать, в Индии Лосев⁷ представлял собой фигуру очень легко расшифровываемого «разведчика», но там же года через два я встретился с другим офицером тех же курсов⁸, армянином Атаевым, который был много лучше замаскирован. Однажды вечером, когда я, развалившись в тропическом плетеном кресле и задрав ноги на длинные продолжения локотников, проглядывал русские газеты, консульский сипай доложил мне, что меня спрашивает какой-то «туземный господин» (native gentleman). Удивленный неурочным визитом, я все же просил впустить посетителя. К моему удивлению, появившийся передо мною смуглый высокий человек с черными шевелюрой и усами заговорил со мною на чистейшем русском языке с легким кавказским акцентом, «акая», то есть произнося слишком остро неудаемые «о», как «а». Представив несомненные удостоверения своей личности, он просил меня переслать надежным

путем кое-какую его корреспонденцию в Россию. Я предложил ему отобедать со мною и командировал слугу в лежащий напротив ресторан «Грин», так как сам я, как холостяк, обычно столовался в яхт-клубе, куда на этот раз идти было уже и поздно, и неудобно с гостем туземной внешности, да еще и одетым не по-вечернему.

Я провел с Атаевым очень интересный вечер, слушая рассказы о его приключениях. Оказывается, он проник в самые сокровенные с военной точки зрения места под видом странствующего мелкого торговца с коробом всякой всячины — дешевки на вкус небогатого туземца. Он говорил мне, что нигде не испытывал никаких затруднений и был вне подозрений. Поздно вечером мы с ним расстались и более не встречались в Индии, но в Ташкенте, где он служил при штабе округа, мы сразу узнали друг друга.

*Чиркин С. В. Двадцать лет службы на Востоке.
Записки царского дипломата.
М.: Русский путь. 2006. С. 136–137.*

Примечания

- ¹ Атаев Петр Петрович (1873 — после 1922) русский военный-ориенталист. Соч.: Атаев П. П. Персидский язык в Индии // Сведения, касающиеся стран, соприкасающихся с Туркестанским военным округом. Ташкент, 1904. Вып. 57. № 9. С. 17–19.
Атаев П. П., Ягелло И. Д. Текущие события, Индия // Сведения, касающиеся стран, соприкасающихся с Туркестанским военным округом. Ташкент, 1905. Вып. 67. № 6. С. 1–6.
- ² Муханов Александр Владимирович (1874–1941) поступил на военную службу в 1893 г., окончил Константиновское артиллерийское училище (1896), Николаевскую академию Генерального штаба (1903); участник русско-японской войны; в 1906–1908 гг. был помощником старшего адъютанта штаба войск Туркестанского военного округа.
- ³ Ягелло Иван Дионисиевич (1865–1943), подполковник; окончил офицерские курсы восточных языков при учебном отделении Азиатского департамента МИД, где учил персидский язык, и Школу живых восточных языков (Париж), где изучал язык хиндустани (урду). С 1897 г. преподавал хиндустани

сначала в Ашхабаде, потом в Ташкенте на офицерских курсах восточных языков, был заведующим этими курсами; автор учебников и словарей языка урду, а также переводов с этого языка. С 1900 г. — член Общества востоковедения в Петербурге с начала его деятельности, секретарь Ташкентского отделения Общества востоковедения с момента его учреждения. После начала Первой мировой войны Окружная подготовительная школа восточных языков была закрыта, а И. Д. Ягелло был назначен начальником Памирского отряда. В июле 1917 г. он был направлен на Румынский фронт, в декабре того же года вышел в отставку и вернулся в Петроград. В мае 1918 г. добровольно поступил на службу в Красную армию. В 1920 г. он был назначен начальником курсов востоковедения в Ташкенте, в 1929 г. ушел в отставку по болезни и переехал к дочери в Тамбов, в 1930 г. переехал с ней в Москву и был приглашен преподавать в Краснознаменную военную академию имени М. В. Фрунзе, где и проработал до 1933 г. С 1933 г. занимался научной работой и переводами.

- 4 Вооруженные выступления афридиев в 1908 г. переросли в крупные восстания, это было самое крупное выступление восточных пуштунов после восстаний 1897–1898 гг.
- 5 Афридии — воинственные афганские племена северо-западной пограничной полосы, так называемой «зоны племен».
- 6 Сабли золингенской работы, т. е. производства немецкой фирмы «Золинген», славившейся своей прекрасной прочной сталью.
- 7 Лосев Владимир Владимирович (1882 — после 1915) окончил Оренбургский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, поступил на военную службу в 1900 г. В 1903–1905 гг. учился на офицерских курсах восточных языков в Ташкенте, после чего был командирован в Индию (1905–1906). Затем до 1914 г. служил в Туркестане, участвовал в планировании и реализации разведывательных операций; с 1910 г. преподавал афганский язык в Ташкентской офицерской школе восточных языков; в школе произошел скандал из-за неправильно выписанного вознаграждения афганцу-практиканту, и он был отдан под суд. Несмотря на помилование, был вынужден уйти в отставку.
Соч.: Отчет о поездке в Индию в 1905–1906 гг. // Добавление к Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1908. № 9. С. 1–144.
- 8 Имеется в виду Курс для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку хиндустан: П. П. Атаев и В. В. Лосев окончили курс в 1905 г.

№ 9–11

**29 ноября 1920 г. — 1 октября 1937 г. — Документы
о происхождении, службе в армии, эмиграции
и жизни в Индии Владимира Александровича Хабарова**

№ 9

1 октября 1937 г. — Автобиография В. А. Хабарова

Родился я в 1879 г. 18-го августа в селе Дятково Орловской губ. Брянского уезда. Мой дед и отец служили на знаменитых в то время «Мальцевских заводах»¹. Дед был «управляющим хрустальным, стекольным и эмалировочным заводами», а отец «заведующим движением» на Мальцевской ж[елезной] дороге». Крещен я был почему-то в селе Людиново Калужской губ. Людиново, так же как и Дятково было Мальцевское. Моим крестным отцом был также управляющий (но чем — не знаю) Семен Дмитриевич (за правильность имени и отчества ручаться не могу) Смелов.

Когда мне было 2–3 года, отец оставил службу у генерала Мальцева и поехал «искать своего счастья». «Счастье» скоро нашлось в виде небольшого эмалировочного завода в селе Знаменка (географического положения не знаю). «Счастье», как и всякое «счастье», было не полно и не долговечно. Неполность его заключалась в семейных неудачах компаньона по заводу (родного брата отца, Сергея Семеновича). Его (С.С.) жена была необычайно красива и еще необычайно зла, капризна и скандальна. Мирить их была трудная и неблагодарная задача, а мирить приходилось моему отцу и довольно часто — этак 2–3 раза в день. Дядя под конец не выдержал, и в один прекрасный день «пропал без вести» в буквальном смысле этого слова. Куда он делся —

осталось навсегда тайной. Завод, проработав 1–1½ года, сгорел начисто, также и квартира владельца его, моего отца, со всем «мертвым» инвентарем, а «живой» инвентарь — моя мать и я — были вытащены в окно. Отец остался без гроша и без имущества. Дед сейчас же взял нас к себе и предлагал пойти к генералу (так звали Мальцева все) и просить принять его снова на службу, но отец отказался. Вскоре он нашел себе место управляющего небольшим эмалировальным заводом в Тульской губернии около г. Алексина. Завод принадлежал какому-то г[осподину] Ковригину. Из жизни здесь я помню только несколько фактов. Первый — я забрел в лес (в то время, очевидно, лес был очень близко от завода) и встретился с медведем. Что я сделал — я не помню, но помню, что откуда-то появился старик с большой седой бородой и с ним девочка. Он схватил меня на руки и унес. Что случилось с медведем — не знаю. Потом оказалось, что старик этот был писатель Николай Васильевич Успенский², а девочка — его дочь Люба. Они жили недалеко от завода в деревне Свинка и часто потом бывали у нас.

Сколько мы прожили на этом заводе — не знаю. Я был еще маленьким. Когда отец оставил службу у Ковригина и перебрался на юг России — в мест. Кривой Рог Екатеринбургской губернии Там он служил, кажется, в «Южно-Русском об[щест]ве» на разработках железной руды³. С этого времени я уже начинаю помнить все отчетливо. Прожили мы там до моего 8-летнего возраста, а потом отец, списавшись с братом моей матери (она была дочь казанского купца-пароходовладельца), решил ехать в Астрахань, где этот мой дядя тогда жил, и заняться пароходным делом. Мы приехали в Астрахань, кажется, в 1889–90-м году. На следующий год, т. е. 1891 я поступил в 1-й класс Астраханского реального училища, которое и окончил в 1898-м году с «круглой четверкой» и даже по «поведению». Это обстоятельство

и помешало мне пойти дорогой инженера, как я собирался. Я хотел держать экзамен в «Московском Инженерном путей сообщения училище»⁴ и подал туда прошение. Когда же приехал держать экзамен, то мне там сказали, что четверка по поведению будет большим препятствием к приему, даже если я все экзамены выдержу на 5 баллов. Дела у отца шли плохо, и мне вовсе не хотелось возвращаться и сесть ему на шею. Сильно я упал духом. Но на свое счастье я встретил своего товарища по Астраханскому уч[или]щу, бывшего годом старше меня. Он по окончании реального уч[или]ща поступил в «Московское военное училище»⁵. Поведав ему о своей неудаче по «инженерной» части, я попросил его совета. «Плюнь широким плевком с высокого дерева на инженерную карьеру, возьми свои документы и приходи ко мне в Моск[овское] воен[ное] училище (Лефортово, около Аненгофской рощи) и там подай прошение о приеме тебя к нам. О поведении своем не беспокойся, ты по росту попадешь, вероятно, во 2-ю роту, а там полк[овник] Ник. Сем. Пушкарев (ротный командир) и поручик Ал. Ал. Гамбургцев — в месяц так тебя обработают, что за поведение меньше 5+ никто не поставит. А инженером, если захочешь, то можешь сделаться по окончании училища, а это легко: учись получше, “возьми вакансию”, т. е. выйти в инженерную часть (саперный или железнодорожный б[атальо]н) и через 2 года сможешь поступить в “Инженерную академию”». Я недолго думал и через 2 дня был уже в форме юнкера Московского военного училища и «ознакомил с свершившимся фактом» телеграммой отца. Он только плюнул. У нас в роду никого военных не было, и отец был ярый «толстовец». Впоследствии он согласился со мной, что лучшего шага я не мог, да и не должен был бы пытаться делать. А я и по сейчас благодарен тому моему товарищу — Сергею Петровичу Сергееву. Он вышел в лейб-гвардии Кексгольмский полк, что с ним

и где он — не знаю. Быстро промелькнули 2 года военного училища и вот в конце октября 1901 года я очутился в 10-м Туркестанском стрелковом батальоне в Ферганской обл. г. Ош.

В 904-м году меня командировали (вернее сослали) в сменный состав Памирского отряда⁶, и я уехал на Крышу мира. В те времена на Памир можно было пробраться только верхом. Я ехал около месяца. Назначен я был начальником поста Лянгар. Лежит он как раз около северо-западной оконечности хребта Императора Николая II, на расстоянии 1 версты от него к северу. Любовался я этой оконечностью 3½ года. Через год службы на посту, я получил отпуск в Фергану «на предмет вступления в 1-ый законный брак». Выехал с поста я в мае 1905-го года и в конце июля вернулся с женой. Хорошо зажили, но верно Бог не хотел этого. Через год (даже меньше) несчастная жена моя скоропостижно умерла. С трудом и только благодаря начальнику отряда (Эдуард Карлович Кивекэс⁷) и товарищам я перенес этот удар. Я не оставил службы на Памире — боялся выражения сочувствия и всяких соболезнований. В конце 1907-го я только ушел с Памира. Дабы не дать мне свободного времени, когда бы я мог думать о своей утрате, н[ачальни]к отряда не давал мне вовсе покою — заставлял ездить по Памиру под разными предлогами: то прикажет провести перепись населения где-нибудь на Зар-Куль⁸ (верст 150 от поста), то пошлет искать кратчайшую дорогу через горы с моего поста в штаб отряда. Т.о. я прошел через перевал Вранг около 24 тысяч фут высотой. Первыми прошли за несколько лет до меня через этот перевал знаменитые путешественники-исследователи Федченко⁹ и Майтов¹⁰, а после меня никто не решился. Вообще, благодаря Э.К. Кивекэс я словно кот лазил по Крыше мира, только с другой целью. На Памире и по заданию того же Э.К.К. я начал учить персидский и узбекский

языки. Эти языки нужны там были — мы, т. е. начальники постов, кроме чисто военных функций — охрана границы и наблюдение за врагом (Англия) — несли и чисто административные функции по управлению населением. Население же Памира — таджики и киргизы. У первых общий язык — персидский, а у вторых — узбекский¹¹. Переводчики же — всегда стена между начальником и населением.

В конце 1907-го года вернулся я в Ош, т. к. предполагалась смена начальника отряда, т. е. Кивекэса, а служить под начальством его преемника, которого я знал хорошо, я не хотел.

Быстро промелькнуло время до 914-го года. В 1910-м году я женился вторично. В 14-м году вместе с полком (10-й Т[уркестанский] стр[елковый] б[атальон] в 910-м году был преобразован в 8-й Т[уркестанский] стр[елковый] полк) выступил на войну. В ноябре того же 914-го года в бою около Ловича был ранен в колено. Подремонтировался и в январе 15-го г. вернулся в полк и принимал участие в известных боях за г. Прасныш. Когда начался наш «откат», то в первом же оборонительном бою около Чернице-Борове (район Прасныша) был контужен и «заживо погребен» (немецкий «чемодан»¹² попал в телефонный блиндаж, когда я слушал приказание командира полка). Пришлось остаться в строю, т. к. было мало офицеров, да и стыдно было уходить «без повреждения». Когда «откат» кончился, то полк занял позиции на зиму 15–16 г. на Немане к югу от г. Мир в районе Кромань. С весны 16-го года мы перешли в наступление и произвели прорыв на р. Стырь в направлении на Павурск и временно взяли его, но отдали назад. До октября воевал «благополучно», а в октябре в бою около д. Зубильна был снова контужен в голову, но опять остался в строю.

В январе 1917-го года, будучи в отпуску в г. Ош, получил приказание немедленно выехать в Персию, т. к. я назначен

в Персидскую казачью дивизию¹³. Это было для меня и сюрпризом — я о Персии никогда и не думал, а о существовании «Персидских казаков» даже и не подозревал, и неприятностью — никогда не любил никаких казаков, а тут — на! поди — сам в казаки попал! Но делать было нечего — приказание исполнить нужно. Добрался я до Тегерана и явился к н[ачальни]ку Персидской казачьей дивизии генералу Майдель¹⁴ (бывший начальник Тверского кавалерийского училища). Удивительно хороший был и начальник, и человек, неутомимый работник и кристальной честности во всех отношениях. Одна его беда — ругатель. Он предложил мне на выбор Исфаган, Тавриз и Мешхед. Я должен был ехать туда и формировать казачий отряд — батальон пехоты, эскадрон кавалерии и пулеметную к[оман]ду для начала... «А там видно будет», — сказал. В Тавризе отряд был уже готов, сформированный в[ойсковым] старшиной Мамоновым. Т.к. я ни одного из этих городов не знал, и для меня было совершенно безразлично, где работать, я предоставил выбор самому генералу — «пусть, мол, он будет судьбой». Судьба послала меня в Исфаган. «Все равно добровольно туда никто не хочет ехать, да они и правы — куда, к черту, ехать? По дороге, того и гляди, зарежут разбойники, а конвой дорого стоит, да и не могу я всем конвой давать. Вообще тут черт ногу сломит с этой дивизией». Я не шибко придал значения разбойникам. Перспектива быть в Исфагане меня прельстила и я, поблагодарив генерала, стал собираться.

Хорошо было служить в Исфагане. Кроме меня — начальника отряда, в состав отряда входили 3 русских офицера-инструктора, врач и несколько подпрапорщиков-младших инструкторов. Русский состав попался мне такой, что лучшего и желать было нельзя — во всех отношениях. Персы же вообще народ хороший и как офицеры они были вполне на своем месте. Между нами сразу же установилась

прочная связь. В то время Исфаганский округ буквально «кишел» разбойничьими шайками численностью от 15 до 300–400 вооруженных современными винтовками и неограниченным количеством патронов. Была у них и пехота, и конница. Вот мне и пришлось с первых же дней существования отряда иметь «дела» с этими шайками. Могу сказать без преувеличения, что из 30 дней каждого месяца 15 падали на «войну». Впоследствии, когда «персидский фронт»¹⁵ русской «бедопоносной» армии развалился, я приобрел 2 полевых орудия и 250 снарядов, а из Тегерана мне прислали 2 горных орудия. Тогда борьба с шайками пошла успешней. Когда грянула наша «великая и бескровная» и начали появляться в газетах статьи, курящие фимиам г. Керенскому и описывающие «ненависть» населения России к дому Романовых, я понял, что толку от временного правительства ожидать нельзя, лучше забрать семью, которая оставалась в Оше, к себе. И я оказался прав. Какое это правительство, если оно начинает с саморекламы, словно компания вскладчину для выработки «эликсира Самсона».

В конце 18-го года мой Исфаганский отряд был послан в Буруджирский округ с приказанием очистить его от кочевников луров¹⁶, вооруженных кочевников, разграбивших этот округ. В течение 19-го года и до мая 20-го я «чистил». 13 мая 20-го года я был переведен в Тегеран и получил в команду Тегеранский гвардейский отряд Перс. Каз. Дивизии. В июле получил приказание очистить от русских большевиков Астрабадский район¹⁷. Большевики послали из Баку «красные кадры» для устройства «Гилянский советской республики» и для вооруженных сил этой республики амуний и вооружения примерно на 2 дивизии. Посланный отряд успешно выполнил задачу и уничтожил в районе Астрабада большевиков. В августе я получил приказание со своим отрядом идти через г. Казвин в Гилян и очистить его от боль-

шеви́ков (русских). До этого вход в Персию со стороны Каспийского моря защищал английский отряд ген. Шампеня¹⁸, но неудачно — большая часть отряда сдалась большевикам без боя, а оставшаяся прямо бежала, бросив склады патронов, снарядов и пр. в Менджиле. Когда я прибыл с отрядом в Казвин, то английское командование предложило «кооперацию», но я отказался т. к. что всякий успех будет ими взят на себя, а неудача ляжет на нас. Н[ачальни]к дивизии полковник Старосельский¹⁹ согласился со мной. Начали наступление удачно — против нас оказались ново сформированные красные части Гилянской сов[етской] республики, «товарищи» только командовали, а состав был туземный. Части эти побежали после первого же артиллерийского обстрела, хотя должен сказать горькую правду — наша (перс. каз. дивизия) артиллерия была дрянь отменная — стрелять не умела. Г. Решт, штаб-квартира и военная база большевиков в Персии, был взят нами после легкой ружейной перестрелки и без потерь. Военная добыча была велика: 2 шестидюймовых орудия, 6 полевых 3-х д. орудия, 6 горных орудий, около 200 пулеметов Люиса (английских) и огромные склады снарядов и патронов. Пулеметы все были упакованы в Англии в ящики, на которых был штемпель «Petrograd». «Тоже кооперация», — сказал я п[олковни]ку Старосельскому. Узнав о поражении Красных Гилянцев, русские большевики экстренно послали из Баку русский регулярный отряд (кажется, 2 полка с артиллерией и 2-мя аэропланами). Этот отряд остановил нас около самого Энзели. Наша позиция была, что называется — могила: среди рисовых полей и леса, открытая со стороны моря. Обстреливалась и с фронта отличной русской артиллерией, и с фланга 2 канонерки из 4,2 орудий били. Мы же имели только винтовки и пулеметы, из которых не по ком было стрелять. Артиллерия же наша, обученная уклонившимся от войны подъяесаулом Донского

войска Сулиным не только стрелять, но и просто выехать на позицию не умела. Одним словом, отряд, продержавшись 3-е суток под перекрестным огнем русской большевистской артиллерии, в буквальном смысле «драпанул». Остановились мы через 2 перехода только. Простояв там месяц в покое, большевики не преследовали нас, мы снова перешли в наступление и снова «победно» вошли в Решт. На сей раз н[ачальни]к дивизии п[олковни]к Старосельский сам вступил в командование казаками, т. к. теперь были стянуты почти все отряды дивизии и персидское правительство дало в распоряжение п[олковни]ка С[таросельско]го полк «сарбазов»²⁰ (совершенно ничем, кроме способностей не умереть от голода, не обученных) и 1 батальон жандармов — обученных шведскими инструкторами отлично всему, кроме уважения чужой собственности. Перед наступлением всех «нас» собралось около 2 000 штыков и шашек при 6-ти полевых, 6-ти горных и 2-х тяжелых орудиях. П[олковни]к Старосельский был дипломат и политик первоклассный, но как военачальник никуда не годный, а его н[ачальни]к штаба — ген[ерального] шт[аба] п[олковни]к Филлипов²¹ — был еще хуже. Последний составил такой план: мы должны были произвести короткий, но сильный удар на оба фланга большевиков, которые (большевики) должны были под угрозой окружения отступать. На указание, что большевики, занимая укрепленную позицию поперек косы, т. е. имея оба фланга, защищенные морем и заливом и превосходя нас числом вдвое, а качеством вчетверо, обнаружив наше намерение, немедленно разорвут нас надвое, мы получили ответ: «Они дураки и ни к черту не годны». Через 3 часа после начала «наступления» мы «торопливо уходили», т. е. отступали, кто куда мог. Я с частью отряда около 150 человек был отброшен в горы, где проболтавшись 10 дней и собрав «спешно отступивших» еще человек 200 дошел до г. Казвина,

где и узнал, что наша Персидская казачья дивизия расформирована, т. е. верней национализирована, а хозяева в Персии — англичане. Я сдал остатки своего отряда старшему персидскому офицеру — командиру Тегеранского казачьего пехотного гвардейского полка Реза Хану Пехлеви²² — теперешнему Шаху. Потом эвакуация из Персии, Бомбей, лагерь Деоляли²³, побег оттуда в Португальскую Индию²⁴ и т. д. Как я устроился здесь — желающие могут прочесть в моей брошюре «Завоевание Индии» (Изд. Н. З. Рыбинского²⁵).

В заключение скажу: я в течение своей жизни имел возможность встречаться и иметь дело с людьми многих наций и при самых разнообразных условиях. Встречались как хорошие, так и плохие, но клянусь всем, что есть самое святое для меня — никогда не приходилось встречаться с таким хамством, какое я видел по дороге из Персии в Индию от английских офицеров. Раньше я слышал, что английский офицер — джентльмен и «зеркало» рыцарства. Теперь я открыто говорю то, что я видел, все были образцы непревзойдимого хамства и невежества. В хамстве их, пожалуй, еще индусы могут превосходить, хотя вряд ли.

В. Хабаров.

Kalay

St. W.I.P. Ry

Goa

Portuguese India

1.10.1937 год.

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–8 об. Автограф.

№ 10

*29 ноября 1920 г. — Прошение В. А. Хабарова
в Российскую миссию в Персии о выдаче
заграничного паспорта ему и его семье*

Заявление

Настоящим честь имею просить Российскую миссию в Персии выдать мне заграничный паспорт в Австралию через Багдад, Басру, Бомбей и Сингапур на имя подполковника Владимира Александровича Хабарова и таковой же жене моей (отдельно от меня) Вере Ильиничне Хабаровой с детьми: сыном Игорем 9 (девяти) и сыном Олегом 3 (трех) лет.

Полковник Хабаров.

29.11.20 г. Тегеран.

Приписка на полях: Деньги уплочены.

ГАРФ. Ф. 4350. Оп. 1. Д. 39. Л. 221. Автограф.

№ 11

*Очерки В. А. Хабарова
об эмиграции и о жизни в Португальской Индии*

Предисловие

Куда только не оказался занесенным русский человек! Нет, кажется, сейчас на земном шаре угла, где не звучала бы русская речь, где не билось бы тоскующее по разоренной и ограбленной родине сердце...

Эмиграция, рожденная большевизмом — явление по своим размерам действительно доселе не имевшее места в мировой истории. Небывалая эта эмиграция и по своему составу, представляющая не определенный класс, а все слои русского народа. Изучению этого грандиозного размера бу-

дут посвящены труды грядущих поколений; сейчас же своевременно и уместно приступить к собиранию материалов.

Если жизнь нашей эмиграции в культурных странах более или менее полно освещена, то жизнь русских людей, занесенных в так называемые экзотические страны, кроме случайных и отрывистых известий остается совершенно неизвестной. А между тем и там не только живут русские люди, но упорно борются и с непривычным климатом, и с чужой враждебной природой. И не только борются, но и побеждают в этой борьбе. И эта победа лишний раз говорит о стойкости и сопротивляемости духа русского человека, выброшенного за борт родины, но не растерявшегося, не опустившегося, а продолжающего плыть...

И один в том поле, которое называется жизнью, оказывается воином. Переписываясь со своими друзьями и знакомыми, рассеянными по миру, я с особенным интересом всегда останавливался на письмах полковника Владимира Александровича Хабарова, инструктора казачьей дивизии в Персии, оказавшегося занесенным в Португальскую Индию в чащу джунглей. Письма его, всегда интересные, были использованы мною в печати. А теперь по моей просьбе В. А. Хабаров написал ряд очерков о том, как он попал в Индию и как под чужим небом проходит его жизнь.

Читая эту рукопись, чувствуешь тот упорный труд, ту нечеловеческую силу воли, которую приходится затрачивать русским людям на новых местах. Но труд и воля преодолевают все: природа, упорно сопротивляясь, уступает и оказывается побежденной. Вот почему, редактируя его очерки, я назвал их — «Завоевание Индии».

Н. Рыбинский.

I

Когда, по милости Аллаха, е[го] в[еличество] Ахмед Шах²⁶ объявил нам, инструкторам персидской казачьей дивизии, «марахас» (отставка, увольнение, отпуск), прельстясь тяжестью фунтов стерлингов, почти вся дивизия была на фронте в Гиляне и защищала Персию от вторжения большевиков²⁷. Получив это радостное известие, мы не были особенно поражены, т. к. дивизия давно дышала на ладан и только благодаря необычайным способностям н[ачальни]ка дивизии п[олковника]ка В. Д. Старосельского, держалась.

Возмущены же были мы сильно вероломством: в конце мая Шах сказал п[олковни]ку Старосельскому: «Я даю Вам свое слово, что дивизия несмотря ни на что останется неприкосновенной». А в октябре того же года²⁸, тот же Шах сказал: «Я очень жалею, полковник, но я не могу сдержать своего слова — оставить дивизию». Ну как бы то ни было, перед нами встал вопрос: «Что теперь делать, куда подаваться и чем заняться, чтобы жить». Большинство решило ехать в Италию или Францию. Резоны их такие: первое — союзники, рыцари не дадут же пропасть, помогут устроиться; второе — думали, что едут ненадолго, так хотелось поближе к России быть, чтобы при первой же возможности поскорее вернуться.

Лично я не был склонен верить в галантность и рыцарство французов, а потому с 2–3-мя этакими же скептиками выбрали своим местом Аргентину или Австралию, где решили «сесть на землю». Чем другим мы могли заняться, прослуживши всю самостоятельную жизнь на военной службе? Ремесла никакого не знали, торговать не умели. Хотя и в земледелии наши познания были далеко не велики, но здесь «что посеешь, то и пожнешь» сам, а в другом деле — от твоего неумения пострадает другой.

Мне приходилось мальчиком жить в деревне, на хуторе моего деда, и я видел, как пашут, сеют, жнут, косят. Пробовал и сам это делать — казалось легко. Особенно меня прельщало садоводство и огородничество — с малых лет любил продукты этого вида земледелия, хотя в те времена личное мое участие в нем взрослые считали «вредительством» — уничтожалось все, что под руку попадало, не интересуясь, поспело или нет. Будучи уже командиром роты соприкоснулся несколько ближе с огородами, а однажды и с «методом Демчинского»²⁹ — по приказу командира корпуса ... практически ознакомить стрелков с культурой хлебных растений по «системе Демчинского». Брошюрка была выписана, а там все ясно и просто, особенно если самому «обучать», а не копать и вообще не работать.

Приняв это решение (ехать в Австралию или Аргентину), мы начали хлопотать о визах. Потерпели сразу неудачу. Мои компаньоны сразу же сдали, главным образом под натиском жен, одна из которых объявила, что она без Парижа никак не может жить.

В общем, остался я один, и решил, во что бы то ни стало, пробиться в Австралию. Жили же мы в английском лагере.

В один прекрасный день получаем извещение: «Британское правительство предлагает русским беженцам запастись визами во Францию, не имеющим же эти визы, отправиться во Владивосток».

Французский консул в Бомбее в визах отказывал и держал себя таким хамом, что его один из наших офицеров чуть-чуть «не задушил».

Ехать во Владивосток в конце сентября 21 года, т. е. перед самой зимой, имея жену и двух детей, было вовсе глупо — Владивосток был забит беженцами и по ходу событий был накануне перехода к большевикам. Попасть же в руки большевиков мне не очень хотелось, т. к. я сам еще в Персии

читал свой приговор за взятие у них своим отрядом Решта и 10 орудий.

Взвесив все это, я обратился к английскому командованию и просил разрешения проехать в Гоа (Португальская Индия), где, как я знал из газет, правительство предлагало земельные участки колонистам-европейцам. В разрешении мне отказали. Тогда я, разузнав, что моя семья за меня не отвечает, попросту бежал из лагеря. Вместе со мной бежал мой бывший подчиненный в Персии классный фельдшер В. Ф. Жуков³⁰ (кубанец).

Все было отлично до тех пор, пока мы не встретили на одной пересадочной станции своих земляков-беженцев из другого лагеря (Бельгаум). Черт их знает, как они догадались о цели нашего путешествия — перейти границу. Сразу напустили такой таинственности, точно мы государственные преступники, а они наши укрыватели.

К пограничной станции подъехали в 2 часа ночи. Сидим в вагоне и «царя Давида поминаем». Вдруг входит в вагон английский офицер. «Ну, — думаю, — приехали!» Вошел, «зыркнул» глазами по купе и очень вежливо спрашивает что-то, из чего я понял слова «костом» (обычай, привычка), «ти» (tea — чай), «офицер» и «чив ми» (дайте мне). Перевел я его речь так: «Я офицер, имею привычку ночью пить чай, дайте, пожалуйста, если у вас есть».

Перевод был такой, что называется «вольный», но нужно принять во внимание, что английский язык я изучал полтора месяца и специализировался больше на «земледельческих» и «скотоводческих» словах, а «дорожными» словами пренебрегал.

Мой спутник внес «дополнение» и «объяснение»: «Должно быть с вечера “заложил” как следует, а теперь со сна жажда мучает. Это пассажир, а не жандарм. Пусть подождет полминуты, я в окно видел — чай на платформе подают —

сейчас принесу. Человек, видать, он хороший». Я говорю англичанину, что-де у нас нет обычая по ночам чай пить, но для вас сейчас принесет мой компаньон.

Понял он меня или нет — не знаю, но пальцем на чемодан показал и опять: «Tea?» «Нет, — говорю — не чай, а вот костюмы, белье». В это время входит Жуков с чашкой чаю. Англичанин сначала глаза вытаращил, а потом захохотал. Наконец разобрались кое-как. Оказалось, что он — таможенный офицер и спрашивал, не везем ли мы чаю. Таможня по-английски тоже «костом», только иначе пишется и немного по-другому выговаривается. Посмеялись и расстались.

До португальской границы доехали к утру. Здесь с нас взяли на какой-то католический монастырь пожертвования. К вечеру добрались до столицы колонии Пянджим (Pangim). Грустное впечатление она на нас произвела после Бомбея. словно из Петербурга да в какую-нибудь Елабугу попали. Одно мне понравилось и сразу на сердце, что называется, «тепло стало» — керосиновые фонари и даже на деревянных столбах и расставлены не в строгом порядке, а так — кое-где! Что ни говори, а керосиновый фонарь уют улице придает...

2

На другой день с утра мы отправились на разведки относительно будущего. Адреса лиц, кои могли нам дать нужные сведения о земле, у нас были. Прежде всего, нас занимал естественно вопрос: разрешат нам остаться здесь или же «попросят на вынос», так как явились мы сюда совершенно без всяких виз и разрешений.

Решили идти прямо к коменданту полиции. Тот принял нас немедленно с изысканной вежливостью, как истинный

офицер (от вежливости-то, имея дело с французами и англичанами, мы уже достаточно отвыкли) и сказал, что мы можем здесь оставаться, сколько хотим, но при условии: не вести никакой пропаганды и повиноваться португальским законам. Разведка же о земле определенного дала мало: узнали, что приглашение европейских колонистов только проект. Нам посоветовали или взять землю у частных лиц (купить или арендовать), или же арендовать у правительства на очень льготных условиях. Решили осмотреть сперва частные земли, а пока что — выписать из Деоляли (английский лагерь, где мы содержались) свои семьи.

Я кроме того нашел в Бельгауме своего старого товарища по Туркестану и предложил ему быть учителем моего сына. Ему тоже угрожала высылка во Владивосток и с большевиками у него отношения тоже заставляли желать много лучшего — он сформировал в Ташкенте отряд почти сплошь из офицеров для обслуживания Памиров, но отдохнув немного на Памире, он с отрядом ушел через Афганистан в Индию и был интернирован англичанами. Деньги же отрядные переслал с одним офицером адмиралу Колчаку. Вот за это-то он и был приговорен заочно «к стенке». Семьи наши скоро приехали, и мы, таким образом, «рассеялись в Португальской Индии».

Осмотрев несколько частных участков, мы облюбовали один; недорого и место нам понравилось. Пошли к нашему руководителю — редактору местной газеты, который просил нас ничего не делать без его совета, дабы нам не влипнуть. Рассказали ему все подробно. Выслушал. «Знаю — говорит, — и участок, и хозяина — богатый человек. Только лучше вам с ним дела не иметь». Говорит, а по лицу этакое мечтание разливается. Мы-то, хоть и поняли его сразу, но участок уж очень понравился. Стали выпытывать — почему он не советует взять этот участок, и вот, что узнали: с давних

времен завелся здесь оригинальный обычай, получивший законную силу. Желая я, скажем, по тому или иному поводу сделать пожертвование на какую-либо церковь, монастырь или благотворительное учреждение, а так как я истинный гоанец, скорее удавлюсь, нежели расстанусь с наличными деньгами, то я жертвую доход с известного участка, с известного количества пальм или манговых деревьев. И вот весь доход с участка и должен идти на церковь и т. д. Я могу участок продать (если удастся облапошить кого-нибудь), но и новый хозяин должен отдавать доход по назначению. Земля-то считается моей, работаю на ней я, а доход забирают святые отцы, с которыми, не приведи Царица Небесная, связываться. Это не то, что наши батюшки, эти из души вытянут, а своего не упустят — народ серьезный.

Есть еще и другое: в первые времена по завоеванию Индии здесь владычествовали отцы ордена Иисуса. Много они сделали хорошего в смысле культуры здесь, да, собственно говоря, они одни только и сделали, после же них... никто и ничего. Между прочим, они вывели здесь лучшие сорта манго. Во всей Индии нет таких чудных фруктов манго, как в Гоа. Между прочим, манго лучший фрукт вообще в Индии, даже можно сказать единственный. Так вот, они и продельвали такие штуки для широкого распространения хороших сортов: выдадут земледельцу, скажем, 50 саженцев, он их должен посадить и вырастить, но св[ятые] отцы доход с части, напр. с 10 деревьев, оставляли за собой. Это, конечно, справедливо и хорошо; так как другого способа распространять полезное при планетарном нежелании населения улучшать что-либо нет, а с отцами-иезуитами, имевшими в своих руках инквизицию и особый «паллацо до санта Инквизиция» в Старом Гоа, шутики были плохи — под такую категорию подведут и в случае упорства, что не только 50 деревьев — 5000 своими руками посадишь. Хоть и гово-

рят, что отрадно быть великомучеником за свою идею, да ведь говорят то не те, кто ими был. Таким образом, произведя по всему Гоа манго лучших сортов, св[ятые] отцы, дабы эти сорта сохранились навсегда, вменили в обязанность тем, на чьей земле они были посажены, что деревья, с которых доход поступает в орден, должны быть вечными, т. е. если дерево засохнет или перестанет приносить плоды, то владелец земли обязан посадить взамен его другое — того же самого сорта. Теперь строго наблюдают за исполнением этого священники, так как доход идет на их церкви.

Здорово поняли отцы-иезуиты душу гоанеза — теперь лучшие сорта только и сохранились, что эти церковные деревья.

Вот на такой-то участок мы и наскочили, да ладно добрый человек предупредил. После этого случая плюнул я на частные земли и решил просить на льготных условиях казенной. Повели нас к директору департамента, заведующего казенными землями. Тот с готовностью обещал и даже дал чиновника, который должен был показать намеченный участок. Поехали мы смотреть. Место оказалось милях в 35 от столицы около самой железной дороги. Я в дикий восторг пришел. Вы посудите сами: с двух сторон участок граничит с рекой, в которой рыбы, что называется «видимо-невидимо». Лесу — хоть отбавляй, а в лесу зверья, значит, сколько угодно (эти-то вот звери у меня впоследствии боком вышли), пахотной земли в 5 раз больше, нежели нужно. Благодать, одним словом! А арендная плата гроши: одна треть фунта ст. в год за всю!

Подал заявление, сказали: «Ждите и навещайте» — это директор департамента, а сам таково задумчиво на нас поглядел. А люди посторонние прибавили к этим словам: «Если же не хотите ждать — дайте взятку». Оно конечно: «Не подмажешь — не поедешь», а с другой стороны — как

дашь? А если оскорбишь этим? Потом-то узнали, что, если бы и оскорбился, то исключительно потому что мало дали, и попросил бы прибавить.

Проманежили нас месяца два — завтраками кормили. Наконец вручили сертификат на владение участком. Вернулся я к своим домой, ног под собой не чуя! Еще бы — сбылась мечта еще моего покойного отца — заняться землей!

Первое время, примерно с месяца, я с семьей жил в гостинице. Когда же я выбрал участок и получил уверенность, что этот участок мне дадут, то стали подумывать о своей квартире. Мечта, конечно, о собственном хозяйстве: заведем обязательно корову, что за помещичья жизнь без сливок, масла, творогу, вареников, ватрушек и т. д., кур тоже — глупо же покупать яйца, имея свою землю. Вообще размышлялись так, что уж суп *à la Brandahlist*³¹, состоящий «в главном и целом» из трех стихий: воды, червей и жучков-долгоносиков с незначительной примесью вермишели — перестали есть, на тонкие плитки подошвообразного мяса, подожженного в кокосовом масле и годного больше для швырянья в незнакомых собак, смотрели с презрением. Ели рыбу и рис, да и то до одной неприятной встречи. Иду как-то утром по городу — квартиру искал, и вижу: идет с корзиной человек — слуга, по-видимости, с базара, продукты несет, а в другой свободной руке лыком связанные две огромнейших лягушицы ногами дрыгают и орут на всю улицу. Я знаками спрашиваю: «Зачем ты их тащишь?» А тот улыбается во весь рот: «Хана», т. е. «еда — говорит и лопочет — Керри-райс»³². Это значит — рис, а лягушки-то в «керри», т. е. в соус! Будь ты проклят анафема, а мы только «керри-райс» и едим в гостинице-то!

Правда, с волками жить — по волчьи выть, ладно, выть-то я буду, но чтобы соус из такой мерзости есть — ах, оставьте! Прибежал в гостиницу, говорю жене: «Нужно

хоть какую-нибудь квартиру, чтобы самим готовить, а то вот штука-то какая». К счастью, в тот же день подвернулась квартира из 12-ти комнат, а мы искали — 3. Решили переехать и начать готовиться к новой жизни, обзаводиться инвентарем и т. д. Наняли кухарку. Правда, из национальных блюд она умела готовить только воду для чаю, да и то, если за ней не смотреть, то даст не кипевшую. «Будем, мол, учить готовить русские кушанья, это же обстоятельство, что она ни лешего не умеет готовить, еще лучше — не будет смешивать». Но пришлось все же прогнать ее: промучились целый месяц — а улучшения никакого, хоть кол ей на голове теши. Наняли «боя» лет 30-ти. Дело пошло лучше. «Занимаясь» с кухаркой, пришлось убедиться, что глупей здешней бабы — только паровоз, у которого только и хватает умения — по рельсам ходить.

3

Из «особенностей бытия» заметили, что здесь действительно «природа не терпит пустоты». Купили макарон, а перед тем, как их варить обнаружили, что каждая макаронина внутри разделена на камеры и в каждой камере замурован глиной... или паук, или зеленый червяк! Прodelывают это особой породы осы. Просто беда с ними: все скважины замочные в дверях, шкафах и столах начисто заклеены. Пришлось макароны выбросить — не прочищать же их проволокой, как предлагал наш слуга и как, по его словам, все делают. Стали к покупаемым продуктам «относиться критически» и не зря, т. к. вскоре выяснилось, что здесь ни рису, ни муки, ни вообще каких-либо продуктов, будь-то сушеные фрукты или «мучное» — без жучков и червячков не бывает.

Когда я получил сертификат на владение участком, работали такой план: семья под защитой моего товарища, о котором я говорил выше, остается временно в городе, а я еду на участок «начинать». Т.к. предварительная разведывательная поездка выяснила, что продуктов питания «на месте» достать невозможно, то, согласно Майн-Риду и Жюль Верну, решено было, что я возьму с собой сушеного мяса, сухарей, сушеной рыбы, рису и пр. Мясо сушится довольно просто по Майн-Риду, но это весьма сложная вещь на практике. У Майн-Рида: нарезать мясо тонкими ломтями, посолить и вывесить на солнце; хорошо, конечно, резать «тонкие ломти», напр., от ляжки бизона, но если с базара приносят буквально обрывки бесформенные, то его уж ломтями не нарежешь. С большим трудом и за взятку мяснику добыл подходящий кусок. Нарезали, посолили, повесили. Через 15 минут облепили зеленые мухи, наклали червей! Этот случай Майн-Ридом не предусмотрен. Переменили мясо, повесили снова и по очереди гоняли мух. Кроме мяса сделали общими усилиями еще и колбасу упрощенным способом. Словом, готовили меня по пословице: «Едешь на день — готовь хлеба на неделю», и когда я был готов и осмотрел запасы — ей богу, у генерала Нобиле на «Италии»³³ было меньше! Но... «запас кармана не дерет и есть не просят...»

Отправился. Провожали. Приехал. Первое, на что я наткнулся — язык, т. е. я совершенно не знал ни по-португальски, ни по-индусски, а купленная мной книжечка «Англо-португало-канканы» (индусы здесь по месту «Канкан»³⁴ называются «канканы»), говоря мягко, не отвечала действительности. Этот камень преткновения я скоро обошел, наняв одного португальца, который говорил по-английски еще хуже, нежели я, и мы отлично друг друга понимали. Не думаю, чтобы кто-либо третий понял нас, но это

и не входило в мои планы. Первой заботой было выстроить сарай для машин, т. к. орошение должно было быть при помощи машин. Нужно было рабочих. Оказалось, что это не так-то легко. Дело в том, что был декабрь, первый свободный месяц после сбора всего урожая, и индусы, имея рис и перец в изобилии, ели и пьянствовали, а в работе не нуждались и на работу не шли. Теперь, прожив здесь столько лет и узнав условия жизни здешнего индуса, я нахожу, что желание его отдохнуть и отвести душу вполне естественно: ведь с конца января он начал приготовления к посевам. Сначала рубка и сушка хворосту для обжигания поля, потом переноска этого хворосту, обжигание. Это растягивается до конца мая. У индусов нет обычая взаимной помощи или, по-нашему, «толоки», когда всей деревней убирают поля по очереди у каждого. Здесь каждый работает на себя только.

С началом дождей (первые числа июня) пахота и посев риса, проса и огородов, потом прополка всего этого, окарауливание днем от обезьян, а ночью от кабанов и, наконец, в конце октября и весь почти ноябрь жатва и молотьба. Молотят или быками, т. е. заставляют быков ходить по разосланному рису или просу и топтать его, или же вместо быков топчут сами и трут собственными руками. Да с этакой каторги запьешь от радости не только на один месяц.

4

С грехом пополам за полуторную плату нашли 2-х человек. Пришлось взяться за работу самому, португал же мой, ведя происхождение от гидальго (или как он говорил «от фидальго»³⁵) к физической работе питал страх. Первое время, признаюсь, было очень трудно, т. е. не так мучила работа — физическое напряжение, как жара. Ведь дело происходит на 15 градусах северной широты, а это что-нибудь да

значит! Солнце жарит, а не печет, обливаешься потом в буквальном смысле слова, жара мучает нестерпимо, но чем больше пьешь, тем больше потеешь; часов с 9-ти утра железные инструменты накаляются до того, что в руки взять совершенно невозможно. Помучился я дня два, а потом, по примеру индусов, сбросил рубашку, башмаки и стал работать только в трусиках и сандалиях (одна подметка и два ремня), стало много легче. Как вспотеешь, чуть ветерком тронет — высохнешь и охлаждаешься. Правда, при таком режиме воспаление легких получить, как говорится, «легче легкого», но другого выхода нет.

Так как на участке жить было негде, то на первое время я поселился у своего португальца, жившего примерно в версте от места работы, верней — я только ночевал там да держал запасы. Утром уходил на работу, брал продуктов на день и в часы отдыха, с 11 с половиной до 2-х, варил себе обед. Как, бывало, казалось аппетитно все, когда читал: «В котелке на костре варилась похлебка из сушеного мяса, приятный запах щекотал обоняние, разжигая аппетит. Наконец, все готово, наши путешественники, вооружась ложками, принялись за вкусную похлебку». Черт бы взял эту похлебку из сушеного мяса! Ничего гаже я во всю свою жизнь не ел! Вкус и запах такой, как будто она сварена не из мяса, а из куска старого недоуздка обозной лошади. Во время Великой войны пришлось два месяца питаться варевом из сушеной зелени (интендантской заготовки) с воблой 3-го сорта; удивительно невкусное варево! Но оно в сравнении с этой похлебкой — консоме с гренками! Чем только я ни сдабривал — и лук жарил, и картофель толоч, и рис сыпал, клал сушеную рыбу, лил молоко — ничего не выходило. Вдобавок ко всему, «мою надежду и упование» — самодельную колбасу, изрешетили муравьи. Она, как и предполагается у настоящего путешественника, была развешена

по стенам «вигвама», и вот это, как оказалось потом, и была грубая ошибка — нужно было положить в глиняный горшок и закрыть доской и придавить доску камнем, или же подвесить над очагом, который должен все время дымить. На стене же на нее налезли огромные, не меньше двух сантиметров, черные муравьи с такими могучими челюстями, что, когда во время моего боя с ними, один укусил меня за палец, то прорезал ранку около 2-х миллиметров и настолько глубоко, что кровь капала. Вообразите, что они сделали с колбасой! Отбилась я от них огнем. Перевесил колбасу на середину комнаты на тонкой проволоке — нашли. Небось, сушеное мясо не тронули — вкус имеет, даром что «насекомая млекопитающая».

Работа тем временем, хоть и медленно, но подвигалась, и рабочих стало легче находить. Однажды в разговоре со здешним административным чиновником я высказал желание иметь не поденных рабочих, а месячных — и дешевле, и удобней. Он прислал мне одного. Приходит человек лет 50 — окончательно голый и держит в каждой руке по глиняному горшку, а на серебряном поясе висит кривой косарь (койта³⁶). «Меня, — говорит, — режидор³⁷ (чиновник) прислал служить у вас». Ну, потолковали мы с ним, как могли, сговорились. Я его посылаю за вещами (как у нас принято) и велю завтра прийти. «Да я, — говорит, — уже пришел с вещами, вот горшки и койта, а больше у меня ничего и нет». «Как же ты будешь жить? — спрашиваю. «Да ведь раньше-то я жил? Я уж на вашей земле в лесу лет 15 живу. У меня никого из родных нет, и никогда никакого имущества не было. Вот к дождям куплю себе “капу” (гуземной работы шерстяной плед, служит и одеялом, и непромокаемым плащом), а когда дожди кончатся — променяю “капу” эту на водку, а то она пропадет». «Ну, — думаю, — и работничек». Вечером говорю режидору об

этом и делаю предположение, что работник, верно, выпить любит. «Ну, не “выпить любит”, а вовсе пьяница, только вы не бойтесь: пьет он вечером только, а с утра до вечера будет работать, как никто здесь. Главное же его достоинство — он честен, а это в здешних местах до того редкое качество, что вот мне 55 лет, а я только двух таких знаю». Я решил этого работника взять и потом не раскаялся.

Гангу (так его звали) оказался не человек, а золото. Прежде всего, он уличил моего португальца в воровстве. Дело в том, что здешняя рупия (15 рупи — 1 ф. стерл.) делится на 16 анн, в каждой анне 4 пайсы (!) или 12 пайс. Здесь четверть анны называется одна пайса (жен. рода), а одна двенадцатая — один пайс или райс (муж. рода). Так вот португалец получал с меня пайсами по одной четвертой анны, а рабочим платил райсами, т. е. одной двенадцатой анны. Так, например, говорил он мне: «Этому рабочему за 8 часов работы следует по 1 анне и 2 пайсы в час (по 1,5 анны), всего 12 анна, я и выдавал ему 12 анн. Он же выдавал рабочему по 1 анне и 2 райса (или пайса) в час, т. е. за день не 12 анна, а 9 анна и одна треть пайсы, разницу — 2 анны и 2 трети пайсы воровал с каждого рабочего. Я сперва удивлялся, почему рабочий, проработав до первой получки, уходит и не возвращается, но когда мне Гангу растолковал эту «механику», я понял и дал расчет португальцу.

Интересно, как мы с ним, с Гангу, разговаривали: он кроме «канкани» никакого языка, конечно, не знал, а я по канкани ни слова. Все же, хотя и после больших усилий с обеих сторон, столковались. Очень я жалел, что не мог выучить этого проклятого языка, много бы можно было записать интересного из его рассказов.

Тангу построил мне на берегу реки настоящий вигвам из пальмовых листьев, и я перешел жить на свой участок.

Домой, т. е. в город к семье, я приехал первый раз к Рождеству. Очень хотелось по традиции устроить детям елку, но ничего не вышло. Решили, что когда переедем в свой дом, тогда уж будем жить «по-человечески», т. е. елка на Рождество и куличи, и пасха на Святой. Без меня было положено основание «домашнему хозяйству», в частности куроводству. Куплено было 4 цыпленка с намерением зажарить их, но младший сын 4 лет утащил одного для игры, а когда пришли брать его и поступить с ним по прямому назначению, то сынишка поднял скандал, обвиняя всех в жестокости, и заявил, что так делают только большевики, т. е. режут цыплят, а небольшие приносят с базару уже неживых. Пришлось уступить, и недорезанный цыпленок должен был изобразить краеугольный камень куроводства. Сколько потом проклятий было послано этому краеугольному камню.

Возвращаясь на участок, взял с собою старшего сына, чтобы пожил вне города и «вкусил природы». Ведь он никогда не жил не в доме и вообще был городской житель. На первых порах он и оскандалился. Прибегает как-то ко мне, запыхался, взволнованный: «Папа я сейчас дикую козу выгнал!» «Какая она?» «Маленькая (показывает четверти полторы от земли) и уши длинные, а рог нет». Объяснил ему, что это не коза, а заяц. Прожил у меня недели 2, вижу: от моей кухни в стиле Майн-Рида парнишка нос воротит. Вздумал покормить его дичью. Пошел в лес с намерением убить дикую курицу. Правда, вернулся «с полем»³⁸, но без брюк и рубашки, т. е. и то и другое было, но в таком «остаточном состоянии», что лучше про них и не говорить.

Оказалось, что охота в здешнем лесу возможна только «в голом естестве» — тогда рвется только кожа собственная, а не одежда. Дичи много, а взять нет возможности — колючки, колючие лианы, колючие кусты и т. д. Т.о. петух, которого я убил, стоил костюма. Надежда на обильную охоту пошатнулась.

6

Отправив этого сына домой, предложил жене с младшим приехать, так как нужно было выбрать место для дома и «угодий». Жене очень понравилось место, а главное — под рукой река, значит и купание, и стирка. Очень ее возмущала здешняя манера прачек стирать. Здесь прачки «добы» — мужчины. Стирают они так: идет на реку, намылит вещь и начинает изо всех сил колотить ею по камню, обмакивая по временам в воду. Конечно, пуговицы в дребезги, а белье после 3–4 стирок становится похожим на 200-летние боевые знамена — одни клочья. Для «почину» забрала жена мой костюм и пошла на реку. Но так как дело было под вечер, то я уговорил ее намылить и оставить на реке до утра. Так и сделала, придавила еще камнем. Наутро пришла — камень свернут, а намыленного костюма как не бывало. Оказалось, как я узнал потом, слопал его крокодил, которых в нашей реке хоть отбавляй! Вот тебе и купанье! «Попало» мне за хороший совет! Дабы умиловить разгневанную «половину» придумал угостить ее пловом по-туркестански, который она, как урожденная туркестанка, обожает. Добыл с трудом 3-х цыплят (ведь баранины здесь нет) и отдал расторопному рабочему: «Зарежь, мол, и очисти. Можешь это сделать?» «Могу». Через 15 минут приносит: «Готово». Посмотрел я и плюнул: он цыплят удавил и содрал перья с кожей. Оказывается, по-индусски так и нужно.

В то же время мы испытали одну большую неприятность благодаря скептическому отношению к советам старожилков. В то время как раз был сезон фруктов «каджу»³⁹ (дерева, привезенного сюда из Бразилии). Фрукты каджу идут только на выгонку водки. На верхушке каждого плода (плод желтого или красного цвета в форме груши, мягкий мясистый и сочный), вырастает довольно порядочный орех почковидной формы. Ядро этого ореха очень вкусное, но чтобы достать его нужно сперва обжечь скорлупу, которая содержит много вредного эфирного масла. Я видел, как продлевается эта операция и хотел сделать сам. Гангу мне сказал, что прежде, чем раскалывать обожженные орехи нужно руки и ноги смазать маслом кокосовым. Я этим пренебрег. Обжег орехи, позвал сынишку и давай вдвоем колоть. Накололи, а на другой день и на руках, и на ногах ранки, как от ожогов. Оказывается, обожгли мы недостаточно, и при разбивании масло из скорлупы брызгало на руки и на ноги и пожгло кожу. У меня еще не так сильно (кожа грубей), а у сынишки потом образовались нарывы, и долго болело.

7

Время подходило к сезону дождей, и пора было приступать к приготовлению земли. Нужно было вырубить деревья, кусты, распределить участки и т. д. По ознакомлении через литературу и разговоры выяснились те виды посевов, которые бы были и под силу, и давали возможность жить. Познакомившись основательно, я решил с общего совета и согласия, что, так сказать, основой всему будет сахарный тростник, как самая доходная статья, а подсобными статьями — земляной орех (китайский или обезьяний) и папая. Это скороспелое дерево даже скорей не дерево, а трава по своему строению. Плоды по вкусу и строению очень похо-

жи на дыню, но имеют неприятный запах. Разводится папая ради сока, который выделяется из кожицы плода. Этот сок собирается почти так же, как сок маковых коробок (опий) — надрезывают в нескольких местах кожу на плоде, и сок, белый и густой, как молоко, стекает в подвешенную к плоду чашечку. Потом этот сок выпаривают, остаток в виде порошка известен под названием «пепсина⁴⁰» и идет как медицинское средство. Это очень доходное дело..., но не здесь, но об [этом] после.

Для собственного же обихода решили посеять хорошего сорта рис, немного перцу и развести огород. Кроме всего этого ананасы и бананы. Как видите, размах был, что называется, российский. Получился же скандал тоже в российском масштабе.

Проделав этот опыт, теперь только я понял, как иногда самые незначительные факторы, которые не были приняты во внимание благодаря своей незначительности с нашей российской точки зрения, могут испортить все дело, и свети весь труд на нет.

С разведением папай у меня произошла такая вещь: нужно посеять сперва семена на отдельной гряде, когда рассада вырастет до высоты 4–5 дюймов, то нужно ее рассадить уже на подготовленном поле на расстоянии 8–10 шагов одно растение от другого, т. о. на одном акре поместится 400–500 деревьев. Посадил я рассаду, но не принял во внимание того, что могут быть какие-нибудь вредители, да и в руководствах прямо сказано: «...папая вредителей не имеет». Но вредитель нашелся в лице крысы! В две ночи одна или две крысы уничтожили всю рассаду, т. е. двухмесячный труд — перегрызли все растения. Обидно было, но решил начать все снова, но другим манером, т. е. посадить семена прямо на места и сделать в новом месте рассаду — т. е. вдвойне; предполагал, что либо там, либо здесь удастся сберечь. Рассаду

окружил западнями, крысоловками и пр., ночью выходил с огнем, разыскал нору, выкурил и убил 2-х крыс, осмотрел все вокруг — нет больше нор.

Выросла рассада и опять штука. На месте, где были посажены растения, каждый вечер закрывал банками из-под консервов, но когда закрывать стало уж нельзя, т. к. растения сильно выросли, в течение 4–5 ночей все они были уничтожены крысами. А ведь я посадил около 1000 деревьев. Прodelал опыт 3-й раз и опять с тем же успехом. Пришлось отказаться от разведения папайи. Да оно, собственно говоря, и к лучшему вышло-то, т. к. чтобы ежедневно собирать сок, налившийся в чашечку, нужны постоянные рабочие, которых, раз обучив, можно бы было посылать одних, а тут постоянных рабочих иметь невозможно. С поденными же рабочими этого дела вести, конечно, невозможно.

С земляным орехом получилась аналогичная история.

Первый год все сошло довольно благополучно — посадил 5 мешков, собрал 25. На второй год посадил все эти 25 мешков и ... не получил ничего! Все съели крысы, которых появилось невероятное количество, и зайцы. Борьба оказалась не по силам одному, а помощников не было.

Ну, я забежал вперед.

Перед дождями мне предстояло совершить два важных дела: перевести семью поближе к участку и начать пахоту. До сих пор семья жила в «столице» — от меня миль 20. Кажется, пустяковое расстояние 20 миль, но здесь, чтобы добраться до столицы, нужно выехать на пароходе в 7 ч. утра и доберешься едва-едва к 6–7 ч. вечера. Мне же необходимо было все время работать здесь, да и кроме того вопрос с моим продовольствием сильно обострялся. «Майнридничать» стало уж невмочь. Пробовал «зачислиться на довольствие» в кабак (здесь около станции 4 дома и 2 кабака), но мог получать только то, что едят рабочие: чару

рису и керри (растертый красный перец с кокосовым орехом и разведено это водой), но, как на грех, я рису терпеть не могу, а есть индусское керри — все равно, что горячие угли. Все же выдержал я этот стол целый месяц. Ведь обида какая: в 6-ти верстах от меня базарное селение, можно мясо иметь и хлеб. Самому поехать нельзя, т. к. станет вся работа, и послать никого нельзя, т. к. рабочие все индусы, а ни один индус до нашей пищи и не дотронется, т. к. она может его осквернить навеки. Живи же семья в этом местечке, старший сын мог бы привозить, хоть раз в неделю. Кроме всего этого — жизнь в столице оказалась чрезвычайно беспокойной. Здесь есть самый дурацкий обычай: всякий праздник церковный или даже семейный ознаменован стрельбой из небольших мортир (около пуда весом и на заряд идет 4 столовых ложки пороху), которые имеются в каждом доме. Обычно празднование у индусов происходит ночью, а у португальцев с 5 ч. утра, когда вы сладко спите, против вашей квартиры, а то и под самой стеной вашего дома начинают давать «очереди» из 4–5 пушек. Законом это разрешается. Редкую ночь нет этой канонады. Конечно, в конце концов, привыкли бы, но первое время это производило впечатление.

8

Нанял я подходящий дом в Санвардеме (базарное селение в 6 милях от моего участка). Я говорю подходящий в здешнем смысле, т. к. по нашим русским понятиям, если он и был подходящим, то разве для того, чтобы складывать в нем дрова, а не жить. Потолок решетчатый, населенный весьма плотно крысами, которые довольно часто падали в комнаты и уходили под пол через щели и дыры, которые

по сумме своих площадей равнялись, если не превышали только, площадь целых досок.

Весьма часто вместе с крысами падали и приходившие на чердак (по деревьям около дома, ветви которых простирались над крышей) для охоты за ними змеи.

Но все эти и другие прелести мы узнали с течением времени, да и то, собственно говоря, не я, а жена с сыном, у меня же были свои на участке.

Мне можно задать вопрос: «Зачем я нанял такой дом?» Другого не было, хозяин уверял, что никаких «trouble'ей» не будет, а местоположение дома отличное: на горе, соседей, а значит и их назойливых и бесцеремонных посещений, а главное пушек проклятых, ближе, нежели за 600–700 шагов, нет, и вид на окрестности восхитительный.

Перевез семью, устроил доставку продуктов (как это было трудно все наладить благодаря удивительной тупости и недоверию здешних «идолов» — одному Богу да мне известно).

Для иллюстрации расскажу такой случай, хотя он произошел уже, когда мы переселились в свой дом, но подобные ему случались чуть не ежедневно в Санвардеме. По уговору с одним лавочником-португальцем, мясо 2 раза в неделю по 6 фунтов каждый раз, приносили к нему, а он с нарочным отправлял по железной дороге мне. «Мясные» дни — суббота и вторник.

Однажды по случаю поста всю неделю мяса не было. Во вторник на следующей неделе получаю вдруг целую гору мяса и записку: «Посылаю вам 24 фунта мяса: 12 фунтов за прошлую неделю и 12 фунтов за текущую, т. к. в субботу мяса опять не будет». Не угодно ли? А нас всего 3 человека: я, жена и 6-летний сын! Не взять нельзя, т. к. деньги я давал авансом за 2–4 недели. Мясо же здесь в жареном состоянии может продержаться, если его разогревать 2 раза в день —

3–4 дня и под конец, конечно, превращается в мочалу. Только то и было утешением, что лучше больше, чем ничего.

Таким образом, устроив, что было нужно, поехал покупать буйволов. Купил две пары, переправил на участок. Плугами меня снабдил департамент агрикультуры, где директором и до сего дня состоит ... ветеринарный врач! Почему это так, когда здесь никакого скотоводства нет и в помине — одному богу известно.

Начались дожди, нужно начинать пахоту. Оказалось, что моими плугами индусы пахать не умеют, а туземные плуги берут лишь на 2 дюйма в глубину. «Ну, — думаю, — нужно научить и не осрамиться». Дело в том, что я-то сам никогда и в руках не держал ручки плуга нашего двуручного и с передком, а тут одноручный — одной рукой плуг направлять, а другой быков погонять. Крупы быков на три четверти аршина от моего лица впереди и, как махнет хвостом, то обязательно меня заденет, пробовал в этот момент пригнуться — невольно вывертываю вверх лемеш⁴¹, отклонишься в сторону — повалишь плуг, быки рванут, и летишь по паханному-то вперед. Да и кроме этого — быки привыкли, чтобы за плугом был черный и голый, а я одетый и главное белый, а белых они боятся и бегут от них.

Вот первое-то время я и бегал, держась за плуг, по всему полю. Но все же, в конце концов, справился и пропахал кусок, индусы поняли, и дело пошло. Пахал я, может быть, час-полтора, а руки и спина потом от этой гимнастики неделю целую болели. Потом-то я напрактиковался пахать и пахал, шутя, даже тяжелым плугом, который тянут три пары буйволов — нужда научит калачи есть.

Вспахали, засеял рис, земляные орехи, перец, а в огороде все как положено: капусту, картошку, свеклу и пр. Оставалось ждать плодов рук своих.

Пока время было свободное, насадил более 1000 ананасов, сотни две бананов и папая. Что было с папай, я говорил выше, а из всего остального хорошо пошли только ананасы, земляные орехи удовлетворительно, бананы неважно, рис, хотя и уродился нормально, но был вытоптан и съеден кабанями в течение 2-х ночей, когда я должен был уехать проводить старшего сына в английскую школу. Из огорода ровнехонько ничего не получилось, т. к. ничего из посеянного мною в здешнем климате не растет — нужно было сажать туземные овощи, значит. Но здесь, если посеять не в то время, когда этот вид нужно сеять, то либо не взойдет, либо взойдет, но сейчас же будет уничтожен многочисленными вредителями, либо, если и убережешь, то плоды будут ни к черту негодны.

С течением времени, конечно, присноровились мы и кое-что из овощей имеем свое, а первое время было очень туго. Капусты, картошки и помидоров здесь не было ни своих, ни привозных, т. к. жители этих овощей не ели совершенно, а мы не могли есть туземных. Какое удовольствие, например, есть плоды вьющегося растения, из которых делают мочалки?⁴² Или корень (кажется, это называется «слоновьи ноги») другого — когда его чистишь, то кожа с пальцев слезает, чуть не доваришь — весь рот обдерешь, а правильно сваренный имеет вкус плохой картошки⁴³. Да вообще все здешние овощи ни вкусу, ни радости.

Теперь, благодаря исключительно нам, капуста и картофель завоевали потребителя — на базаре можно купить и то, и другое. Морковь и помидоры еще борются, но прой-

дет еще каких-нибудь 5–6 лет, и эти овощи найдут потребителя. Жизнь идет быстрыми шагами вперед!

Первый сезон дождей мне пришлось почти целиком пережить в «вигваме», который построил мне Гангу из пальмовых листьев. Не скажу, чтобы это время будило во мне приятные воспоминания. Во время дождей дуют сильные ветры, а иногда пролетают и ураганы.

Хватит такой ураганчик, сорвет 2–3 листа, а другие поставит дыбом — и душ готов, через 5–8 минут нитки сухой не найдется. Машинный сарай был готов, и можно бы было жить в нем, но он построен очень близко к воде, река же быстрая, горная. Легко могло случиться (да и случилось года 2 тому назад), что после сильного ливня, вода прибудет сразу и пойдет стеной, то, что по-нашему, по-туркестански, называется «силь»⁴⁴, зальет сарай — играй тогда в княжну Тараканову⁴⁵.

Все же к концу дождей перешел в сарай, решил так: «В сарае либо утону, либо нет — неизвестно, а в “вигваме” хоть раз в сутки — душ обязательно!» В сарае житье было тоже не сахар — крысы одолевали. Равнодушен я к ним, но особого удовольствия не испытывал, когда они ночью по мне целыми очередями лазили и за ноги, словно в советской больнице мертвеца⁴⁶, грызли.

Зато единственный раз в жизни видел, как уж загипнотизировал крысу. Крыса была на расстоянии 5–8 шагов от ужа, когда он вполз в сарай. Увидя ужа, крыса начала пищать и метаться по сараю, а он приподнял голову четверти на 3 и прямо впился в нее глазами, поворачивая голову следом за ней. Минуты через 2 крыса, продолжая беспомощно метаться и отчаянно пищать, стала приближаться к нему сама и, наконец, буквально поползла к нему. У меня было впечатление, что крыса старается ползти назад, а кто-то невидимой нитью тянет ее к неподвижно лежащему ужу.

Когда она была на четверть аршина от головы ужа, он разинул рот — никогда я не предполагал, чтобы рот ужа мог так растянуться и уже хотел начать забирать крысу, но на крысу, верней на ужа, упало счастье в виде моей сандалиии. Уж, они здесь ужасно робки, хотя по величине доходят до сажени, мгновенно выскользнул из сарая, крыса освободилась от чар и нырнула за ящики.

10

Ну, как-никак, а дожди кончились, а с ними и мой первый земледельческий опыт. Результаты оказались печальные: кроме земляных орехов все, так или иначе, погибло. Рис уничтожили, как я говорил, кабаны, а огород вовсе не пошел — для капусты оказалось и жарко, и много вредителей, опрыскивать же совершенно бесполезно, т. к. дождь, не переставая, льет, для помидор воды много, а солнца мало; картошку съели белые муравьи (термиты) — это бич тропиков, не едят только камня да железа.

Было очень обидно, т. к. пропал каторжный труд и деньги. Но т. к. все это было подсобное, побочное и первый опыт, то духом я не пал и руки не опустил. Неудачи и ошибки всегда и везде могут быть.

Домашняя ситуация к концу дождей сильно изменилась.

Как я упоминал выше, старшего моего сына подготовлял в школу мой товарищ-туркестанец. Он жил у меня и под его охраной оставалась вся моя семья в Санвардеме (в селении в 6-ти милях от участка), когда я жил на участке. Но подготовка сына окончилась, он поступил в школу в Брит. Индии и уехал.

К этому времени совершенно ясно обнаружилось, что здесь заниматься чем-либо возможно с успехом, только при обязательном условии личного физического труда, т. е.

«черной работы» и очень тяжелой. Товарищ же мой — инвалид: у него разбита осколком голень и кости неправильно срослись, и т. о. к этой работе он был не пригоден. Поэтому он принял предложение какой-то полурусской торговой фирмы по скупке каракуля и уехал в Пешавер. В Санвардеме т. о. осталась одна моя жена с 7-ми летним сыном, я же принужден был жить все время на участке, т. к. началась пахота под сахарный тростник и постройка дома. Немыслимо же было жить на два дома! Прислугу принуждены были отпустить, убедившись, что здешняя прислуга — «жернов осельский на вые»⁴⁷, помощи от нее никакой, а хлопот, неприятностей и расходов сколько угодно.

Тяжело дался жене этот год, много нервов и здоровья она потеряла! Я уже говорил, что дом, в котором она с сынишкой жила, находился на отлете — на горе, в 600–700-х шагах от ближайшего жилья. Ни двора, ни забора вокруг дома не было, двери без запоров, да и бесполезно запоры-то ставить, т. к. доска в четверть дюйма толщиной, толкни такую дверь и входи свободно. Я организовал, что два раза в неделю мясо привозили, хлеб и воду приносили ежедневно. Другие продукты я, приезжая, покупал на 4–5 дней. Все «приносы» кончались часам к 9-ти утра, и целый день жена не видела живой души.

С одной стороны, это хорошо, т. к. здешняя «живая душа» того и гляди сопрет что-нибудь, но с другой — диковато. Работы было много: кухня, стирка, уход за курами, которых развелось более 50 штук — да вообще в доме, хоть и кажется, что работы нет, а отдохнуть некогда. Ко всему этому еще и с младшим сынишкой пришлось заниматься. Ночью же и отдыха не было: то война с крысами, то змея либо с потолка свалится, либо из-под пола вылезет. За год одиночной жизни она в комнате убила из ружья 5 или 6 змей, в числе их одну кобру. Стреляла она очень оригиналь-

но, и как только ни одна раненая змея ее не укусила — один Бог знает. Целится по-настоящему она не может — левый глаз не закрывается «одиночным порядком», а правым она плохо видит. Вот она и изобрела способ «прямой наводки»: определит, насколько змея возвышается над уровнем пола, на такой же высоте расположит и ружье шагах в 2–3 от змеи и открывает огонь! Случалось, что приходилось выпускать до 5 зарядов. Больше же всего она боялась, что ночью влезут и убьют.

Однажды она натерпелась такого страха, что даже и теперь забыть не может. «Проснулась, — говорит, — ночью от какого-то шума, словно кто из окна на террасе на пол прыгнул. Прислушалась — шаги! Через несколько минут слышу, нож об нож точит и идет кто-то прямо к двери в комнату (дверь не запиралась). Подошел, остановился, а нож точит. Ну, думаю, сейчас войдет и зарежет. Схватила ружье (ружьишко-то было для комнатной стрельбы — “монтекристо”), Леску (сына) решила не будить: может быть, его, сонного, не тронет, а если и убьет, то уж лучше пусть сонного же, как только отворит дверь, так прямо и выстрелю!

Сколько я времени ожидала — не знаю, может быть, минутку, может и час. Вдруг раздался крик курицы (наседка, которая сидела на гнезде на террасе), какая-то возня, шум. Я закричала и захлопала в ладоши. Слышу что-то или кто-то бежит, лезет на стену, потом на чердак и все утихло.

До утра я просидела с ружьем в руках. Наутро смотрю — на террасе, как снег куриные перья, а моя наседка в полуоцепанном состоянии».

Оказалось, сущие пустяки: через крышу (она черепичная и со многими дырами) на чердак влез мангус (мангус — небольшой зверек из породы хорьков, непримиримый враг кобры. Укус этой змеи, безусловно, смертелен для всех — человек умирает через 4–6 часов, курица моментально. Все

животные в панике убегают от кобры, но мангус — единственный из всех животных бросается на нее и благодаря необычайной своей ловкости почти всегда загрызает ее) с намерением поохотиться за курицей, до которых он, как и все хорьки, большой охотник. Звук же точимых ножей — это его характерный визг, когда он собирается броситься на свою добычу. Вот и все. Пустяки, не правда ли? Но от таких пустяков можно и захворать.

12

К февралю нужно было приготовить поле для сахарного тростника, т. е. вспахать его большим плугом на 1 фут глубиной, проделав борозды для укладки саженцев, положить удобрение и провести оросительные канавки. Пахать пришлось самому, т. к. индусы категорически отказались — очень тяжело и им прямо не под силу. Если кто не поверит, что пахать безпередковым⁴⁸ плугом на 3-х парах буйволов тяжелее в 2 раза, нежели работать в каменоломне — пусть сам попробует.

Наконец, тростник посажен, нужно поливать. Машины установлены раньше мной и моим товарищем. Обслуживаю их я один. Это не трудно, т. к. мотор керосиновый, работает как часы, нужно только воду носить для охлаждения.

Гораздо трудней было наблюдать за рабочим, который распределял воду по канавкам. Наши с ним интересы были диаметрально противоположны: в его интересах было употребить как можно меньше труда, т. е. стоять и ничего не делать, а вода — черт с ней — пусть течет, как хочет; мой же интерес был — полить хорошо с возможной экономией керосина, т. е. скорей. Приходилось бегать на поле, т. е. шагов за 800–900 от мотора, а у меня прострелено немецкой пулей колено!

Взошел мой тростник отлично! Новая беда — зайцы! К концу февраля кругом былинки зеленой нет — все выгорело начисто, а тростник зеленый, сочный! Главное по ночам, мерзавцы, ходили. Пришлось по ночам зайцев гонять. Их разгонишь, а через полчаса они снова являются. Завел пушки и «обстреливал» поле. Помогало, но мало.

13

Ко второму сезону дождей дом был готов вчерне, и оставалось закончить плотницкие работы. Для ускорения, а главное для экономии работал сам наравне с плотниками, благо это дело знаю немного. Выяснилась необходимость завести собственную кузницу, т. к. по здешним обычаям кузнец создан для того, чтобы выматывать нервы. Завел и теперь все необходимое делаю сам, равно как и по плотницкой части.

Желая облегчить жене домашние работы, забрал «куриное хозяйство» к себе на участок. Заводя его, мы наслушались «умных людей», что куры ничего кроме удовольствия и пользы не приносят, а хлопот с ними — никаких, собирай по утрам яйца и только! Не знаю, может быть, в других странах это и так, но здесь — «совсем даже напротив». Хлопот с ними по горло, а пользы на грош. Начать с того, что у петухов дурацкий обычай орать по ночам. Я помню, когда мне приходилось жить в имении моего деда в Орловской губ., то, бывало, очень я любил слушать, как ночью, особенно зимой, где-то далеко петух пропоеет. Очень это мне нравилось, опять же я верил тогда, что в этот момент вся нечисть проваливается в ад. Но, когда в 10 шагах от моей постели каждую ночь по три раза в ночь начали горланить 10–15 петухов, то это уже «нуль всякой поэзии», а «одно паскудство». Ну, это бы еще не большая беда — можно привыкнуть скоро, а вот то обстоятельство, что охотников до кур здесь гораздо

больше, нежели самих кур и бороться с ними очень трудно, заставило меня и жену отказаться, в конце концов, от «куриного хозяйства». Куры здесь очень плохие — маленькие и «малопродуктивные», т. е. снесет 10–12 яиц и шабаш, садится на гнездо. Пока я жил один здесь, я боролся с этим обычаем куриным. Вспомнил, что когда-то я слышал, чтобы заставить курицу перестать «квохтать» нужно ее несколько раз выкупать. Но тогда был дождливый сезон; глупо купать, если дождь льет, как из ведра. Я стал их просто привязывать на открытом месте. Куры переставали не только «квохтать», но и жить. Угробив этим новым способом штук 5, пришлось от него отказаться.

Пока кур не было и шакалов не было, а теперь, как, бывало, выпустишь их утром, через 15 минут в кустах крик, и куры «летом летят» во все стороны — посмотришь: одной или двух нет. Вот и пришлось: как закричат куры — бегу с ружьем в ту сторону, только вернусь, в другом месте крик — бегу туда и т. д. и так весь день. А по ночам то и дело в курятнике «тревога». Оказывается, что кроме мангуса, крысы цыплят и яйца из-под наседок таскают, змеи также этим делом занимаются, особенно кобра. Во всем этом я убедился сам, рассказам «старожилов» я никогда и ни в чем не верю. Т.о. вместо предполагаемого отдыха во время дождей мне пришлось возиться с курами — возненавидел я их.

14

По окончании дождей переселились в собственный дом! Дом пришлось построить комбинированной системы, полурусский, полупортугальский или верней индийский: без потолка, но с «белой» кухней и русской печью (единственной во всей Индии). Удайся построить свой дом в России, мы были бы счастливы, а теперь ... только довольны.

Подходило время уборки сахарного тростника, т. е. выварка из него неочищенного сахара. Дело происходит так: когда тростник поспеет, его рубят, дают особым прессом и сок кипятят в огромном, в сажень диаметром, котле.

У меня урожай был отличный. Много народу приезжало осматривать его, стали даже в местных газетах писать о «необыкновенных успехах». Так меня возносили, что иной раз забываешь даже, что о себе читаешь и думаешь: «Обязательно нужно съездить и поучиться у этого работяги — прямо необыкновенный человек!»

Для варки⁴⁹ нужны были два специалиста, один — собственнo варщик («гуль вала» по-индусски), а другой истопник. После тщетных попыток найти хороших специалистов здесь, я обратился в английскую опытную ферму, откуда и получил их. Начинается процесс рубки и варки торжественным жертвоприношением: хозяин должен собственноручно разбить кокосовый орех и окропить кокосовым молоком тростник, другим кокосом — пресс и быков, третьим — печь и котел, а кокосы положить на соответственные жертвенники. Я отказался от этого, передав свои полномочия варщику (что дурака-то валять?) и он исполнил весь ритуал с большой охотой.

Котел вмещает 120–150 галлонов⁵⁰ сока и из него вываривается 12–15 пудов неочищенного сахара (гуль или джагри по-индусски). Когда котел наполнен, разводится сильный огонь, и через 20–25 минут сок начинает кипеть. Варщик снимает пену большой «шумовкой». Так продолжается часа полтора. По истечении этого времени сок сразу густеет, и варщик начинает пробовать — готов или нет: голой рукой выхватывает из кипящего котла немного растопленного сахара и в ведре с водой старается скатать из него шарик. Если шарик скатывается и не пристает к стенкам ведра, то сок выварился, и котел нужно снимать. Это самый важный

момент, т. к. если котел передержать на огне одну минуту — сахар обратится в леденец, снять одной минутой раньше — масса не затвердеет, когда остынет, а будет полужидкой. И то (леденец), и другое (незатвердевший сахар) считаются браком и идут за четверть цены. Поэтому варщик беспрерывно производит пробы.

В это время истопник «держит» максимальный огонь, бросая под котел целые охапки сухих листьев тростника беспрерывно — он должен удержать температуру массы в котле 218–220 градусов С. — не больше и не меньше. Работает, конечно, без термометра, на глаз. Зрелище со стороны феерическое, особенно вечером. Огонь из-под котла с ревом вырывается из печного отверстия вместе с бесчисленными искрами и горящими листьями, которые, взлетая на 2–3 сажени, медленно падают вниз; истопник, как одержимый, в бешеном танце мечется от кучи сухих листьев к печке; рабочие, которые будут снимать котел, «вцепились» в палки (к круглому котлу приклепаны 4 кольца, в которые и проде-ты 2 толстые жерди) руками и впились глазами в варщика, чтобы не прозевать сигнала снять котел! Вот варщик скатал шарик и со всего размаху бросил его в борт котла, раздался металлический звук, варщик поднял над головой мешалку и во все горло заорал молитву, рабочие подхватили ее, бронзовые тела их выпрямились, котел поднялся и все быстро побежали вперед, а из отверстия, на котором стоял котел, вверх поднялся столп пламени в сажень диаметром. Варщик уже позади котла — держит над отверстием мешалку, с которой стекает в огонь расплавленный сахар — жертва богу огня!

Массе дается немного застыть, а потом ее раскладывают в ведра. Но она настолько еще горяча, что, если сунуть в нее руку, кожа слезет мгновенно (что и случилось с одним сладкоежкой-рабочим), варщик же набивает формы-ведра

голыми руками. Черт его знает, как у него не обжигается рука. По окончании раскладки в формы — опять жертва: кусок сахара кладется в стороне на особый камень и ... потом съедается варщиком, если до него не позаботится об этой жертве кто другой. Вообще жертв много!

15

Благодаря хорошему варщику, мое джагри вышло лучшее во всем Гоа, и я смог продать его выше нормальной цены. Первый год доход был пустяковый, т. к. расходы при посадке (приготовление земли, саженцы, удобрение) стоили очень много, но это нормально. Второй и третий съемы должны были дать доход много больше, т. к. их снимают с тех же корней.

Для осуществления грез о варениках и ватрушках была куплена буйволица, которая должна была давать молока 4–5 бутылок в день. Пастух, который ее доил, принес первый раз одну бутылку, сказав, что больше не мог надоить. К этому времени я уже достаточно изучил индусов, а потому объявил ему, что если он следующий раз принесет меньше 3 бутылок, то я котлом, в который он доит, разобью ему голову, т. к. я отлично-де знаю, куда идет молоко. Самому мне присутствовать при доении было нельзя — буйволица при виде меня приходила в неистовство и норовила оборвать веревку и сбежать. Отчасти выручал младший сынишка, который раньше свел дружбу и с буйволами, и с буйволицами, и она его совсем не боялась. Вот он и ходил наблюдать. Еще одну бутылку прибавил пастух, но клялся, что и это уж слишком много от буйволицы. Сперва я не верил, а потом убедился, что это правда — ведь в Гоа лучшая буйволица дает 3 бутылки на один удой утром, а вечером полторы-две, обыкновенная же корова 3 бутылки за 2 удоя и это максимум.

Таким образом, надежда на изобилие молочных продуктов, как это полагается настоящим помещикам, как будто «улыбнулась».

16

Куры же доводили до белого каления. Особенность здешних кур та, что они думают, что, если их называют «домашние», то они должны лезть в дом. Житья от проклятых не стало: ни дверь, ни окно невозможно было открыть — сейчас же явится одна-две, а потом убирай «последствия». Сколько посуды перебили! Уж как мы не старались их отучить: и собаками травили, и из засады мешком накрывали (для испугу и страху), и за хвост на деревья бросал — да всех способов и не перечесать! И все напрасно!

Подхожу однажды к дому, возвращаясь откуда-то, и вижу: младший сынишка ходит около кухни и поленом колотит то по стене, то в раму окна, а жена стоит против двери кухни и что-то говорит в кухню кому-то. «Ты что же с ума сошел, что ли, что оббиваешь штукатурку?» — говорю сыну. «Оставь, пожалуйста, он петуха пугает», — отвечает жена. Подхожу и вижу: в кухне на столе стоит в задумчивости петух и посматривает по сторонам одним глазом, явно соображая: куда бы махнуть со стола: на полку с посудой, на окно с банками, бутылками, на плиту или на печь, моя же супруга взирает на него взглядом Иоанна Грозного на Старицкого воеводу⁵¹ перед тем, как всадить нож ему в сердце, а с губ слетает шепот нежный: «Цып-цып-цып...». Мой приход сразу вывел петуха из задумчивости, как ошпаренный, кинулся с криком на плиту, опрокинул кастрюлю, обжег ноги, бросился в окно, разбил бутылку с уксусом, оттуда через головы наши в дверь, напутствуемый проклятием и моей сандалией. Подобные инциденты случались

ежедневно. Наконец терпение наше лопнуло, и мы решили ликвидировать эту отрасль сельского хозяйства, тем более что шакалы, дикие коты, крысы, змеи довольно интенсивно наносили ему ущерб.

17

По ликвидации кур, перед нами встал грозный вопрос: «Как добывать мясо?» Я уже говорил, что здесь мясо можно получать лишь в некоторых пунктах и не каждый день, а самое большее 2 раза в неделю. Сидеть же на пище царя Навуходоносора, когда он с ума сошел⁵², как это мы попробовали в первые месяцы жизни здесь — не улыбалось. После долгих и многих опытов и попыток в разных местах, дело, наконец, наладилось. Каждое воскресенье нужно ездить за две станции и там можно иметь приличное мясо. Вся трудность теперь свелась на то, чтобы прийти к 7-ми часам утра на станцию, а удача или неудача поездки зависела — опоздает поезд или придет вовремя, т. к. скрещение пассажирских поездов на следующей станции за той, где покупаю мясо. Кажется, на что проще — пройти каких-нибудь полторы версты до станции и съездить. Съездить-то легко, а вот дойти до станции — дело сложное. «Просто» бывает идти только 4 месяца в году (февраль, март, апрель и май), а в остальные 8 месяцев дело происходит таким образом: нужно встать в 4 с полчаса утра и раздеться насколько возможно — лучше всего совершенно и надеть только один, так называемый «непромокаемый» плащ, для того чтобы дождь или роса падали на ваше тело не непосредственно, а сперва на эту покрывку. Весь костюм от шляпы до башмаков и то, что надевается под костюм, нужно уложить в брезентовый мешок и повесить на плечи. Затем в одну руку нужно взять зонтик, а в другую фонарь и палку и потом уж выступать.

В сезон дождей (с конца мая по конец октября) дождь льет без перерыва, и земля покрыта водой, где на 1 дюйм, а где и на аршин. Мочит не только сверху, но и с боков, так как дует сильный ветер. Идти нужно полями, частью лесом. В те месяцы, когда нет дождя, трава вырастает выше роста человека и эти месяцы самые холодные, а потому роса такая обильная, что через 5–6 шагов вас, как говорится, хоть выжми. Фонарь нужно потому, что рассвет здесь начинается после 6-ти часов утра, следовательно, идти нужно в темноте, а это сопряжено с риском наступить на змею или на какого-нибудь другого кусучего гада — меня 2 раза таким образом жалил скорпион. Оно хоть и не смертельно, а удовольствия никакого. На ногах деревянные сандалии — значит, вся нога за исключением подошвы для укусов открыта.

Придя на станцию нужно уже одеться. Наша станция состоит из одной комнаты и маленькой прихожей — вот тут-то и одеваешься при всем честном народе. Сперва было как-то неудобно, а потом привык: совестно, мол, тому, кто смотрит...

18

Долго не могли наладить дело с огородом: посеешь что-либо — или термиты семена съедят, или ночью крысы выкопают.

Особенно не везло с помидорами; любим мы их, а развести не можем. Но и здесь, в конце концов, «образовалось» благодаря наблюдательности и любознательности младшего сынишки: оказалось, что никакой особой рассады помидор делать не нужно, а нужно их попросту съесть, а, т. к. семечки в желудке не перевариваются, то рассада получается автоматически и никто ее не вредит, нужно только место помнить. Вот теперь он у нас и зовется «рассадником».

Благодаря ему мы единственные в Гоа имеем собственные помидоры.

Ананасов я посадил более 1000 штук, уродились отлично, т. к. я и удобрял их и поливал, но продавать их не пришлось, т. к. здесь не смотрят на качество, а лишь бы был побольше и подешевле, и таким образом мои ананасы должны были пойти по той же цене, что и местные, т. е. кислые и грубые. Можно бы было отправлять в Британскую Индию, там всегда спрос на них превышает предложение и цена зависит от качества, но для этого нужно там иметь своего человека, да и один обычай здешних железных дорог служит препятствием: пошлешь 100, а получают в лучшем случае 50.

Таким образом, оказалось, что ананасы разводить не стоит — убыточно. Едим их только сами. Впрочем, здешние наши знакомые охотно принимают в подарок ананасы и всегда предпочитают хорошие сорта плохим, но если это ... бесплатно. Сок ананаса, между прочим, здесь употребляют как лекарство от кашля, особенно при коклюше.

Так как, судя по первому урожаю, сахарный тростник родился отлично, то я увеличил площадь в два раза, благо самое дорогое — саженцы были свои.

Как я говорил раньше — земляные орехи дали урожай «сам-пять» (посеял 5 мешков, собрал — 25). На следующий год я посеял 25 и ... не и получил ничего, т. к. все было уничтожено полевыми крысами, мышами и зайцами. Тростник рос так же отлично, как и в первый год, но в разгар дождей, когда он стал наливаться сладким соком, его навела стая злейших его врагов — кабанов! Это проклятое животное сущий бич тростника! Тростник растет очень густо и высоко — 12–15 фут высотой.

Кабан, попадая в тростник, дороги не разбирает — прет, сокрушая все на своем пути, пока ему не вздумается остановиться, чтобы есть. Тогда он начинает пробовать: пожу-

ет одну — бросит, пожует другую — тоже! Другой раз целую поляну вокруг себя вычистит. Съест 3–4, а поломает и испортит штук 300–400! А приходят они редко числом меньше 15–25 штук, а то и до полусотни. И если повадилось стадо — будет ходить каждую ночь, и никакая сила не оставит их. Задача по охране тростника от кабанов сводится к тому, чтобы не допустить их влезть внутрь тростникового поля, если же только они влезут — шабаш! Вы можете стрелять, кричать — делать, что угодно, но кабаны из тростника не выйдут. Есть только один способ выгнать их — лезть за ними в тростник же. Но это чрезвычайно опасная вещь. Как Вы кабана, так и кабан Вас в тростнике не видит издали, а увидит Вас шагах в 3–5: если это будет свинья — она постарается убежать, если при ней нет поросят, если же есть поросята, то она не побежит, а бросится на Вас, правда, с намерением больше напугать Вас, т. к. обыкновенно до «удара» она не подбегает, а сворачивает в сторону. Если же наскочите на «секача», дело может принять вид «оборота» (как говорил мой фельдфебель) — он сейчас же бросится, и отбиться от него можно только убив его.

19

Вот мне и пришлось с июля по конец января ежедневно с 5-ти часов вечера до 7–8 следующего утра сидеть в маленьком шалашике, построенном на высоких жердях и стараться не пустить кабанов. Кроме лично меня, по другим фасам поля сидели наемные индусы. Ночью я принужден раза 4–5 обойти своих караульчиков и будить их.

Июль и август — самый разгар дождей и ветров. Сидишь в шалашике ночью и слушаешь: не трещит ли тростник. Дождь льет как из ведра, ветер качает шалашик — сидишь, словно в бурю на мачте в лодке, а ухо ловит привычный

треск и «хрюскание». Чуть слышал — в одну руку фонарь, в другую ружье и на звук бежишь. Вода чуть не по колено, сверху мочит, листья тростника по лицу хлещут. Вот раздастся совсем близко характерный короткий звук сломленной тростничины.

Поднимаешь ружье, чтобы каждую секунду быть готовым к встрече и, имея фонарь перед собой, подвигаешься вперед. Вот тревожное «хрюканье» (увидели огонь фонаря) и стадо бросается бежать в разные стороны. Можно бы и подкрасться к самому стаду, но ... если кабан ранит, то так и придется лежать до утра, т. к. ни один индус с вышки не слезет ни за какие деньги! Да оно и понятно: с какой стати он будет рисковать наступить в темноте на кобру, наскочить на кабана? Вскоре мои помощники индусы отказались караулить — тяжело. Да я уже и сам понял, что караулю-то, собственно говоря, я один, а они деньги только получают.

Остался я один. Жутковато было ночью одному в поле, окруженном лесом, да ничего не поделаешь — нужно! Ну, как-никак, а в этот год я тростник от кабанов сохранил сам. Незадолго до уборки чуть было не сгорел не только тростник, но и дом, и только благодаря, не хвалясь, скажу, героическим усилиям моей жены, 9-ти летнего сына и моим — огонь был погашен.

Часов в 5 вечера при полном безветрии загорелась в версте от моего поля высохшая трава на корню. Огонь пошел к моему полю. Я, надеясь его потушить, пошел один, т. к. огонь шел узкой полосой, и можно было потушить его зелеными ветками — бить по огню. Вдруг порыв ветра, и пламя раскинулось широким фронтом и быстро пошло к тростнику. Нужно сказать, что нижние листья тростника сухие и вспыхивают, как порох; попади туда огонь — в миг все будет охвачено пламенем; загорится тростник — загорится неминуемо и дом, т. к. тростник почти вплотную подходит

к дому. Огонь же все усиливается — трава в рост человека, сухая, густая! «Забью» в одном месте, гляжу вправо и влево — огонь обошел меня и, хотя медленно, но безостановочно идет к тростнику. Потушить, конечно, одному — нечего было и думать, хотелось хоть задержать огонь до тех пор, пока выпадет роса, тогда, подойдя к мокрому тростнику, огонь погас бы сам. Уже стемнело, я почти из сил выбился, несколько раз почти падал от жары и дыма. Помощи ждать было неоткуда: ближайший индусский поселок от меня около одной с четвертью версты, уже стало темно, а вечером индус без крайней нужды из деревни шагу не сделает, да и почему кто знает, что я в таком критическом положении? Трава, ведь, ежедневно кругом горит, и к дыму и к зареву так привыкли, что и внимания-то никто не обращает на это.

20

Вдруг слышу голоса идущих ко мне. Сильно билось у меня сердце от махания руками, но теперь забилося еще сильнее — от радости! Оглянулся я, вижу, идут 4 индуса, подошли, посмотрели, как это я, как безумный, мечусь в огне, и ... пошли себе дальше! Можно бы, и даже нужно бы было попросить их помочь мне, но ... нужно было бы меня просить, если бы мы поменялись местами? Они прошли, а я только зубы стиснул так, что от боли голова закружилась и, если бы теперь они вернулись и стали помогать мне, я не принял бы их помощи, это я твердо знал тогда. Обдумывая впоследствии равнодушие этих 4-х индусов к моей беде, я предположил, что я, как «белый», вообще должен быть антипатичен им. Каково же было мое изумление, когда месяца через полтора — два, недалеко от станции загорелась индусская, стоящая на отлете, хижина и несмотря на то что человек 5–10 легко могли погасить огонь, хижина сгорела. Не-

большой скарб погиб в огне, так как дома хозяина не было, а баба кроме крику и причитанья ничего с перепугу сделать не смогла, а присутствовавшие человек 25 любопытных соседей только смотрели и давали советы бабе, что делать, а ни один и пальцем не пошевелинул. Я проходил, когда все было кончено, спрашиваю: «Неужели нельзя было потушить?» «Как нельзя — можно легко, да кому нужда для другого не только работать, а еще и рисковать собой?» «Ну, — подумал я, — с такими “идеологиями” вам, проклятым, никогда от чужого владычества не освободится. Да оно так и лучше!»

При тушении травы ветками лучше всего такая система: начать забивать огонь с какого-нибудь фланга и идти вдоль фронта к другому флангу, таким образом, позади уже огонь будет ликвидирован. Но идти нужно быстро и бить ветками, не жалея рук и сил. После долгих трудов я, наконец, «завладел флангом», и продвигался к другому, но по расчету на глаз, конечно, вижу, что прежде, нежели я погашу три четверти линии, огонь будет в тростнике! Хотел уж бросить, но вдруг вижу: бежит ко мне сынишка и тащит воды пить, а у меня уж и губы потрескались и горло до того пересохло, что воду проглотить не мог, когда схватил у него кувшин. Стал я пить воду, а сынишка говорит: «Мы с мамой ждали-ждали тебя, а потом бояться стали, что ты задохнешься. Я побежал тебя искать и воды тебе понес, а мама с того конца огонь гасит. Я сейчас к ней побегу». И в самом деле — смотрю, на другом фланге жена работает, крикнул ей, а у самого силы словно утроились. С одной стороны, теперь появилась уже уверенность, что тростник спасен, с другой стороны, как ножом резанула мысль: «А если жена или сын от дыму или огня сознание потеряют и упадут в траву? Я же их не увижу со своего места!» Побежал к ним, притащил их к середине огненной линии, бросился на огонь, разделив линию на 2 части и показал им, чтобы шли от середины к своему

флангу, а я пойду к своему, так как мне они будут видны. Проборовшись еще часа 2, обессилев, обгорев, прокоптившись, как московская колбаса, к 9 с полчаса вечера огонь погасили и тростник спасли. Но сын и до сих пор, если только увидит, что где-нибудь горит трава, бледнеет и дрожит. На другой день я промерил шагами длину огневой линии — 478 шагов!

21

В этот год тростник, хотя и уменьшенный немного кабанами, но дал доход вполне приличный. Мой сахар опять оказался лучшим на рынке, и я его продал без труда и хлопот.

Доход получился оттого, что благодаря страшным трудам, удалось сохранить тростник от кабанов. Но я уже чувствовал, что одного человека на работу круглые сутки с урывками 2–3 часа не больше на отдых и сон — хватит ненадолго. Мне же приходилось с 8-ми часов утра начинать поливку, т. е. становится к мотору и помпе в качестве машиниста; поливка до 12 часов дня, перерыв до 2 с половиной часов, снова поливка до 6 с половиной часов вечера, а потом на всю ночь окарауливать тростник от кабанов. Это в сухой период, в дождливый, конечно, поливки нет, но есть другая работа.

Все же, припомнив пословицу «Взялся за гуж, не говори, что не дюж», решились продолжать в том же духе, но уж на земляные орехи плюнуть.

Увеличил еще площадь тростника и «стали жить по-старому». Но едва только тростник стал формироваться, повадились кабаны и шакалы. Боролся я с ними, не жалея себя, но сделать ничего уж не мог. Когда подошло время съема и выварки, стало ясно, что 99 проц. тростника уничтожено. Вываривал уже я сам, а специалиста не нанимал. Выварил

(может быть, случайно) не хуже настоящего варщика. Предполагал я получить сахару около 500–600 пудов, а получил 26. Дальше идти было уже некуда — пропало все. Решили ликвидировать, что можно, а там ... что Бог даст. Быков продали скоро, но буйволицу (молочное-то хозяйство) никто покупать не хотел (и были правы, т. к. дрянь была отменная).

Ввиду того, что расход на поденщика-пастуха превышал как раз втрое доход от буйволицы, то я решил пастуха не держать, а пасти ее самому, тем более, что в этот период она молока не давала, а только «готовилась» к этому событию. Когда должно было произойти это событие, я не знал, а мнения приглашенных мной экспертов разделились: одни говорили через месяц, а другие, что не раньше 6 месяцев. Поди, разбери их!

22

Начал я пасти, т. е. не так уж чтобы как следует пасти, а по упрощенному способу: утром отвязывал я ее, напутствовал палкой, и она уходила промышлять себе пищу. Травы было сколько угодно. Вечером я шел на розыски и, обыкновенно, находил ее в реке, выманивал ее оттуда и загонял в сарай.

Так было, пока не выросла трава, а после этого буйволица залезала в чужой рис, а при моем приближении стремительно неслась к реке, уплывала на середину и «ложилась в дрейф» (так, кажется, по-морскому), т. е. надуется, ляжет на бок, а голову опустит в воду, чтобы не слышать моих воплей и проклятий и не видеть, как я неистовствую по берегу, и плывет по течению. Станешь с берега в нее камни кидать — ныряет, анафема. Со стороны, бывало, посмотреть — словно мы с ней играем.

Наконец я нашел способ выгонять ее из воды: как она только «ляжет в дрейф», я сейчас же бегу и влезая в воду ниже ее и жду, когда она наплывет на меня! Как только наплыла — я ее палкой по боку и она через минуту на берегу, несется в свой сарай, за ней я, весь мокрый, за мной мой всегдашний помощник — младший сын.

Стали уж было мы привыкать с ним к этим обязанностям, но на беду черт принес сведущего человека, который смешал наши карты, заявив, что никакого теленка мы не дождемся, т. к. буйволица не тельная. Озлился я страсть как — еще бы: 3 месяца ежедневно этакую муку принимать, гоняясь за ней и по суше, и по воде, а она на — поди!

Взял ее и выгнал — пропадай, как хочешь! Кажется, и она обрадовалась свободе, по крайней мере, днем не приходила домой, а жила в лесу; иногда только ночью придет, но чуть слышит меня — давай бог ноги — так я воспитал ее. Наступили дожди и уже проходить стали, вижу однажды — появилась буйволица моя и направилась прямехонько в свой, теперь уже полуразвалившийся сарай.

«Вот, — думаю, дьявол-то, упадет сарай, придавит ее там — что я буду делать. Пойду, прогоню». Подхожу и вижу, что буйволица моя кормит теленка. Она, значит, на день прятала его в сарае! Вот тебе и сведущие люди — грош вам цена! При помощи собаки поймал буйволенка, притащил домой. Стали мы с женой рассуждать, что теперь нам делать. Молоко под носом, а как его добудешь? Многому я в своей жизни научился, а вот корову доить не приходилось.

«Рассуждая логически и применяя русскую систему сельского хозяйства, — говорю я жене, — корову должна доить ты, а не я». «И на логику, и на систему, — говорит она, — мне наплевать, я коров боюсь до смерти, меня в детстве чуть до смерти не забидала корова, а у этой вон рога-то — по 2 аршина. Да к тому же здесь тебе не Россия, и все делается нао-

борот. Кулидж⁵³ — не тебе чета, сам коров доил и приз даже получил за это. Почитай, что в газетах-то по этому поводу написано». (И зачем писать об этом было?)

Пришлось научиться доить. Леска (мой сын) рассказывал, как это пастух продельывал. Вот привязал я буйволицу к колу, с одной стороны приспособил теленка, а с другой сам на короточках сижу и обдумываю план действий.

Вся штука заключалась в проворстве рук — нужно было доить в то время, когда теленок сосал с другой стороны (такой здесь обычай доить корову), т. е. конкурировать с теленком. Задача нелегкая, особенно принимая во внимание, что буйволица держала «дружественный нейтралитет» по отношению к теленку, а ко мне «враждебный» — то хвостом, как веревкой, опояшет, то ногой норовит достать, то вертится вокруг прикола, словно Большая Медведица вокруг Полярной звезды, а я должен был «перебираться» за ней на короточках; то теленок того и гляди пальцы откусит, захватив их вместе с сосками.

Одним словом, промучившись около получаса, я, поставив перед изумленной женой «удой» ... в количестве чайной чашки отличного молока и обещав завтра дать больше, направился к реке купаться, т. к. до того был грязен, что на вход в дом никакой надежды не было. На другой день вышло еще хуже — надоил всего полчаши.

Вскоре нашелся один покупатель и взял, наконец, моего врага-буйволицу, но ... для упряжки, т. к. она оказалась чрезвычайно старой и для молока не годилась. Теленка же убила пантера.

Все хорошо, что хорошо кончается! Жизнь — борьба! Нигде это так ясно, резко и часто не проявляется, как именно здесь, когда жизнь мало, чем отличается от жизни чуть не первобытного человека. Здесь борьба буквально ежедневно, то с кабанами, то с шакалами, то с крысами, змеями, ящери-

цами, муравьями, термитами, пчелами, жуками, мошкаррой, лягушками, жарой, торговцами и т. д. и т. д.

23

Вскоре после того, как мы переселились в свой дом, сидим однажды вечером и отдыхаем — днем много работы было. Жена встала уже подавать ужин, да как закричит: «Смотри, смотри!»

Глянул я — вижу: стена черными волосами покрылась. Подошел ближе — большие черные муравьи переселяются снаружи в дом, смотрю — на другой стене красные муравьи лезут, с террасы жена кричит, что термитами вся терраса покрыта. Одним словом, весь дом муравьями наполнился. Пробовали выметать их щетками и вениками — невозможно, лезут на руки и на ноги и кусаются. Стали жечь их, употребляя старые газеты. Ну, огнем отбили нападение на этот раз, хотя сожгли «Последних Новостей» и «Нового Времени» за целые полгода.

Потом несколько раз повторялись эти нападения, особенно после первых дождей спасаются!

Допусти их только, прозевай — жизни не рад будешь — все испортят, все сожрут, из дома выживут. Но борьба с ними нелегкая, остановить их можно только огнем, но зато — что получится из дому: весь закопчен и засыпан горелой бумагой, значит на 2 дня уборки.

24

Познакомились мы здесь и с «пчелками». Здесь имеются 3 или 4 рода пчел: самые маленькие — величиной с ту маленькую муху, что садится лошадям на глаза, а самые большие — немного меньше нашего шершня.

Кусаются (жалят) пропорционально своей величине. Большие — самые злые, гнезда свои строят в тенистых деревьях, подвешивая их на ветвях. Вот гнездо таких пчел завелось около самого нашего дома.

Однажды жена, возвращаясь с реки, проходила недалеко от этого гнезда, а в это же самое время, кем-то потревоженный в своем дневном убежище, филин сослепу влетел в чащу дерева, на котором висело гнездо, и потревожил пчел. Филин-то улетел, а пчелы разозленные бросились на проходившую мою жену. Увидя несущийся на нее рой, она с криком: «Пчелы, пчелы!» помчалась к дому, а я, что-то делавший на террасе, бросился к ней на выручку, схватив по дороге какую-то тряпку. Время было рабочее, и я был без рубашки. Пропустив жену вперед, я стал отбивать тряпкой пчел — ну да разве отобьешь целый рой? Одним словом, пока добежали до дому, то нас разделили под орех, мне-то еще не так много попало — штук 40–50 ужалили в спину и плечи, а жену обработали на славу — не меньше 150 жал из головы, шеи, рук (вот вам открытые рукава) вытащили. Часа 2 голос тянула по всей гамме с диезами и бемолями, а потом дня 4 больная лежала.

25

Вообще ей не везет — в прошлом году только спать легла, а я обрадовался тишине и одиночеству и сел письма писать, и вдруг слышу визг из спальни необычайный. Бросился туда, смотрю: моя «половина» на кровати стоит и такую тарантеллу ногами вырабатывает, что страсть, а на подушке змейка четверти 3–4⁵⁴ лежит.

Оказывается, только легла, как змейка с потолка на лицо свалилась. Положим, потом нам сказали, что эта змейка не особенно ядовитая, но все же — покорно благодарю!

Только что я закончил эти строки про змейку, как наступили сумерки, и я, прекратив писать, вышел на террасу. Сижу, с сынишкой разговариваю, жене нездоровилось, и она легла полежать в комнате. Наша собака (заместитель Пилатки — щенок) около дома шагах в 5–6 от террасы за лягушатами охотился (после дождей их пропасть). Вдруг перед террасой метнулся какой-то желто-серый большой ком, собака визгнула и, как мне показалось, на задних лапах, боком заскакала в кусты, вместе с промелькнувшим комом, за которым, как длинная светло-желтая веревка что-то тащилось по сжатой траве. Я думал, что в собаку вцепилась кобра, но сынишка, вскочивший раньше меня, крикнул: «Пантера!»

Все происшествие заняло 3–4 секунды. Она, значит, подошла с задней стороны дома, подкараулила за углом и в удобный момент схватила щенка за горло, а потом 2–3 хороших прыжка в кусты и джунгли!

Гнаться за ней — праздное занятие! Опять, значит, без собаки! Удивительное дело — сегодня как раз годовщина Пилаткиной гибели.

Много здесь пантер, а как они нахальны — видно по этому случаю. Ведь было не совершенно темно, и наши голоса слышны были.

26

Года полтора тому назад, часов в 9–10 утра я шел на станцию. Только что вышел из лесу и пошел полем. Трава по сторонам дороги довольно высокая. Иду, трубочку посасываю, утром любуюсь — ноябрь был и не так, чтобы уж очень жарко было. Вдруг раздвигается трава и в 3–4-х шагах впереди меня на дорогу выпрыгнула пантера! Оружия у меня — бамбуковая тросточка! Остановился я, как вкопанный, и не знаю, что предпринять (хоть «предпринимать»-то совер-

шенно нечего было — с голыми руками не бросишься, а бежать и совершенно бесполезно и как-то стыдно, даже перед пантерой). Для нее встреча также, видимо, была сюрприз, так как и она остановилась, верней, присела, собрав все четыре лапы вместе для прыжка, оскалила зубы и фыркнула как кошка, но значительно громче. Я замахнулся было тросточкой (глупее этого ничего не могло быть), но пантера, фыркнув еще раз, очевидно, в знак презрения, сделала прыжок в сторону сажени полторы длиной и такими же прыжками «пошла» полем к лесу, а я на станцию.

Не скажу, чтобы эта встреча оставила мне приятное воспоминание. Хотя пятнистая пантера на человека бросается, только будучи или ранена, или же обижена человеком, но все же те несколько секунд, что мы с пантерой «любовались» друг другом были довольно жуткими — черт ее знает, может быть, она рассержена и ищет, на кого ей броситься!

Еще два раза после этого, мне пришлось почти что «глянуть в глаза смерти». Первый раз около года тому назад. Я нес на плече большую вязанку жердей, смотрю — по тропинке поперек ее лежит довольно толстая палка. Я инстинктивно хотел отшвырнуть ее ногой (нужно сказать, что «рабочий костюм» здесь — трусики и сандалии — «only»), но промахнулся и перешагнул. Вдруг «палка» потянулась в куст травы и из него выползает уже не палка, а самая настоящая очковая змея (кобра). Швырни я ее ногой — через 4–5 часов был бы в гробу. Второй раз месяца 2 тому назад; мне пришлось переходить вброд речку. Воды благодаря дождям было почти по плечи. Речушка быстрая так что, чтобы перейти ее, нужно зайти повыше, а потом почти бежать наискось, иначе течение повалит. Вот я таким-то манером бегу, руки заняты одеждой и зонтиком. Как раз на середине в двух шагах впереди меня из воды выпрыгнула большая рыба и шлепнулась почти у самого моего носа в воду, а сле-

дом за ней из воды высовывается голова крокодила ... шагах в 4–5 от меня и медленно опять опускается в воду, я же сам бегу как раз на это место, где он опустил в воду, и не могу ни остановиться, ни изменить направления — течение не позволяет. Я уж, мысленно, конечно, чувствовал, как он меня за ногу хватает. Очевидно, он гнался за рыбой, но промахнулся, а я наскочил на эту сцену. Сперва-то я не испугался, а, когда выскочил на берег, стало страшно. Правда, здешние крокодилы, «гавиалы», питаются рыбой, водяной птицей, а человека хватают очень редко — в исключительно голодное время, но кто мешал ему принять меня за осетра или за гуся лапчатого?

Крокодилов здесь пропасть, на этих днях я пробил пулей из дробовика одного аршина 2 с половиной — 3 длиной⁵⁵ — это уже 6-й или 7-й, но почти все они ныряют идохнут на дне, а дня через 2–3 всплывают, но к нему уж не подойдешь! Мы к ним более или менее привыкли и, хотя и с опаской, но купаемся.

Человек привыкает ко всему и даже к смертельной опасности. Вспомните — на войне не только пили и ели, но и письма писали, и в карты играли, и даже спали под обстрелом и во время его.

Ну, это все — пантеры, кобры и т. д., т. е. «большие неприятности» или «особенности здешнего бытия», но кроме них имеются еще и мелкие, но способные прямо жизнь отравить. К таковым можно отнести нашествия различных насекомых, частью изводящих, но безвредных, а частью и вредных. К первой категории можно отнести цикад и кузнечиков.

Цикады всегда появляются перед дождливым периодом, а вторые — после него. Едва зайдет солнце, как поднимается трескотня, да такая, что разговаривать невозможно, в ушах звенит — словно около уха в полицейский свисток кто-нибудь свистит.

Затем иногда случаются налеты особых клопов. Их здесь много сортов, самые же «ядовитые» — крошечные, чуть побольше булавочной головки, блестящие, черные. Налетят тучей на свет и по чему поползут, на том оставляют противный клопиный запах. Благодаря им несколько недель в году всякую еду нужно кончать засветло. Второй род клопов — длинные, тонкие, похожие слегка на наших летучих муравьев. Эти мерзавцы прилетают одиночным порядком, но и одного совершенно достаточно, чтобы Вы опрометью выскочили из комнаты, если он рассердится. Прилетит и ходит, а ты смотри и бойся рассердить его — тебе же хуже будет.

А то вот года два тому назад налетели какие-то черные жучки, величиной пол сантиметра с отвратительным запахом. Налетели они в таком огромном количестве, что в первый вечер стены и внутри, и снаружи были черные, от запаха этого тошнило — деваться было некуда, лампу загасили, навалившись в стекло, мы так просто в панику впали. Целую неделю в доме огня не зажигали — впотьмах сидели. Через неделю пропали будто, повеселели мы. Но каково же было наше разочарование, когда я обнаружил, что они преспокойно устроились между черепицей на крыше и живут там! Правда, весь год они нас не беспокоят, но раз в год в течение нескольких дней приходится сидеть по вечерам без лампы. Очевидно, молодые отлетают вроде роя пчел. Да если внезапно дождь пойдет, то они спасаются в комнату. Избавиться от них невозможно — нужно снять черепицу со всего дома и передавать жучков!

К вредным я отношу комаров, мошек и прочую кусающую нечисть — она водится, и всегда и в более, нежели достаточном количестве. Вот и теперь — как только наступает вечер, каждый из нас трех спасается от комаров и мошек тем, что надевает на ноги обыкновенный мешок. Вот я сейчас пишу, а ноги в мешке, и меня не кусают.

В смысле «пропитания» — иногда густо, а иногда пусто. Но все же на туземную кухню перейти не можем — в душу не лезет. Слов нет, напр. наш борщ и жареный целиком поросенок, или пельмени, или пироги с разными начинками — не тропические кушанья, тяжелы они для 15 град. С[еверной] Ш[ироты], но мы, иногда, конечно, в торжественных случаях разрешаем и не только для себя, но и угощаем и туземцев, и даже «иноземцев» — пусть чувствуют, что значит русские кушанья! Немец тут один был (из тех, кто дома, в Германии, никому не нужен), попал ко мне на первый день Рождества.

А какое же Рождество может быть без поросенка? Ну и мы, хоть и с превеликими затруднениями, но обзавелись этим «буржуазным предрассудком». Сжарили его целиком, да боялись, что не «выдержит» больше одного дня — жарко больно. Ну, на наше счастье немец приехал и выручил. Пол поросенка «усоборовал». «Никогда, — говорит, — не приходилось русских блюд пробовать — это первый раз». Потом трое суток больным был. «Это, — говорит, — пустяки, за такой обед я готов 6 дней хворать».

А один раз послали португалу «бабу» пасхальную⁵⁶. Я потом спрашиваю: «Понравилось ли?» Оказывается, он «бабу-то» с рыбным супом ел! «Станный, — говорит, — у вас вкус: сладкий хлеб употреблять. Это очень питательно, но не вкусно».

Конечно, как я сказал, эти «уклоны» в кулинарии случаются у нас довольно редко — и трудно, и дорого. Обычно же: в воскресенье привозится мясо на всю неделю. Из костей и части мяса варится суп, который «обслуживает» нас 2 дня, а остальное мясо жарится. Начиная с понедельника, от «кадрового» куска мяса отрезается нужное количество для очередного кушанья, а «основной» кусок разогревается дважды в день, дабы не пропал. К концу недели вкус и запах

мяса исчезают совершенно, и это «мясо» может сойти за что угодно: за рыбу, омаров, грибы, но скорее всего за мочало. К этому периоду и кушанья приурочиваются подходящие: форшмак, пирожки, зразы и т. д., одним словом — где вкус мяса не очень обязателен, а только желателен.

Иногда достаем настоящую (а не переделанную из мяса) рыбу или раков. Раков-то мы сперва боялись есть — очень много усов и ног, ну теперь привыкли.

Приходится иногда быть жертвами политических настроений на о. Ява — сидеть без сахара. Сахарный песок (головы-то сахарные только во сне теперь снятся, да и то редко) качества нашего 2-го сорта привозится сюда с Явы.

Чай, хотя и носит название «Цейлонский» и цена его довольно «цейлонская», но до К. С. Попова⁵⁷, Перлова⁵⁸ и Кузнецова⁵⁹ ценой 2 целковых фунт — далеко, как кулику до Петрова дня. Дрянь чаишко. Да здесь никто и не требует от чая вкуса и аромата — уж одно то, что здесь чай кипятят и пьют обязательно с молоком, да еще (в Гоа) с козьим! Какой уж тут «чай» — отвар какой-то! Мы-то по-русски из самоварчика!

Что касается удовлетворения духовных и эстетических нужд, то в этом отношении нас обслуживает ... граммофон! Странно? Несовременно? Может быть. В смысле пропитания, конечно, только идиот может предпочитать наш теперешний стол — хорошим, из свежих продуктов и разнообразным блюдам, но страдать и скулить по этому поводу будут только парижане. Для нас это большой роли не играет.

Вот тяжело, что церкви нет, дети вырастают, а понятия о церкви у них нет, а словами этого не передашь. Есть несколько пластинок, напетых харьковским хором Туроверова⁶⁰ с покойным о. Вербицким⁶¹, но ... ведь это ничто. Хотя, с другой стороны, должен открыто признаться, что поведение в последние годы нашего духовенства (не всегда, ко-

нечно) православного не заставляет особенно жалеть, что здесь нет церкви православной. По крайней мере, не стыдно в глаза католиков смотреть. Позволит бог вернуться в Россию — помолимся родным святыням.

Что касается развлечений, то я с. г.⁶² не понимаю — как можно теперь думать о развлечениях?

Лучшим и единственным развлечением для нас — газеты и книги, но и это в ограниченном до гомеопатических доз размерах вследствие «финансового кризиса».

Хабаров В. А. Завоевание Индии: Записки русского беженца. Под ред. и с предисловием Н. З. Рыбинского. Белград: Н. З. Рыбинский. 1930. С. 1–87.

Примечания

¹ Мальцевские (Мальцовские) заводы производили «мальцовское стекло», «мальцовский чугун» (кухонные плиты, казанки, утюги, печные дверцы и т. п.), «мальцовские машины», «мальцовские локомобили», «мальцовские локомотивы» и прочие изделия. В 1877 г. Мальцовым была проложена первая узкоколейная железная дорога. С этим именем связано много начинаний в России, ему обязано наше свеклосахарное дело, стеклянное, стальное, рельсовое, пароходное, машиностроение, постройка русских земледельческих машин (известны и поныне мальцовские молотилки, просорушки, плуги, маслобоенные прессы, веялки и пр.).

Сергей Иванович Мальцов (1810–1893) получил хорошее домашнее воспитание, отлично знал языки и политические науки. Служил в Гвардейской кавалерии, потом адъютантом принца Петра Ольденбургского. В 1849 г. вышел в отставку генерал-майором, осел в Дядькове и построил первый в России стекольный завод и ряд других промышленных предприятий, и все они имели громадный успех; имел свои собственные пароходы на всех водных путях России. Еще в 1839 г. построил в Людинове рельсопрокатный завод и в 1841 г. получил первые русские рельсы. Открывал школы, для стариков устраивал богадельни, строил церкви. Мальцов старался, чтобы вся продукция его заводов была из русских материалов и чтобы все необходимое для потребностей заводского населения меньше выписывать из других районов. Поэтому кроме главного дела — механического, чугунного и стекольного — были еще устроены кирпичные и смолокурные заводы, большая столярная мастерская, лесопильня, канатная и писчебумажная фабрики, содовый, пивоваренный и винокурный заводы. В конце 1893 г. образовалось акционерное общество Мальцовских заводов с основным капиталом в 4 миллиона рублей.

- ² Успенский Николай Васильевич (1837–1889), писатель, двоюродный брат Глеба Успенского, учился в духовной семинарии, а затем в Медико-хирургической академии и Петербургском университете. В 1857 г. был опубликован его первый рассказ «Старуха» в журнале «Сын отечества»; потом короткое время он был сотрудником «Современника», в дальнейшем печатался в «Отечественных записках» и «Вестнике Европы», учительствовал. С 1884 г. писатель стал бродяжничать, но продолжал писать, публикуясь в «Русском вестнике» и бульварном «Развлечении».
- ³ Южно-Русское Днепровское металлургическое общество было создано в 1886 г. в селе Каменском в результате слияния «Общества Варшавского сталелитейного завода» и бельгийской компании «Коккериль».
- ⁴ В 1896 г. Министерством путей сообщения было открыто Московское инженерное училище, в 1901 г. состоялся первый выпуск инженеров-строителей, после трёхлетнего теоретического курса и двухлетней строительной практики, а в 1913 г. оно было преобразовано в Московский институт инженеров путей сообщения (МИИПС).
- ⁵ Московское пехотное юнкерское училище (с 1897 г. — Московское военное училище, с 1906 г. — Алексеевское военное училище) было основано в 1864 г., считалось третьим по престижности. На двухгодичные курсы принимались люди со средним образованием, для поступления требовалось наличие аттестата зрелости или свидетельства об окончании семи классов реального училища, это давало возможность по окончании обучения получить офицерское звание.
- ⁶ В июле 1891 г. для поддержания русского влияния на Памире был сформирован Памирский (позднее — Сменный Памирский) отряд, осуществлявший функции административного управления на Памире. Учитывая суровые климатические условия, было решено, что состав отряда должен меняться один раз в год, летом. Присутствие русских военных пресекло попытки Великобритании нарушить ранее достигнутые договоренности по разграничению сфер влияния на Памире.
- ⁷ Кивекэс Эдуард Карлович (1866–1940), российский и финский военный, впервые оказался на Памире в 1893 г. в составе отряда полковника Ионова, 10 лет с перерывами провел на Памире, несколько раз назначался начальником Памирского отряда, свободно говорил на таджикском, узбекском, киргизском, шугнанском языках, знал культуру и традиции горцев. При нем в Хоробе открылась русско-туземная школа, расширились пахотные земли, началось строительство православной церквушки на территории отряда, а позднее — первой электростанции и многого другого. 18 октября 1908 г. подполковник Кивекэс был освобожден от должности и распрощался с Азией навсегда. Впоследствии он дослужился до генерала русской армии и командовал 113-й пехотной дивизией, по ее расформировании он вернулся в Хельсинки и через некоторое время вступил генерал-майором в финскую армию. Прослужив 10 лет в должности главнокомандующего армии Финляндии, ушел в отставку в звании генерал-лейтенанта.
- ⁸ Зар-куль, современное название Зоркуль, — одно из крупнейших озёр Памира, по соглашению между Россией и Великобританией о разграничении

сфер влияния в области Памиров 1895 г. здесь прошла граница между Российской империей и Афганистаном.

- ⁹ Федченко Алексей Павлович (1844–1873), биолог, географ, путешественник, исследователь Средней Азии, Памира. По окончании Московского университета в 1864 г. преподавал в Николаевском институте и Московском университете. После начала завоевания Туркестана путешествовал по Средней Азии (1868–1871): по Зеравшанской долине в окрестностях Самарканда, в горном Таджикистане, на озере Искандеркуль, в Джизаке, верхнем Зеравшане и в пустыне Каракумы; собрал богатый материал по флоре, фауне, географии и этнографии региона, открыл Заалайский хребет.
- ¹⁰ По-видимому, имелся в виду Маев Николай Александрович (1835–1896), генерал-майор, участник Крымской войны, Хивинского похода; исследователь Средней Азии, участник Гиссарской экспедиции 1875 г., во время которой он собрал обширные коллекции по ботанике и зоологии; писатель и журналист, редактор «Туркестанских ведомостей».
- ¹¹ Здесь автор противопоставляет языки индоевропейской языковой семьи (таджикский, персидский) языку тюркской языковой семьи (киргизский).
- ¹² «Чемоданами» или «сундуками» во время Первой мировой войны называли снаряды тяжелой артиллерии калибрами от 152 мм, которые были способны пробивать сплошные линии окопов полного профиля, блиндажи, а перед ними многочисленные ряды колючей проволоки; обычно применялись когда боевые действия носили преимущественно позиционный характер.
- ¹³ В 1878 г. персидский шах Насер ад-Дин Каджар посетил Россию и на войсковом смотре увидел казачью джигитовку, она ему так понравилась, что он просил императора Александра II прислать ему инструкторов для обучения персидских солдат этому виду конного спорта. Государь дал свое согласие и командировал в Персию полковника генерального штаба А. И. Домонтовича с несколькими казачьими урядниками — хорошими джигитами. 1 июля 1879 г. была основана Персидская казачья Его Величества Шаха бригада. Подполковник Домонтович был первым начальником бригады. Обучение и военная подготовка велись русскими инструкторами-офицерами императорской армии. При бригаде существовал «кадетский корпус» для подготовки офицеров-персов. Во главе каждого полка (фоджа) стоял персидский генерал (сартип), находившийся в подчинении у русского офицера-инструктора, фактического командира полка. В каждом полку в подчинении русского офицера было по одному уряднику, помогавшему офицеру в обучении подчинённых. Бригада финансировалась русским правительством вплоть до Октябрьской революции. Таким образом, Персидская казачья бригада (в 1916 г. переформированная в дивизию) была проводником русского влияния в Персии, которая была ареной напряженной политической борьбы между Россией и Англией.
- ¹⁴ Майдель Владимир Николаевич, фон, (1864 — после 1930), барон, генерал, участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Командовал Персидской бригадой в 1916–1918 гг., переформировал ее в дивизию.

- 15 В 1914 г. с вступлением Турции в Первую мировую войну на стороне Германии начались военные действия в Персии, которая была поделена на сферы влияния между Россией (север) и Великобританией (юг). Турция попыталась отрезать своих противников от иранской и азербайджанской нефти. В 1915 г. для установления полного военного контроля на севере Персии русское командование сформировало кавалерийский корпус под командованием генерала Н. Н. Баратова. Корпус был переправлен в Персию из Баку и в ноябре занял Казвин, Кум и Хамадан. Персидская жандармерия не могла ему противостоять, прусские отряды отступили к Керманшаху. Цель операции была достигнута, однако по просьбе британцев корпус продолжил наступление. В мае 1916 г. Персия была полностью очищена от прусских отрядов жандармерии, их участники были вынуждены уйти в Османскую империю. В июле 1916 г. против корпуса Баратова пошла в наступление 6-я турецкая армия. Корпусу пришлось отступить, оставив Керманшах, Кум и Хамадан. В ноябре в Тегеране произошла попытка государственного переворота, но шах укрылся в русском посольстве, а войска Баратова подавили восстание. В декабре Баратов вновь очистил от прусских сил Кум и Хамадан, в марте 1917 г. — Керманшах, а 4 апреля снова взял Ханекин. В кампанию 1917 г. планировалось совместное наступление корпуса Баратова с англичанами через Багдад на Мосул. Но на этот раз планы нарушил нездоровый климат Месопотамии, вынудивший Баратова вернуть свой корпус в Персию на лето. После прихода к власти большевиков Эрзинджанское перемирие положило конец участию России в военных действиях на Кавказском фронте.
- 16 Луры — народ в Юго-Западном Иране, традиционными занятиями которого были кочевое скотоводство, в меньшей степени — земледелие.
- 17 Здесь и далее описывается участие полковника В. А. Хабарова и его Тегеранского отряда в событиях до и после провозглашения 5 июня 1920 г. националистом Мирзой Кучек-ханом Гилянской Советской республики, позже переименованной в Персидскую Советскую республику. Москва поддерживала Гилянскую республику войсками, открыто вмешиваясь в дела соседней Персии. В «правительстве» Кучек-хана были представители большевиков. Членом Иранской компартии был активно участвовавший в событиях Яков Блюмкин.
- 18 Бейтмен-Шампейн, Хью Фредерик (Hugh Bateman-Champain, 1869–1933), британский военный, с 1891 г. — в англо-индийской армии, в Первую мировую войну служил сначала во Франции, потом — в Галлиполи, Месопотамии и Северной Персии (1917–1920), был взят в плен матросами Каспийской флотилии Ф. Раскольников, после освобождения ушел в отставку и служил генеральным секретарем британского общества Красного Креста.
- 19 Старосельский Всеволод Дмитриевич (1875–1935), полковник, участник Первой мировой войны, в 1918–1920 гг. командовал Персидской его величества шаха казачьей дивизией. В 1924 г. эмигрировал в США.
- 20 Сарбаз (перс. — удалец, рискующий головой) — пехотинец, солдат.
- 21 Филиппов Георгий Владимирович (1880–1946) закончил Псковский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, в службу вступил

в 1897 г., участник похода в Китай 1900–1901 гг., русско-японской войны, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1907 г.), участник Первой мировой войны. В 1920 г. начальник штаба Персидской казачьей дивизии, удален из Ирана по требованию британских властей. В эмиграции в США.

- 22 Реза-шах Пехлеви (1878–1944), шах Ирана (1925–1941). Реза-хан в 1892 г. подал прошение о зачислении его в Персидскую казачью бригаду, служба в которой считалась очень престижной. Пройдя обучение, Реза-хан был зачислен рядовым в казачью бригаду, успешно продвигался по служебной лестнице. Он стал офицером, а в 1916 г. в чине полковника (с 1919 г. — генерал) возглавлял Казвинский отряд Персидской казачьей бригады. В разгар смуты и внешней интервенции в 1921 г. его отряд с боями занял столицу. Ахмад-шах Каджар назначил его сначала военным губернатором и главнокомандующим, а через некоторое время — военным министром и премьер-министром (1923 г.). Учредительная ассамблея меджлиса 31 октября 1925 г. объявила о низложении Ахмад-шаха Каджара, а в декабре 1925 г. Реза-хан принёс присягу правителя, возродив таким образом династию Пехлеви.
- 23 Деолали или Девлали — небольшой город в Махаращтре, в 160 км к северо-востоку от Бомбея, где был расположен лагерь для прибывавших в Индию британских солдат. После Октябрьской революции в России и окончания Первой мировой войны через территорию Индии шел сравнительно небольшой поток беженцев-европейцев, которые далее следовали в Европу, Австралию или страны Азии. Англо-индийская администрация собирала их в приспособленных для беженцев лагерях (известен, по крайней мере, еще один в Белгауме (Карнатака)) для выяснения их намерений и дальнейшей их отправки на родину или туда, куда поступил от них запрос. (См. ниже, а также: Чиркин С. В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. С. 304–314.)
- 24 Португальская Индия — колониальные владения Португалии на полуострове Индостан, столица — Гоа, наиболее ранние (с начала XVI в.) и существовавшие дольше Британской Индии: индийская армия захватила Гоа только в 1961 г., а *de jure* Португалия признала суверенитет Индии над этим районом только в 1974 г.
- 25 Рыбинский Николай Захарович (Захарьевич) (1888–1955), участник Первой мировой войны, Белого движения, штабс-капитан, журналист, писатель, драматург, актёр, режиссёр. Эмигрировал через Галлиполи, Болгарию, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, обосновался в Белграде, занимался журналистской, литературной и театральной деятельностью. Во время Второй мировой войны участвовал в боевых действиях против коммунистов на территории Югославии. В 1951 г. переехал в Нью-Йорк.
- 26 Султан Ахмад-шах Каджар (1898–1930) шах Персии с 1909 г., не обладавший реальной властью, от его имени правили регенты и вожди бахтиярских племен, занимавшие важные должности, с 1923 г. — в изгнании в Европе. Формально лишён трона в 1925 г., когда шахом был провозглашён Реза Пехлеви.

- 27 См. выше: Автобиография В. А. Хабарова. Док. 9.
- 28 Речь идет о событиях 1920 г., когда была расформирована Персидская казачья дивизия.
- 29 Демчинский Николай Александрович (1851–1914), писатель, инженер путей сообщения, метеоролог-любитель. Во время русско-японской войны находился на Дальнем Востоке; побывав в Китае, познакомился с культивацией хлебов на грядках и решил пропагандировать этот способ в России. На эту тему им были изданы брошюры «Нужды сельского хозяйства» (2-е изд., 1907), «Решение аграрного вопроса», «Грядковая культура хлебов» (14-е изд., 1911) и др.
- 30 Классными назывались военные фельдшеры, прошедшие военно-фельдшерскую школу (до 1871 г. назывались лекарскими помощниками); они принадлежали к гражданским чиновникам военного ведомства.
- 31 Брандахлыст — жидкий плохой суп, вообще плохая жидкая еда; пустой, никчемный человек.
- 32 Керри или карри райс — рис не вообще с соусом, а с соусом карри, т. е. традиционной приправой из смеси пряностей на основе корня куркумы.
- 33 Нобиле, Умберто (1885–1978), итальянский инженер-дирижаблестроитель, военный, исследователь Арктики. В 1926 г. на дирижабле «Норвегия» Нобиле вместе с норвежским полярным путешественником-исследователем Р. Амундсеном участвовал в экспедиции на Северный полюс. В 1928 г. на дирижабле «Италия» он отправился во вторую экспедицию в Арктику. В полночь с 23 на 24 мая дирижабль с шестнадцатью пассажирами достиг Северного полюса. Полет проходил в тяжелых метеоусловиях. На обратном пути началось обледенение, дирижабль упал. Моторная гондола ударилась об лёд, моторист погиб, девять аэронавтов, в том числе Нобиле, были выброшены из разбитой рубки управления. Шестерых людей, оставшихся в дирижабле, унесло в неизвестном направлении. Для спасения Нобиле были организованы экспедиции в Италии, Норвегии, Советском Союзе и других странах. В ходе спасательной операции погиб Р. Амундсен, Нобиле был вывезен на самолете, остальные выжившие члены экипажа «Италии» были спасены советским ледоколом «Красин» 12 июля.
- Упоминание У. Нобиле в тексте свидетельствует о том, что текст был написан после 1928 г.
- 34 Правильно этот район называется Конкан, соответственно язык — конкани (официальный язык современного штата Гоа) и население — тоже конкани.
- 35 Идальго — наследственный титул благородного человека, происходит от испанского *hidalgo*, в португальском языке этот титул звучит как *фидалгу* от *fidalgo*.
- 36 Койта — серп или кривой садовый нож.
- 37 Режидор от португ. *registrador* — регистратор.
- 38 В данном случае поле — охота: ловля или отстрел дичи и зверя, часто — с гончими и борзыми; выехать в поле, полевать — охотиться, добывать пти-

цу или зверя; позже стало принято поздравлять с полем при добыче трофея, т. е. вернуться с полем — значит вернуться с добычей.

- ³⁹ Имеется в виду кешью, анакардиум западный или индийский орех.
- ⁴⁰ Из очищенного млечного сока незрелых плодов и листьев папайи получают фермент папайн, который применяют для улучшения пищеварения, а также при лечении межпозвоночного остеохондроза.
- ⁴¹ То же, что и лемех.
- ⁴² Имеется в виду люффа, или лuffa, или люфа травянистая, лиана семейства тыквенных. Молодые плоды некоторых видов люффы употребляются в пищу как овощ.
- ⁴³ Имеется в виду Аморфофаллус пионолистный, или Аморфофаллус колокольчатый, или Слоновый ямс, который в Индии называют «слоновьи ноги», а в Китае — «слоновый хлеб». Растёт на Мадагаскаре, в Китае, Южной и Юго-Восточной Азии, Австралии. Его клубни вырастают от 1 до 4 (иногда 16) кг, его используют как картофель и делают из него муку. Культурные формы не содержат ядовитых веществ, дикорастущие формы также могут использоваться в пищу, но только после промывки и варки. На Филиппинах используется как корм для свиней, в Китае считается лекарственным растением (используется для снижения сахара в крови и уровня холестерина), в Японии из его клубней готовят супы и добавляют в тушеные блюда.
- ⁴⁴ Силь или сель — внезапно возникающий в результате сильных осадков или прорыва плотин стремительный поток воды, смешанной с камнями.
- ⁴⁵ Отсылка к картине К. Д. Флавицкого 1864 г. «Княжна Тараканова», на которой самозванка изображена в каземате Петропавловской крепости во время наводнения 1777 г. На самом деле она скончалась в 1775 г.
- ⁴⁶ По-видимому, В. А. Хабаров прочитал какую-то критическую статью в газете о советском здравоохранении.
- ⁴⁷ Цитата из Библии: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мк. 9:42).
- ⁴⁸ Передок — приспособление, позволяющее регулировать глубину хода плуга.
- ⁴⁹ Автор описывает ниже процесс выварки сока сахарного тростника для получения патоки, гура (автор называет его «гуль») или джаггери (jaggery/ jaggghery/ jaggary; у автора — джагри, см. ниже).
- ⁵⁰ В английской системе мер для измерения объема применяются 2 значения галлона: галлон имперский или обыкновенный равен 4,5 л (тогда котел В. А. Хабарова вмещал 540–675 л) и галлон старый равен 3,8 л (в этом случае котел вмещал 456–570 л).
- ⁵¹ Старицкий Владимир Андреевич (1533–1569), удельный князь, двоюродный брат Ивана IV Грозного, участвовал во многих государственных делах, военных походах. В 1552 г. командовал царской дружиной во время треть-

его похода на Казань, потом попал в опалу, но она продолжалась недолго и в 1554 г. он был назначен опекуном царевича. В начале 1563 г. царю был подан донос на князя Владимира и его мать, обвинявший их в заговоре против Ивана IV, но митрополит и епископы посоветовали простить Старицких. В 1566 г. царь лишил Владимира Старицкого удела и заменил его Дмитровом и рядом сёл и волостей в Московском и Стародубском уездах. В 1569 г. князь Владимир был назначен Иваном IV командующим армией, направленной на защиту Астрахани. Жители Костромы, через которую он проезжал, устроили ему восторженный прием, что и послужило поводом для очередного доноса, были предъявлены полученные под пыткой показания царского повара о том, что Владимир приказал ему отравить царя. Владимир был казнён вместе с большей частью семьи в октябре 1569 г.

- 52 Навуходоносор возгордился, приравняв свою власть к власти Всевышнего, за что он был наказан болезнью: отлученный от людей он, подобно животному, ел траву; его голова покрылась львиной гривой, а на руках и ногах выросли когти, как у птицы.
- 53 Возможно, имеется в виду Джон Калвин Кулидж-младший (John Calvin Coolidge Jr., 1872–1933), 30-й президент США (1923–1929), отец которого был фермером. Поскольку Хабаровы читали газеты, то в них могло печататься нечто подобное.
- 54 Четверть равна 17,78 см, т. е. змея была 53–71 см.
- 55 1 аршин равен 0,71 м, т. е. крокодил был длиной 1,77–2,1 м.
- 56 На Руси существовало множество вариантов пасхальной выпечки. Некоторые из них называли куличами, другие — словом баба или бабка. Кулич был больше популярен на Украине и в Поволжье, а бабу предпочитали на северо-западе России. У кулича тесто более плотное, очень сдобное, у бабы же — воздушное, представляет собой чистый бисквит. Кулич чаще невысокий и широкий; баба же в принципе должна быть высокой (хотя возможны варианты). Кулич делают с цукатами и изюмом; в бабу цукаты и изюм не кладут, чтобы бисквитное тесто не село.
- 57 Одной из наиболее популярных чаеоторговых компаний в России на рубеже XIX–XX вв. считалось Товарищество чайной торговли «Братья К. и С. Поповы». Эта фирма была открыта в 1842 г. выдающимся российским предпринимателем Константином Абрамовичем Поповым (1814–1872) вместе с младшим братом Семёном. С тех пор, вплоть до революционных событий XX в., чайное товарищество успешно поставляло ставший популярным напиток чай в Россию из Китая. Наследником К. А. Попова был его племянник Константин Семёнович, потомственный почетный гражданин города Москвы, в 1890–1891 гг. осуществил поездку на Цейлон, побывал также в Китае и на Яве. К 1896 г. он создал чайную плантацию и открыл чайную фабрику около Батуми, пригласил в Россию англичанина — специалиста по переработке чайного листа.
- 58 В 1787 г. основатель династии чаеоторговцев Алексей Перлов открыл лавки по розничной торговле чаем. К 100-летию юбилею всей семье Перловых было пожаловано потомственное дворянство, на гербе рода появился чай-

ный куст, рядом с шестью жемчужинами. Перловы удостоились звания поставщика Российского императорского двора. Знаменитый чайный дом на Мясницкой принадлежал представителям этой фамилии.

- ⁵⁹ Алексей Семенович Губкин (1816–1883), уральский купец, торговавший кожами и имевший кожевенный завод, с 1840 г. заинтересовался торговлей чаем, в 1881 г. перевел главную контору своей разросшейся фирмы в Москву, впервые продавал мелкие партии каждого сорта чая по определенной цене (эта система получила название «нормировка»); крупнейший благодетель; его дело продолжил внук, Александр Григорьевич Кузнецов.
- ⁶⁰ Туроверов Иван Михайлович (1862 — после 1916), музыкант, один из инициаторов создания Харьковского отдела Русского Собрания (ХОРС) и Харьковского отдела Союза Русского Народа (СРН). По окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, полюбил церковное пение, управлял церковным гимназическим хором в Новочеркасске, а с переездом в Харьков стал преподавателем пения в ряде харьковских учебных заведений и руководителем хоров в нескольких церквях города, в том числе в университетской. И сейчас можно найти записи церковных песнопений хоров под управлением И. М. Туроверова.
- ⁶¹ Протоиерей Василий Дмитриевич Вербицкий (1855–1927) сначала получил юридическое образование, потом стал протоиереем Харьковского кафедрального Успенского собора, где прослужил с 1881 по 1919 г. Он обладал необыкновенно сильным голосом широкого диапазона и красивого тембра, особенно в нижнем регистре, концертный певец (бас-профундо). Критики считали его голос одним из лучших в мире. Ф. И. Шляпин восхищался вокальными данными Василия Дмитриевича и, будучи проездом в Харькове, неоднократно посещал его службы в Успенском соборе. В 1911 г. он записал несколько пластинок духовных произведений Турчанинова на граммофонной фирме «Зонофон». Будучи убежденным монархистом, в 1920 г. в составе Русской Армии генерала П. Н. Врангеля эвакуировался с семьей из Крыма в Югославию, где и служил протоиереем и певчим храма Св. архангела Гавриила в г. Земун.
- ⁶² Не совсем ясно, использует ли здесь автор общепринятое графическое сокращение «с. г.» в значении «сего года», которое, впрочем, в данном контексте не подходит по смыслу, или он прибегнул к краткой записи словосочетания «Спаси, Господи» — «с. Г.», но в таком случае следовало бы писать прописную букву «Г». Судя по Очеркам В. А. Хабарова, он являлся человеком, без сомнения, грамотным и образованным, к тому же глубоко верующим, и мог бы знать и соблюдать это правило правописания. Возможно, что при публикации его записок в Белграде (1930) была допущена издательская или типографская ошибка в наборе против оригинала.

Список сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
Н. ст. — нового стиля.

Рус. — инд. в XVII — Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

Рус.-инд. в XVIII — Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М.: Издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1965.

Рус.-инд. в XIX — Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

Рус.-инд. в 1900–1917 — Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

Литература

1. Басханов М. К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-история, 2018. 629 с.
2. Беляков В. В. Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945 гг.). Эль-Аламейн: неизвестные страницы войны. СПб.: Алетейа. 2017. 200 с.
3. Беляков В. В. Русская эмиграция в Египте (1920–1980-е гг.). История. Документы. Некрополь. СПб.: Алетейа. 2018. 264 с.
4. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев, Всесвятейшему монарху посвящённое; собрано на Российском языке и издано жившим в Калкутте Герасимом Лебедевым. СПб.: Типография автора, 1805.
5. Библиография опубликованных трудов И. П. Минаева // Иван Павлович Минаев: сб. ст. М., 1967.
6. Васильков Я. В. «Буреборственный путешественник»: жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева (1749–1817). СПб.: МАЭ РАН. 2017. 505 с.
7. Глазами друзей. Русские об Индии / сост. А. В. Западова и Е. П. Прохорова. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1957. 407 с.
8. Кашкадамов В. П. Письма из Индии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 1898. 25 с.

9. Кашкадамов В. П. Краткий очерк индусской медицины. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 16 с.
10. Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2018 г. 468 с.
11. Лебедев Г. С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Академия развития, 2009. 127 с.
12. Мартиросян Г. А. Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань: Зеленые острова, 2002. 114 с.
13. Минаев И. П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. В 2 ч. СПб.: Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1878. Ч. 1. 285 с.; Ч. 2. 239 с.
14. Минаев И. П. Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885–1886. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 250 с.
15. Нувахов Б. Ш., Крылов-Толстикевич А. Н. Верность клятве Гиппократа. Элита русской медицины XVIII — начала XX столетия: краткий медицинский биографический словарь. Т. 1: А — Л. М.: Август Борг, 2007. 381 с.
16. Огородникова Л. И., Лосунов А. М. Корнилов из рода Корниловых (по документам исторического архива Омской области) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 22–28.
17. Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в. Документы и материалы. М.: Главная редакция восточной литературы, 1990. 300 с.
18. Русский музей представляет: Путешествие по Индии князя Алексея Салтыкова / Альманах. Вып. 349. СПб.: Palace Editions, 2012. 202 с.
19. Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 452 с.

20. Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М.: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1965. 656 с.
21. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 374 с.
22. Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 527 с.
23. Рыженков М. Р. Сборник материалов по Азии //Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17. М.: ИВ РАН, 2018.
24. Салтыков А. Д. Письма об Индии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. 175 с.
25. Снесарев А. Е. Североиндийский театр. Военно-географическое описание. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1903. 760 с.
26. Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 178 с.
27. Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. Л.: Наука, 1986. 302 с.
28. Черникова Л. П. Русские эмигранты восточной ветви — участники Первой мировой войны // Война и общество. Материалы межрегиональной молодёжной научно-практич. конференции, посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны, и круглого стола «Казачество Урало-Поволжья на фронтах Первой мировой войны», 2014.
29. Черникова Л. П. Российская эмиграция в Китае (1900–1949) // Труды института востоковедения РАН. 2018.
30. Черникова Л. П. Русская эмигрантка в Китае в 1917–1949 годах: моделирование своего этнокультурного про-

странства в условиях иноконфессионального и иноязычного мира // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы XII международного науч. конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. В 2 ч. СПб., 2019.

Указатель имен

- Абдуррахман-хан 21, 219
Абель Ф. 212
Амундсен Р. 323
Араби-паша 216
Арсеньев Б. К. 241
Атаев П. П. 2, 3, 22–25, 145, 249–251
Аурангзеб 5
Ахмед Шах Каджар 265, 322
Баратов Н. Н. 321
Барроу Э. Дж. 165, 176, 177, 180, 182, 197, 218
Бейтмен-Шампейн Х. Ф. 260, 321
Бенкендорф А. К. 225, 227, 240
Берестнев Н. М. 13
Бернс А. 221
Блэд, Биндон-Блэд 160, 164, 165, 167, 217
Блюмкин Я. 321
Брюс В. А. 109
Вербицкий В. Д. 317, 326
Верн, Жюль 274, 279
Вернер Э. Л. 13, 74, 87, 107
Вигас А. Г. 101
Вигасин А. А. 11
Вигура А. Ф. 13, 80, 109
Вилькокс Дж. 197, 214, 223
Виндзоры:
 Виктория 44, 103, 114, 212, 231, 243
 Эдуард VII 213, 235
 Георг V 241
Вир Т. 34, 81, 84, 102
Владимиров А. А. 59, 106
Воловников В. Г. 10
Врангель П. Н. 326
Вудхауз Дж. 160, 164, 165, 217
Выгорницкий А. И. 18, 110, 112, 210, 211
Высокович В. К. 12, 72, 107
Габричевский Г. Н. 105, 106
Гаеквары:
 Сайеджи Рао III 238, 243
 Фатех Сингх Рао 238, 244
Галиотти Дж. 74, 83, 108
Гамбурцев А. А. 255
Гангу 278, 279, 281, 288
Гатакр В. Ф. 35, 40, 102
Гентер, см. Хантер
Гильфердинг А. Ф. 18
Горемыкин И. Л. 102
Грамматчиков А. И. 59, 106
Грей Э.
Губкин А. Г. 326
Губкин А. С. 326
Демчинский Н. А. 266, 323
Джанг Бахадур Рана 216
Джеймс С. С. 102
Джемс 78, 108
Дженкинс Л. Х.
Дин 182, 189
Диммок Х. П. 102
Домонтович А. И. 320

- Доржиев А. 215
 Дьюар Дж. 212
 Екатерина Браганца 231
 Жирмунский А. Г. 9
 Жуков В. Ф. 267, 268
 Заболотный А. К. 12, 13
 Извольский А. П. 225, 240, 241
 Иоанн (Иван) Грозный 298, 324, 325
 Ионов М. Е. 319
 Июнева Н. М. 26
 Йерсен А. 35, 58–60, 70, 102, 105, 109
 Йетт (Йет) 188, 210
 Каваньяри Л. 221
 Каландар-хан 144
 Карахан Л. М. 24, 25
 Карл II 231
 Касимов М. Ю. 5
 Катта-тюря 174, 219
 Кауфман К. П. 181, 221
 Кахузак В. Ф. 102
 Кашкадамов В. П. 2, 12–17, 69, 70, 73, 74, 76, 78, 79, 81, 83, 85, 87, 89, 91, 92, 94, 101, 106, 109
 Керенский А. Ф. 259
 Керзон Дж. Н. 125, 213, 215
 Кечвайо 222
 Кивекэс Э. К. 256, 257, 319
 Китасаро Сибасабуру 103
 Китченер Г. Г. 21, 112, 114, 124, 128, 143, 178, 188, 196–198, 200, 203–205, 208, 211
 Китченер Ф. В. 147, 159, 160, 217
 Клемм В. О. фон 26, 112, 210, 211, 223, 227–229, 242
 Клемо (Клемоу) Ф. Дж. 76, 108
 Ковригин С. С. 254
 Кожекина М. Т. 10
 Колчак А. В. 269
 Комаров А. В. 219
 Корнилов Л. Г. 2, 3, 20–23, 31, 110, 210, 211, 218
 Кох Р. 102
 Кузнецов А. Г. 315
 Кузнецов А. С. 315
 Кук 84
 Кулидж Дж. 309, 325
 Кучек-хан 321
 Къям-хан 214
 Ламингтон 228–230, 236, 242
 Ламсдорф В. Н. 225, 241
 Лебедев Г. С. 6, 7, 9
 Левин А. М. 2, 12–14, 16, 33, 68, 72, 101, 104, 106
 Левина-Мерварт Л. А. 14
 Ливкин Д. И. 10
 Лисянский Ю. Ф. 6
 Лосев В. В. 18, 250, 252
 Люстиг А. П. 83, 108, 109
 Маев Н. А. 256, 320
 Майдель В. Н. 258, 320
 Майтов, см. Маев Н. А.
 Макдональд Д. 161, 215, 218
 МакКлелан 139
 МакМагон Г. 209, 224
 Маленький С. 5
 Мальцев (Мальцов) С. И. 253, 254, 318
 Мамонтов 258
 Марк С. А. 13
 Мартиросян Г. А. 24
 Мей Л. А. 8
 Мечников И. И. 103, 109
 Минаев И. П. 8, 9
 Мир Махбуб Али Хан Бахадур
 Асаф Джах 125, 213
 Митрохин Л. В. 10
 Моффит 139
 Музаффар, эмир 219

- Мухаммад Ахмад 217
 Мухаммед-Али 241
 Муханов А. В. 246, 251
 Насер ад-Дин Каджар 320
 Никитин А. 5
 Нобиле У. 274, 323
 Новицкий В. Ф. 9
 Норзунов О. 220
 Ньюем 141
 Одоевский-Маслов Н. И. 18, 220
 Ольденбургский А. П. 12, 105, 318
 Ост А. И. 13, 74, 87, 107
 Пальмер А. 196, 223
 Памэр, см. Пальмер
 Панафидин П. Г. (П. Е.) 111, 211
 Пастер Л. 12, 102, 109
 Пашино П. И. 10
 Перлов А. 317, 325
 Половцов А. А. старший 26
 Половцов А. А. 2, 3, 23, 26–29, 225, 240–242, 244
 Полозов А. А. 19, 211
 Попов К. А. 325
 Попов К. С. 317, 325
 Попов С. А. 325
 Поэ 242
 Пробин 148
 Пушкарев Н. С. 255
 Пушников Р. 5
 Райков А. В. 10, 11
 Рамсей 188, 194
 Раскольников Ф. 321
 Рафаилов М. 10
 Редров Е. А. 13
 Рей Д. 77, 108
 Реза-шах Пехлеви 262, 322
 Рид, Майн 275
 Робертс Ф. С. 114, 174, 206, 212
 Романовы:
 Александр I 105
 Александр II 25, 320
 Александр III 12
 Екатерина II 6
 Михаил Павлович 27
 Николай II 12, 27, 102, 215
 Рош 139
 Рыбинский Н. З. 31, 262, 264, 318, 322
 Рыженков М. Р. 1, 2, 10
 Саид Мохаммед Абдула Хасан 215
 Салтыков А. Д. 7, 8
 Сандеман Р. 222
 Сахаров В. В. 210
 Сендхерст В. М. 25, 40, 102
 Сергеев С. П. 253
 Серебrenников И. К. 18, 19, 122, 213
 Симон П.-Л. 86, 93, 109
 Смелов С. Д. 253
 Смит-Дорриен Г. Л. 114, 165, 188, 189, 190, 197, 212, 218
 Снесарев А. Е. 9, 10, 18, 211
 Сноу П. Х. С. 102
 Солсбери 242
 Старосельский В. Д. 260, 261, 265, 321
 Столетов Н. Г. 18, 191, 220, 221
 Стюарт 167, 169
 Сулин 260
 Сыроежин Н. 5
 Тибо 221
 Тилак Б. Г. 11
 Тимлер А. К. 18, 220
 Туруверов И. М. 317, 326
 Турчанинов П. И. 326
 Уотс 176
 Успенская Л. 254
 Успенский Г. 319
 Успенский Н. В. 254, 319
 Федченко А. П. 256, 320
 Филиппс 143–146
 Филлипов Г. В. 261, 321

- Фируз-шах Туглак 214
 Флавицкий К. Д. 324
 Фрезер 121, 124
 Хабаровы:
 Владимир Александрович 2, 3,
 30–32, 253, 262–264, 318, 321,
 323, 324
 Вера Ильинична 263, 280, 305,
 311, 312
 Игорь 263, 279–281
 Олег (Леска) 263, 305, 308, 309,
 312
 Сергей Семенович 253
 Хабибулла 234
 Хавкин В. А. 17, 35, 59–61, 64, 66,
 67, 69–72, 74, 81–83, 85, 90, 92, 93,
 100, 102, 103
 Хантер А. 114, 116, 197, 212
 Цыбилов Г. 215
 Чиркин С. В. 227, 241, 242, 248,
 250, 251
 Шаляпин Ф. И. 326
 Шампень, см. Бейтмен–Шампейн
 Шер Али-хан 219
 Шнеур Н. Я. 18
 Шоу 164
 Штиглиц А. Л. 27–29
 Щербатова О. А. 9
 Щербатской Ф. И. 11
 Эгертон 215
 Юлиус 143
 Юнгхасбенд, Янгхазбенд Ф. Э.
 169, 215, 218
 Ягелло И. Д. 246, 251
 Янг В. М. 108
 Ясенский Ф. А. 13, 74, 80, 87, 107
 Bayers 152
 Choksey (Choksy) 70, 106
 Delamain 147, 148
 Gatacre, см. Гатакр
 Grey E. 226, 240, 241
 Hankin 74, 108
 Hutchinson 152
 Jate 111
 Jeejeebhoy J. 41, 104
 Jenkins K.M. 235, 236, 243
 Kalapesi 64, 65
 Lamington, см. Ламингтон
 Mallet L. 225, 240
 Maynard 77, 78, 108
 Morley J. 226, 241
 Muir 143, 146
 Nariman 75, 108
 Newnham, см. Ньюем
 Onslow 116, 118, 120
 Paterson 131, 133
 Pertab Singh 230, 231, 243
 Poiares 64, 65
 Ramsay, см. Рамсей
 Richardson 137
 Ryall 149
 Shroff 75, 108
 Smith-Dorrien, см. Смит-Дорриен
 Stocley 162
 Weir, см. Вир
 Willcocks 137, 143
 Whittall 125
 Yersin, см. Йерсен

Summary

The present collection of documents opens with the papers narrating the activities of Russian physicians commissioned to India in 1897–1901 to examine the plague epidemic and to subsequently treat the disease. In January 1907 rumors about plague in Afghanistan reached Russia and a special commission was established in order to prevent the spread of plague into Russia. This commission dispatched to India several groups of physicians in order to gain experience in treating the plague. These groups included both established doctors and young physicians. The book comprises two published reports, the first one by Dr. Aleksey Mihaylovitch Levin (1861–1932), and the second by Dr. Vasiliy Petrovitch Kashkadamov (1863–1941). There is also a publication of letters by Dr. Kashkadamov where he describes his impressions. Altogether, there are 15 letters. All of them were previously published in Dr. Botkin's Hospital Paper in 1898. Due to the current Covid-19 epidemic, these documents again became of significant interest.

Russian War Ministry didn't have any information on Anglo-Indian army stationed in North-Western India. Therefore, the General Staff Colonel an intelligence officer with an intimate knowledge of Central Asia Lavr Georgeovitch Kornilov (1870–1918) was posted there. He travelled through the length and breadth of North-Western India, examining the status and alert of the forces and condition of the fortifications. Since the beginning of the Russo-Japanese War, the attitude of British officers changed greatly and he had to leave India. This volume contains his report about his trip and observations of the Anglo-Indian army.

As a supplement to Kornilov's report there is a set of documents regarding the Staff Captain Petr Petrovitch Atayev's (1873–?) secret mission to India. A graduate of the Hindustani military courses in Tashkent he was fluent in Hindustani. An Armenian by birth, he was of oriental habitus. Therefore, he successfully adopted a false identity of a merchant and traveled all over North-Western India. Atayev never raised any suspicion. The secret mission of Atayev began in December 1906, i. e. at the time of the negotiations on the division of the spheres of influence in Central Asia between the Russian Empire and Great Britain.

The first Russian Imperial Consulate General was established in Bombay in December 1900. The first Russian Consul Alexis William von Klemm (1861–1938) had to work in the constrained environment of the Great Game in Central Asia. However, later on the Russian Empire and the British Empire started to shift in their policy from confrontation to a cautious alliance. Von Klemm's term of tenure was over and a new person had to start a new policy of the state. Alexander Alexandrovitch Polovtsov (1832–1909), an aristocrat and a man of wealth, was posted to Bombay. A fragment of his *Memoires* published in this volume deals with his sojourn in India. It is of a significant interest because it deals with a short period of the Anglo-Russian Entente of 1907 and the transition to the new policy.

Об авторе

Загородникова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН). Окончила Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова (1975), аспирантуру ИВ РАН (1975–1978), в 1980 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Аграрные отношения в Гуджарате в XVIII — начале XIX в.». Занимается архивными исследованиями и публикацией документов по русско-индийским и русско-цейлонским отношениям в XIX — начале XX в., работала во многих архивах Москвы, Ленинграда, Дели и Калькутты. Является составителем и автором введения и комментариев 3-х сборников архивных документов и материалов (Л. Н. Толстой и Индия. М., 2013 и др.), автором 1 монографии («Индия и Серебряный век русской культуры. Очерки русско-индийских отношений») и соавтором 3-х коллективных монографий (Россия — Индия: от диалога к сотрудничеству и партнерству. Очерки российско-индийских отношений в XX — начале XXI в. М., 2020; Махатма Ганди и современный мир. М., 2020; Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. М., 2011), а также более 110 научных статей.

<https://orcid.org/0000-0002-7210-834X>

Научное издание

РУССКИЕ В ИНДИИ В КОНЦЕ XIX –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Сборник архивных документов и материалов

Редактор *М. С. Грикурова*
Наборщик текста *И. Козарезова*
Верстальщик *Н. А. Кильдишева*
Технический редактор *Д. С. Лялюева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Фотограф *Д. С. Моева*
Корректор *М. Я. Колесник*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 12.08.2022. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 21,125. Тираж 300 экз. Заказ № 2752-22

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *Ш. Р. Кашаф*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных
ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>